. Аноним

Канал имени Москвы

«Канушкин Роман Анатольевич»
2015

Аноним

Канал имени Москвы / Аноним — «Канушкин Роман Анатольевич», 2015 — (Канал имени Москвы)

ISBN 978-5-17-087580-1

ISBN 978-5-17-087580-1

© Аноним, 2015
© Канушкин Роман Анатольевич, 2015

АНОНИМ
КАНАЛ
ИМЕНИ
МОСКВЫ
Мир пожрал туман. Движение возможно только по воде

Аноним

Канал имени Москвы

Серия «Канал имени Москвы», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9281506
Аноним Канал имени Москвы : [роман]: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-087580-1

Аннотация

Мир пожрал туман, и движение возможно только по воде. Что там, в тумане: ожившие страхи, древние чудовища или древние боги? Те, кто знают, молчат. Маленькую Дубну, столичный Дмитров и зловещие Темные шлюзы канал связывает с угасающими островками цивилизации. От тайны к тайне, от шлюза к шлюзу – к мифической Москве, которую также, возможно, накрыл туман.

«Канал имени Москвы» – первый роман самого обсуждаемого и ожидаемого цикла последнего времени.

Содержание

Глава 1	7
1	7
2	12
3	20
4	24
5	25
Глава 2	28
1	28
2	30
3	33
4	34
5	35
6	36
7	37
Глава 3	41
1	41
2	43
3	47
Глава 4	51
1	51
2	55
3	57
4	60
5	61
6	64
7	65
Глава 5	70
1	70
2	72
3	76
Глава 6	79
1	79
2	84
3	88
4	92
Глава 7	99
1	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Аноним
Канал имени Москвы

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.
© Аноним
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2014

ДВИЖЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Глава 1
Белый кролик

1

Они пересекли канал рано утром восьмого мая, и дул сильный норд-ост. Это было хорошо, потому что остатки тумана, клочьями стелившегося над водой, прибило к правому берегу, и поверхность Волги окончательно расчистилась. Великая русская река разливалась здесь широким Иваньковским водохранилищем и резко поворачивала к Дубне, затем через Кимры, к Ярославлю и ещё дальше на восток и юго-восток, к живым и призрачным городам, пока не впадала в таинственное Каспийское море, о котором ходило столько слухов, легенд и баек.

Человек в пыльном походном плаще и мягкой шляпе, которую он считал панамой, неслышно усмехнулся и принялся счищать кожуру с яблока. Другая часть волжской воды поднималась здесь по каналу до процветающего Дмитрова и выше, до Яхромы и даже Икши, если створки между шлюзами пять и шесть всё ещё были открыты. Человек в пыльном плаще отрезал себе кусок яблока тяжёлым складным ножом, чьё широкое лезвие было отполировано почти до зеркального блеска. Он устроил себе ложе в тени старого ясеня, склонённого над водой, и с самого рассвета наблюдал за туманом на другом берегу. Ещё на нём был надет не менее пыльный камуфляж, а через плечо он перекинул баул из непромокаемой ткани. Надетое же на камуфляж было скрыто под длинным плащом. Прочные кожаные ботинки на вибрамовской подошве выдержат, на его взгляд, ещё одну починку, хотя в мире, где такая обувь выпускалась массовым производством, их давно уже определили бы на свалку.

Некоторое время назад, но уже после того, как они пересекли канал, он извлёк из своего баула потускневшую латунную трубку с припаянными дужками, через которые был пропущен задубелый кожаный ремешок с множеством бисерин. Эта вышивка напоминала буквы давно утраченного алфавита, а рядом с трубкой к ремешку крепился то ли большой клык, то ли, напротив, небольшой игрушечный костяной бумеранг и кусочек чёрного пера. Человек в пыльном плаще поднёс латунную трубку с того конца, где были две сквозные насечки, к губам, и издал тихий, на грани слуха, металлический свист. Противоположный конец трубки был запаян, и к нему крепился резонатор. Затем он надвинул свою шляпу-панаму на глаза и принялся ждать в тени ясеня.

Ворон, как и всегда, появился внезапно, хотя человек в плаще знал, что при желании смог бы проследить за его полётом. Птица сидела на ближайшей ветке, неподвижно склонив голову, и пристально смотрела на латунный манок. В глубине её круглых глянцевых глаз тускло светился золотой огонёк.

– Привет, Мунир, – произнёс человек в плаще.

Птица встрепенулась и, перелетев на плечо к человеку, начала переминаться с лапы на лапу. Присутствовала в движениях ворона какая-то весёлая деловитость. Человек в плаще всегда подозревал, что у него довольно весёлый нрав, если, конечно, у границ, которые ворону приходилось пересекать, вообще действуют подобные категории.

Человек бережно, успокаивая, похлопал птицу, а потом быстрым и точным движением выдернул из-под крыла небольшое перо. Ворон молча перенёс экзекуцию. В отличие от многих врановых, собратьев-*воронов*, попугаев, скворцов и пересмешников, которые болтают на потеху зевак, ворон Мунир не умел говорить. По крайней мере, не мог издавать членораз-

дельных звуков, воспринимаемых человеческим ухом. Зато он умел слушать. Внимательно слушать и слышать, и этим его способности не ограничивались.

Человек в плаще прикрепил к своему латунному манку выдернутое перо, а старое словно само потускнело и отпало. Он снова похлопал птицу, и ворон перешёл на вытянутую руку и уселся на кулак. Лапы с острыми когтями были сильными, и человек чуть поморщился – давно ворон не сидел у него на руке. Мунир деликатно ослабил хватку и внимательно посмотрел человеку в глаза. В этих чёрных глянцевых зеркалах можно было увидеть много всего («Это всё из-за тумана», – холодком мелькнула какая-то ненужная назойливая мысль), но человек в пыльном плаще произнёс лишь одно слово:

– Пора.

Ворон всё ещё внимательно смотрел на человека, словно ждал подтверждения, и тогда тот, кивнув, негромко добавил:

– Время пришло.

Словно в ответ птица встрепенулась, в глотке её родился каркающий звук, и, захлопав крыльями, вспорхнула в воздух. Описав небольшой круг, ворон, не набирая высоты, полетел через реку к противоположному берегу, где туман, сгущающийся в глубине до лиловой мглы, подходил почти к самой воде. Человек в плаще улыбнулся, наблюдая за полётом ворона, он видел, как тот превратился в точку, а потом как точка начала растворяться в мглистой дымчатой завесе.

– Давай, лети, старый друг, – проговорил человек. Чуть поёжился, снова вспомнив, как сегодня на рассвете они пересекли канал, и подумал, что, скорее всего, является единственным, кто видел это.

Вскоре точка стала неразличима – туман поглотил ворона. А он всё ещё стоял и смотрел на мглистую завесу, что клубилась на правом берегу, смотрел на туман, который не был туманом.

Сейчас человек в пыльном плаще отрезал себе кусок яблока и, бросив взгляд на лезвие ножа, снова усмехнулся. Но теперь, наверное, в этой усмешке мелькнуло что-то опасное, и его серые глаза, спрятанные под надвинутой на лоб шляпой, стали на миг очень холодными. Подушечкой большого пальца отёр с лезвия яблочный сок и чуть повернул его, поймав солнечный зайчик. Он их видел уже некоторое время – тех, кто приближался сейчас со спины: отполированное лезвие служило неплохим зеркалом, хоть и искривляло силуэты. Схоронясь в густом кустарнике, они крадучись двигались с разных сторон, пытаясь не производить лишнего шума. Вне всякого сомнения, точкой, где они намеревались встретиться, был старый ясень, под которым сидел человек в плаще.

«Их подослали меня убить? – с некоторой отстранённостью подумал он. И следом мелькнула мысль: – Вряд ли. Тот, кому в мирной Дубне понадобилось меня убить, не стал бы нанимать троих олухов, которые, при всём усердии, шумят, как торговки на базаре». Однако… Расплывчатые отражения силуэтов в зеркале ножа чуть выросли, и стало возможным получше рассмотреть, с чем они пришли. Всего лишь две биты, наверняка утяжелённые, и – сидящий сейчас под ясенем еле заметно поморщился – допотопная охотничья гладкостволка.

– Ступайте обратно, – не поворачивая головы, сказал человек в пыльном плаще. – Возвращайтесь по домам, если они у вас, конечно, есть.

Фигуры в отражении застыли. Не сразу, а как только до них дошло, что говорят с ними. Потом быстро и нерешительно переглянулись. Даже спиной человек в плаще ощущал их напряжённое молчание. «Растерянность, смятение и агрессивность – привычная смесь, – чуть устало подумал он. – И крайне опасная. Как мелкие сварливые собаки, которые со

страху могут здорово цапнуть. Трусливые истерики могут наделать много беды». Наконец он услышал:

– Отдай нам оружие. И мы тебя не тронем.

Он вздохнул, и говоривший быстро добавил:

– Шелохнёшься – стреляю.

– С чего вы взяли, что у меня есть оружие? – спокойно поинтересовался человек в пыльном плаще.

– Ну… ты ведь… *гид*?

– Если ты так говоришь, – усмехнулся он. Никто не заметил, как пальцы совершили быстрое круговое движение, и теперь нож плотно лёг в его ладонь лезвием.

– А у гидов всегда при себе оружие, – заявил тот, кто стоял за спиной. А потом раздался звук, который ни с чем не спутать, сухой клацающий звук взводимого курка. – Ну, я жду!

– Хорошее ружьё, – вдруг похвалил человек в плаще. – Надо же, «Зауэр три кольца». Германское. Два ствола в горизонталь. Двенадцатый калибр. Когда-то стоило целое состояние, а сейчас вещь вполне себе бесполезная.

За спиной молчание. Вся троица на мгновение сбита с толку. В принципе, он мог всё сделать быстро. Не оставить им шансов. Они бы даже не успели понять, что уже мертвы. И возможно, это было бы правильно. С санитарной точки зрения. Только… Только вопрос этот всё ещё оставался спорным. Старый, как мир, вопрос цели и средства. Ведь вот как – всё рухнуло, а старые вопросы остались. А за спиной шёпот, новый голос:

– Как это он узнал? Про ружьё?!

– По звуку, – спокойно пояснил человек в пыльном плаще. – Когда твой приятель взводил курок.

Молчание. Всё более густое, наэлектризованное. Спросивший про ружьё явно не ожидал, что его услышат под ясенем. Снова шёпот:

– Говорил же, не стоит с ним связываться! О них такое ходит…

Потом третий, грубый голос:

– Ладно, кончаем его. Давай! И сами всё заберём!

«Вопрос цели и средств… трусливые истерики правда опасны. – Человек в пыльном плаще снова поморщился, а следом опять назойливо мелькнула эта совсем не подходящая ситуации мысль: – Это всё из-за тумана». Третий голос всё более входил в раж, обогащаясь интонациями беспощадности:

– Чего с ним цацкаться? Валим его! Если кишка тонка, давай я сделаю. Давай!

Там, за спиной, в зеркале лезвия, происходила сейчас смена лидера. Как это всегда бывает, даже самой маленькой стае требуется вожак, который будет действовать. Если его действия окажутся поспешны, неосмотрительны или глупы, то стая погибнет.

Эта стая доживала сейчас последние мгновения. Хотя ни у кого из них человек в пыльном плаще не собирался отнимать сегодня жизнь. Но они сейчас совершили несколько ошибок. Замешкались, передавая ружьё, а это целый вагон времени (так говорили в его детстве); не определились сразу, насколько далеко готовы зайти, хотя… Главная ошибка была другой – им вообще не стоило сегодня утром здесь оказываться. Ведь лишь в одном они оказались правы – он действительно гид. И если б он был *просто* гидом, сейчас на берегу лежало бы три трупа. И даже их предсмертные конвульсии уже бы закончились. Но им несказанно повезло: просто гидом он не был.

Полёта ножа в воздухе никто не заметил, лишь свистящий шёпот. Человеку, который сейчас вознамерился стать вожаком стаи, показалось, что между глаз ему воткнули раскалённую кочергу. И она, белой молнией боли, двинулась дальше, взрывая мозг мириадами искр в ореоле густой черноты. Он повалился на колени, выпуская ружьё из рук. Один из его

подельников, видимо, тот, что шептал, просто застыл на месте. Второй попытался подхватить оружие, когда услышал:

– Не стоит этого делать, если хотите жить.

Но не только ледяное спокойствие, исходящее от этого голоса, заставило их повиноваться – они никогда не видели, чтобы человек двигался так быстро. Вот он только что сидел в тени ясеня, а теперь стоит лицом к ним, а из-под полы его распахнутого плаща чёрной бездной на них смотрит ствол.

«Господи, ведь это “калашников”, – мелькнуло в голове у того, кто говорил шёпотом. – Где ж он прятал его? На спине?!»

– Вы безмозглое и опасное дурачьё, – произнёс человек в пыльном плаще. – И мне жаль на вас пороха. Но больше вам так не повезёт. Поняли меня?

Те стояли, ошарашенные, и, казалось, ещё не пришли в себя.

– Я спрашиваю: поняли?

Оба согласно затрясли головами, что придало им сходства с китайскими болванчиками. Когда-то такой стоял в буфете, в доме, полном света, о котором в последнее время ему удавалось почти не думать.

– Что вы поняли? – Голос человека в плаще звучал ровно: ни вызова, ни угрозы.

Тот, что говорил шёпотом, облизал пересохшие губы. Ему стоило труда произнести внятно следующую фразу, но он постарался:

– Больше так не повезёт. Нам…

– Это верно, – подтвердил человек в пыльном плаще. – Так – никогда. А теперь убирайтесь. И чтоб я вас не видел.

Он сделал шаг в их сторону, и оба испуганно попятились.

– И заберите с собой это дерьмо, – он кивнул на несостоявшегося вожака: тот лежал, уткнувшись лицом в лужу собственной крови, смешанной с прибрежной пылью.

– Ведь ты убил его? – Говоривший шёпотом снова облизал губы и снова перешёл почти на шёпот.

– Если б захотел, – спокойно отозвался человек в плаще. – Он жив. Нож ударил его рукояткой, а когда со лба сдирают кожу, это даёт много крови.

Больше не обращая на них внимания, он нагнулся, отыскав в траве свой отскочивший нож, отёр рукоятку большим листом лопуха. Потом поднял двустволку.

– А ружьё я заберу, – сказал он.

Те стояли, не смея пошевелиться.

– Только это не трофей. Будем считать, что оказываю вам услугу – избавляю от глупых и смертельно опасных мыслей.

Оружие оказалось в прекрасном состоянии – видимо, ворованное: обчистили дом кого-то из учёных и пошли с дробовиком на гида. Пошли за чем-то более серьёзным: за нарезным стволом – карабином или, если повезёт, автоматом. Им и повезло, только они не представляют, насколько. Оба всё ещё стояли, бледные от страха, и угрюмо смотрели на него.

– Я что сказал? – Человек в плаще повесил двустволку на плечо. – Вон! Пошли отсюда!

Они неверяще повернулись, вжав головы в плечи, словно ожидая выстрела в спину. Человек в плаще чуть брезгливо поморщился и снова подумал, что с санитарной точки зрения было бы правильно не оставлять им шансов. Он смог бы убить их быстро и безболезненно, возможно, сохранив тем самым чьи-то жизни. И кто знает, может, таков теперь его путь: быть просто санитаром, прагматичным санитаром, и действовать вне связки вопросов цели и средств. Его рука пошла вверх по ремню, как будто он сейчас скинет двустволку и его большой палец взведёт спущенный было курок, а указательный ляжет на спусковой крючок и плавно нажмёт его…

(это всё из-за тумана)

Вместо этого человек в плаще лишь окликнул их:

– А дружка кто заберёт? – Он вдруг почувствовал, как наваливается дикая усталость, и прежде всего из-за ежесекундной необходимости делать моральный выбор. И ещё от того, что выбор, подобный сегодняшнему, давно уже не приносит ему радости, даже атавистической радости подаренной кому-то жизни. – И послушайте, хоть вы и мерзкое отребье, я скажу кое-что: следующая встреча с гидом окажется для вас последней.

Прежде чем уйти, они одарили его взглядом затравленных шакалов, которые обязательно укусят исподтишка. Тогда зачем он это говорит? Потому что таков его долг? Но все проповеди давно рухнули в небытие вместе с проповедниками, сдохли, как и мир, который они должны были спасти. А он стоял и смотрел им вслед, и ветер, к счастью, в сторону реки, обдувал его лицо.

Когда-то в доме, полном света, в другой жизни, он рос счастливым ребёнком, которого очень любили. Мама, конечно, в шутку звала его «особенным мальчиком», и в его сердце, давно уже превратившемся в камень, всё же запечатлелась эфемерная капля той нежности. Возможно, это был лишь отсвет, но он сохранился. А отец, хоть и был очень занят, всё же находил время поиграть с ним. И повоспитывать. Отец никогда не говорил прямо о моральном выборе, цели и средствах, но много рассказывал о людях, которым приходилось подобный выбор делать. Да, он был счастливым ребёнком, и, по идее, у него не оставалось шансов выжить после того, как тот мир закончился. И уж тем более стать тем, кем он стал.

А потом он заставил себя больше не думать о вещах отвлечённых и тем более думать о прошлом. Лишь подошёл к воде и посмотрел на другой берег – туман казался непроницаемым. И было почти незаметно, как что-то в нём клубилось, набухало и пульсировало, было почти незаметно, что туман полон жизни. Человек в пыльном плаще передёрнул плечами, плотнее схлопывая полы, словно только что его пробил озноб, и вспомнив, как сегодня на рассвете они пересекли канал, чуть слышно проговорил:

– Ну, вот и началось.

2

Чуть худощавый и не в меру вихрастый юноша с большими карими глазами на веснушчатом лице остановился у обочины дороги и произнёс:

– Ну, и что всё это значит?

В принципе, обычно он редко разговаривал сам с собой вслух. Он был нормальным молодым человеком с серьёзными планами на будущее. Он вырос в Дубне, городе учёных, рыбаков, гребцов и мирных фермеров, и лишь выражение мечтательности, не часто, время от времени посещавшее его лицо, отличало его от большинства сверстников. Юноша перешёл деревянную, залитую солнцем мостовую и двинулся вдоль набережной, где плоты-причалы были украшены гирляндами по случаю завтрашних торжеств. Приготовления к весенней ярмарке, одному из двух главных событий на канале, шли полным ходом, и весь городок жил в предпраздничной лихорадке.

Звали юношу Фёдором. Хоть одет он был и небогато – в чистые, изрядно поношенные рабочие штаны с самодельными заплатками на коленях да в видавшую виды кофту с разными пуговицами у разреза ворота, – эти его карие глаза, в которых светился весёлый любопытствующий огонёк, не остались без внимания сверстниц. Тем более что веснушки, крайне редкие для кареглазых, появлялись у Фёдора лишь в мае, а потом проходили, отлетали, куда-то девались, отмечая ещё один год его жизни, которых набралось уже девятнадцать. Простой наряд весьма шёл ему; худощавость при желании вполне можно было принять за ладно скроенную поджарую фигуру, а разные пуговицы – за проявление оригинальности и собственного стиля. Некоторые девушки Дубны сполна обладали подобными желаниями, только Фёдор ничего об этом не знал. Его сердце давно уже принадлежало лишь одной из них.

Сегодня на рассвете Фёдор проснулся со странной фразой, которую тут же забыл. Произнёс он её сам или кто-то во сне сказал это его голосом, он не знал. И вроде бы слова были пустяковыми и даже, скорее, сулили что-то интересное, новое, необычное, то ли приключение, то ли что-то… Предостережение? Это странное туманное, неуловимое ощущение, как будто между «да» и «нет» – могло ли такое быть? Присутствовал ли какой-то неприятный холодок во всём этом или померещилось со сна? Всё утро Фёдор пытался вспомнить странную фразу. И даже когда шёл на занятия с отцом, ненавистные унылые занятия по бухгалтерии, хитрая фраза не давала ему покоя. Словно ему сказали (или он сказал!) что-то крайне важное, что он может пропустить, не понять, не вспомнить, а потом, наверное, станет очень сожалеть. Потому что… Собственно говоря, ненавистный бухучёт, а точнее, выхлопотанное батей местечко в налоговом отделе Дмитровской водной полиции (место хлебное, конечно) и было тем серьёзным будущим, с которым Фёдор, как покорный сын, вынужден был согласиться. Хотя грезил совсем о другом. Манили его тайны канала. Другая жизнь, полная скитаний и чудес. Так или иначе, всё утро Фёдор старался вспомнить сон, не отпускали его странные слова, словно они и были потаённым ключиком к этой другой жизни. Он пытался, но ничего не прояснялось. Лишь от старика своего, бати, получил на занятиях выволочку за рассеянность и отсутствующий вид. А потом батя, к счастью, обнаружив, что в доме кончился сидр, вручил Фёдору две пустые фляги и отослал сына в «Белый кролик», безусловно, лучший трактир в городе.

Своим отменным вкусом дубнинский яблочный сидр был знаменит по всему каналу (а говорят, и за пределами, если таковые существуют), лучший же сидр в городе подавали в «Белом кролике». А какую там коптили рыбу! Настоящую волжскую рыбу, чистую, проверенную учёными, а не выловленную непонятно кем и непонятно где. Местные рыбаки любили говаривать, что о рыбе за пределами Дубны с уверенностью можно сказать лишь

одно, а именно что *уже* неизвестно, насколько она *ещё* рыба. «Хорошо ловится рыбка-мутантка?» – частенько подначивали они своих незадачливых коллег-конкурентов.

Фёдор с радостью взялся исполнить поручение отца. Во-первых, оно освобождало от так нелюбимых занятий. А во-вторых, нашлись у Фёдора и кое-какие собственные планы в «Кролике», который завтра соберёт добрую половину города, а через три дня, на закрытие ярмарки, уж явно съедутся все. И главное, там будет немало чужаков. Из гребцов, которые ничем не обязаны его бате. «Что ж, именно сейчас, в эту навигацию», – подумал Фёдор. Это решение вызревало в нём давно, а лучшего времени, чем весенняя ярмарка, трудно было подыскать.

Ярмарка всегда притягивала самый разнообразный народец. Съезжались окрестные торговцы и дмитровские купцы, которые по последней моде всё чаще именовали себя «негоциантами»; приходили рыбаки и горожане, кто по делам коммерции, а кто за новостями; водная полиция жаловала своим вниманием ярмарочные торжества, куда ж без неё; и кое-кто из учёных, даже гиды, бывало, появлялись в эти шумные дни, но самое важное для Фёдора – ярмарка, как магнитом, тянула к себе множество гребцов. Их обветренные лица, почти такие же, как у гидов, можно было отличить с первого взгляда. На танцах они не бузили, да и вообще два раза в году выказывали несвойственную сдержанность. Ещё бы, вовсе не погулять сбирался речной люд, а, как у них было принято говорить, «зацепиться веслом». Люди канала приходили на ярмарку за контрактами. В эти дни всегда появлялась возможность получить самый неожиданный заказ, поэтому некоторые гребцы не то что к торговым рядам, а даже на вечерние посиделки в трактире заявлялись полностью собранными, готовыми сняться с якоря, сорваться в любой момент. Оно и понятно – хороший контракт на перевозку может год кормить. Конкуренция была жёсткая, но с обеих сторон: из нанимателей выигрывали самые щедрые, из гребцов – самые опытные. Даже до Дмитрова, хотя здесь всего-то немногим более сорока вёрст по каналу, путь не всегда безопасен. А за процветающей купеческой республикой, выше и дальше по каналу, у Тёмных шлюзов человек незнающий пропадёт сразу. Лишь гребцы, да ещё Дмитровская водная полиция знают характер, дух и непростой норов канала, знают все тонкости и нюансы, особенно про то, что может происходить по берегам, на что лучше не смотреть и уж точно не поминать к ночи. Знают, где и чего стоит беречься и в какие дни лучше не ходить вовсе. Хотя всего, конечно, не знает никто. Даже гиды, о которых люди столько судачат, но всегда затихают при их появлении.

Вот именно на этот пришлый люд и надеялся Фёдор. Слышал юноша, да и не он один, что гребцы, бывает, не чураются и «левых» заказов, контрабанды: рисковых и хлебных «серых» (это когда почти с ведома водной полиции) и «чёрных» рейсов, – на них и рассчитывал. «Гребцом, конечно, наняться не удастся, – прикидывал Фёдор, – но матросом или юнгой и, если не выйдет по-человечески, в какой-нибудь “левый” рейс – вполне возможно». А ещё рассчитывал заказать на завтрашнее открытие ярмарки лучший столик, потому что Вероника обещала пойти на танцы с ним.

«Конечно, Сливень не откажет, – думал юноша, – не зря старинный батин приятель. Самый козырный столик будет моим».

(и всё же, о чём была хитрая фраза?)

В «Белом кролике» рыбу не только коптили. Хороша была также тройная уха. А запеченная рыба? А жаренная в большой шкворчащей сковороде да залитая юшкой? Ох-ох-ох, это вам… Юноша даже почувствовал приток слюны. Но он завтра закажет другое, чем и поразит Веронику. Главное, фирменное блюдо, под которое копил, откладывая по монетке, целый год. Вкуснейшее, пальчики оближешь, рагу из кролика. С картошечкой, кореньями, лучком и шампиньонами, приправами, которые сыщешь только в Дмитрове, да обильно сдобренное сливками. Но вовсе не крольчатина, которая в Дубне не переводилась, делала это блюдо царским, а как раз таки густой соус, сваренный на основе настоящих коровьих

сливок. Возможно, благодаря именно этому рагу, а точнее – щедрости, граничащей с расточительностью в обхождении со столь ценным продуктом, коровьими сливками, Фёдор, как и все остальные, называл трактирщика не Карл Вольфович, а дядя Сливень. Правда, злые языки указывали на другие источники столь своеобразного имени. В числе их первенство делили крепкая сливовица, сшибающая с ног даже бывалых гребцов, которой Сливень потчевал всех желающих, а также сам хозяйский нос характерного цвета и размера.

Фёдор усмехнулся и снова подумал о странном сне. Почему он никак не отпускает? Почему назойлив, как муха? Зачем это смутное чувство то ли волнующего ожидания, то ли чего-то… тревожного? Вроде бы нет. Скорее, какой-то неведомой перемены, может, даже хорошей, только… словно цена за неё окажется слишком высока. Ну да, перемены. Ведь он собирается тайно наняться в рейс, хоть и не избежать ему за это батиных розг. Так в чём же дело?

«По-моему, я видел что-то», – попытался юноша вспомнить сон. Помимо хитрой, играющей с ним фразы, было что-то ещё. Очень знакомое, всегда перед носом, но сейчас зачем-то ускользающее. Оно не желало открываться, хотя и пульсировало где-то внутри предостерегающим маячком. Это было странно. И это пугало.

– Укушенный, укушенный, пустым мешком придушенный, – услышал Фёдор детский голосок и даже не обратил на это внимания. Какая-то малышня играла у реки, в его детстве тоже была эта считалка, но…

Это было как вспышка.

«Я видел клетку с чучелом кролика, – подумал Фёдор. – С чучелом Дюрасела. В темноте. Вот в чём дело. Чучело, белый кролик, он тоже стоял на задних лапках, как обычно, а потом… с ним что-то случилось. Отчего я проснулся с испугу. Но прежде услышал те самые слова».

– Ну, и что всё это значит? – произнёс юноша.

Фёдор стоял перед входом в трактир «Белый кролик». Дверь была врезана между двух склоненных друг к другу стволов толщенных деревьев, аккуратно, чтобы не повредить древним дубам, и действительно напоминала лаз в кроличью нору. Клетка с чучелом находилась за этой дверью. Ну, не совсем так… за деревьями начиналась тенистая аллейка, и в глубине двора стоял симпатичный домик, собственно сам трактир, с террасой над Волгой. Во дворе тоже располагались деревянные столы и длинные скамьи, и всё это с фонариками для свечей по периметру, и ракушка эстрады для музыкантов.

Но с этой стороны было всё же шумно, поэтому считалось, что самые козырные столики находятся на террасе под навесом. Прекрасное место для романтики.

(а что случилось с чучелом? Почему ты испугался?)

Оттуда открывался великолепный вид на реку, с которой, в отличие от канала, всегда дул свежий ветерок. А устав от танцев, можно было отдохнуть на огромных подушках, раскиданных повсюду во множестве, или в гамаке. Сливень, конечно, был горазд на всякие выдумки. К нему ходили не только за вкусной едой и питьём, а за уютом и радушием, послушать свежие новости и старые байки, часто рассказанные по-другому, побыть среди людей да посудачить, что новенького выкинул хозяин с интерьером. Сливню было не лень постоянно что-то менять, разные мелочи, которые, однако, тут же замечали. Так трактирщик веселил своих гостей, и, возможно, по этой причине его заведение процветало.

Но самым известным элементом декора долгое время оставалась подвешенная к потолку на длинной цепи большая клетка с настоящим живым кроликом – талисманом заведения. Кролик, как помнил Фёдор, был абсолютно белым, в общем-то, чистеньким, с пушистой переливающейся шёрсткой и совершенно ненормальным именем Дюрасел. Всё было бы хорошо, только к концу вечера от клетки начинало изрядно попахивать. На аппетит и пищеварение кролик Дюрасел не жаловался, и за длинный день этот запах проходил все ста-

дии своей остроты, зашкаливая где-то за отметкой «непереносимый». Вот тогда подвыпившие посетители не выдерживали, умоляя хозяина наконец сжалиться и пустить зверушку на рагу. Но вообще-то к забаве Сливня все относились с пониманием – талисманы на канале уважали.

А потом Дюрасел сдох. От старости, время пришло. Сливню даже в первое время приносили соболезнования, но трактирщик высказался в том духе, что да, помер мой Дюрасел, отлетел, как осенний листок, но он прожил счастливую жизнь, талисман как-никак, и сделаю-ка я из него чучело. Помещу обратно в клетку в полный рост на задних лапах и закачу по нему вечеринку, чтоб зверушка услышала её со своих кроличьих небес. Помянуть беднягу Дюрасела собрался полный трактир, но когда с соболезнованиями хозяину было закончено, кто-то заметил, что во всём есть свои плюсы: Дюрасел в новом виде выглядит столь же милым и гарантированно не столь же вонючим. Словом, вечеринка удалась, и с тех пор к видоизменённому талисману стали относиться даже с бóльшим теплом, чем к Дюраселу времён безотказной работы пищеварительного тракта.

Фёдор прошёл «лаз» в кроличью нору – во дворе никого, – и двинулся к домику. Скинул с плеча баул с флягами, которые называли «четвертями», потому как вмещали по два с половиной литра каждая. Он решил оставить вещи во дворе и направился внутрь поискать хозяина – возможно, Сливень возился в подсобках.

(и о чём были странные слова?)

Фёдор осторожно толкнул дверь, где-то в глубине звякнул входной колокольчик, приглашая юношу в пустынный притихший полумрак – в трактире ни души. Лишь клетка с чучелом поскрипывает на цепи в своём привычном углу. Оно и понятно: народ затаился, хотя уже к вечеру появятся первые посетители, а завтра и все три ярмарочных дня здесь будет вообще не протолкнуться. Дмитровские капиталистые купчишки понавезут много чего в обмен на нашу рыбу, ещё, конечно, станут затариваться сидром многих сортов (и судя по цветению, к осени урожай обещает быть очень даже отменным), ну, и, разумеется, главный наш товар, так сказать, уникальный, не имеющий аналогов и конкуренции, – электричество. По мнению чужаков из глухих тёмных деревень, таинственная вещь, которую ворожат учёные. Собственно, ему, электричеству, Дубна и обязана покровительством Дмитрова. Ведь из-за него, как догадывался Фёдор, учёные и живут так вольготно в своих просторных коттеджах в древней тени реликтовых сосен. Местные любят посудачить о дмитровских благодетелях, хотя, на взгляд Фёдора, что-то здесь не так, и ещё далеко не ясно, кто в ком больше нуждается. Еда у нас *почти* вся своя. Крольчатинка и свинина. И лодки мастерить не перевелись умельцы. Ну, нет пахотных земель, с собственным хлебушком и любым зерном у нас плоховато, да и вообще земли мало – лишь узкие полоски вдоль рек и левого берега канала – всё учтено, нарезано под фермы и яблоневые сады. Зато есть что предложить взамен. У них ремесло, разнообразная гастрономия, промышленные и редкие товары, оставшиеся от великой прошедшей эпохи, у нас – электричество! Так что ещё далеко не ясно…

Фёдор теперь уже не без лёгкого оттенка гордости усмехнулся и подумал, что в ближайшие три дня весь канал покроется лодками, и назаключают людишки контрактов аж до следующей осенней ярмарки, и потекут в разные стороны звонкие рубли да полезные товары, следовательно, нужда в гребцах возрастёт. Может, и Фёдору улыбнётся удача? «Ведь, – юноша неожиданно вздрогнул, – о чём-то таком были неуловимые слова из странного сна».

Как только Фёдор подумал о сне, этот притихший было маячок тревоги вновь напомнил о себе. И что-то неуловимо переменилось в воздухе. Юноша непонимающе оглянулся, но в поле его зрения попала лишь знакомая клетка, пустые столы, длинные лавки… Фёдор сделал несколько шагов вперёд, к стойке, и остановился. Никого? Однако тут же пришло ощущение, что эта пустынность обманчива. Точнее, даже не так. Перемена была здесь с самого начала, она таилась, скрывалась от Фёдора, оттого руки и стянула гусиная кожа.

– Есть здесь кто? – позвал юноша тихо.

«Что-то я стал какой-то мнительный, – подумал он. – Это из-за странного сна?» И следом его мозг пронзила гораздо более чёткая, коварная и пугающая мысль: «А что в этом сне случилось с чучелом? Не намного ли это важнее сейчас для тебя? Со стоящим на задних лапах стариной Дюраселом? Ведь оно…»

– Дядя Сливень! – позвал Фёдор. – Меня тут батя прислал…

Ответом ему стала полная тишина. Только это неприятное ощущение не прошло. Напротив, оно сделалось острее. Скользкий холодок в спине, гнетущее ощущение чужого взгляда, что наблюдает за вами. Фёдор чуть повернул голову: «Так что случилось с чучелом во сне? Ведь перед самым пробуждением, там, в темноте, чучело белого кролика… Оно…»

– Оно ожило, – хрипло прошептал юноша. И тут же пришла уверенность, что за спиной творится что-то потаённое. Быстрое и скрытное движение, от чего по этой самой спине пробежали мурашки. Оно ожило. И сейчас Фёдор это увидит. Вот прямо сейчас воочию увидит тот самый кошмар, что уже обнаружило его периферийное зрение. Сон настиг его здесь…

Фёдор резко обернулся и… захлопал глазами.

– Фу ты господи! – облегчённо и слабо выдохнул он.

Юноша стоял в абсолютной тишине и смотрел на клетку, понимая, что и нагнал же он на себя страху. В клетке сидел живой кролик, вовсе не чучело. Тоже белый, но покрупнее почившего Дюрасела. Гораздо крупнее, хотя юноше всегда казалось, что Дюрасел, став чучелом, несколько увеличился в размерах. Видимо, когда Фёдор сюда входил, бросив беглый взгляд на клетку, зверюге просто вздумалось подняться на задние лапы,

(как и чучело Дюрасела, которое потом ожило)

вот он и решил…

(ожило.)

Просто спутал, нагнал страху. А сейчас кролик уселся к нему вполоборота и принялся сонно жевать траву. Фёдор снова сглотнул. Вроде бы он не был трусом, но… Всё равно что-то смутное и неприятное так и не желало окончательно выветриваться.

– Дядя Сливень! – на всякий случай снова позвал он.

Кролик никак не прореагировал на звук голоса, впрочем, как и трактирщик. Фёдор сделал шаг, протяжно заскрипели половицы. Ну, ладно! Надо со всем этим завязывать. Юноша быстро подошёл к клетке и постучал пальцами по прутьям:

– Привет, малыш! – Собственный голос показался Фёдору нарочито бодрым. – Ты у нас новенький?

Какая-то золотистая искра пробежала по круглому глазу кролика, а челюсти продолжали деловито работать.

– А я тебя спутал, представляешь? Думал, ты чучело.

Фёдор смолк. Попытка ласково обратиться к кролику очевидно провалилась. И не только потому, что ничего приятного в «малыше» обнаружить не удалось. Скорее напротив, что-то с ним было не так. Этого кролика вовсе не хотелось взять на руки и погладить. Возможно, тому виной какие-то неестественные пропорции; кролик неприятно мясист, раскормлен, возможно, именно это вызывало смутное, чуть брезгливое ощущение. И потом, зачем он вставал на задние лапы и изображал из себя чучело Дюрасела? Принимал ту же позу? Зачем наблюдал за ним?

– Всё! – сказал сам себе Фёдор, глядя, как зверёк принялся жевать капустный лист.

Юноша провёл рукой по лбу и легонько склонил голову. Кролик выглядел абсолютно нормально, и если позволить своему сердцу чуть доброты… Ему вдруг даже стало жаль кролика, словно он его незаслуженно обидел, навыдумывав чего-то из-за испугавшего его сна. Это *просто* кролик. Трогательное и доверчивое существо, нежное и беззащитное создание

божье, как говорит батя. И вовсе нет никакого ощущения болезненной раскормленности… Пугание людей не входит в приоритеты белых кроликов.

– Укушенный-укушенный, пустым мешком, – пробубнил Фёдор, глядя на клетку и раздумывая, что ему могло показаться не так в этой милой зверушке.

Он глядел, как, деловито чавкая, работали челюсти кролика, как он забавно прижимал ушки, каким круглым, с отсутствием контакта, был его глаз, и думал, что с удовольствием бы провёл рукой по его шёрстке. Когда-то, в пору, когда Фёдора называли его детским прозвищем Тео (многие и сейчас так зовут), у него тоже был кролик. Мальчик ухаживал за ним, растил, пока не пришла чёрная весна. И кролика пришлось съесть. Как он тогда плакал и как ненавидел батю!

– Почему ты то пугаешь меня, то заставляешь думать о плохом? – тихо обратился Фёдор к «малышу».

А потом зрачки юноши застыли. Теперь уже не мурашки, а чьи-то холодные пальцы прошлись по спине. И вновь накатили обрывки недавнего сновидения. Всплыли в сознании и повисли здесь, в этой густой тишине. Сон… Он вспомнил голос. Часть фразы.

– Место, где заканчиваются иллюзии, – хрипло произнёс юноша. И кивнул. – Такие были слова.

Кролик в клетке прекратил жевать.

Не совсем так. Не только челюсти зверька приостановили свою работу. С ним происходило что-то ещё. Что-то неестественное, что не случается с доверчивыми беззащитными существами. Снова вернулось ощущение неприятной мясистости, раскормленности, словно пропорции кролика незаметно, совсем чуть-чуть, но видоизменились. Зверёк вроде бы нахохлился, верхняя его губа волнисто задрожала, обнажая блеснувший ряд мелких, но по-кошачьи острых зубов. У Фёдора промелькнула мысль, что таких зубов у кролика не бывает, не должно быть, а потом всё внутри него куда-то провалилось. Он увидел глаза белого кролика. По ним снова пробежала золотистая искорка, только… Цвет их сменился. Они налились сейчас чем-то тёмным, как густой кроваво-вишнёвый сок, и вроде бы стали больше. И Фёдор услышал, – он даже не сразу поверил своим ушам, не хотелось ему верить, – потому что он услышал тихое, похожее на змеиное, нарастающее шипение.

– Что такое?! – Панический всхлип юноши иссяк на выдохе.

Если бы он сейчас не успел инстинктивно отдёрнуть руку, быть бы ему укушенным – кролик с шипением бросился к прутьям клетки и бестолково ударился об них.

«Бешеный, – мелькнуло в голове у Фёдора. – Может, его вообще отловили в тумане, кто их знает!»

(место, где заканчиваются иллюзии)

– Привет, Тео!

Фёдор вздрогнул и быстро отпрянул от клетки. Обернулся. Перед ним стоял Сливень: вытирая руки о край длинного фартука, трактирщик добродушно улыбался.

– Дядя Сливень, – пролепетал юноша. – Как хорошо, что это вы.

– Ну да. – Трактирщик несколько озадаченно посмотрел на парня. – А кого ты ожидал здесь увидеть, сынок? Привидение?

И он отрывисто хихикнул. Фёдор смутился. Но тут же, тыкая чуть согнутым указательным пальцем себе за спину, спросил:

– Дядя Сливень, а этот… этот?..

– Да, кролик, – отмахнулся трактирщик. – Приходили тут одни, дали мне его. Нечего, говорят, Сливень, тебе приличных людей чучелом пугать, пока ярмарка. Мол, гости ваших местных дел не знают. Потом его заберут.

– Он больной, – сказал Фёдор.

– В смысле? – удивился Сливень.

– Больной, – повторил Фёдор. И замялся. Он не знал, что ему следует говорить дальше, в чём, собственно, болезнь кролика. – Ну-у, бешеный…

– Не-е, – заверил Сливень, – здоровый. Проверено.

Фёдор посмотрел на клетку. Никакой перемены не было, никакого плохого ощущения. Пушистый белый кролик, может, чуть крупнее обычного, сидел на своём месте и мирно грыз капустный лист.

– Мне, между прочим, эти-то, которые его дали, – трактирщик перешёл на громкий шёпот, которым обычно сообщают военную тайну, известную всем, – они из полиции были. Вот. Кто дал-то его.

– Зачем? – почему-то спросил Фёдор.

Он так и не определился, что ему стоит и чего не стоит говорить добродушному, но болтливому Сливню. «Вдруг ещё решит, что я баловался чем не тем!» – рассудил Фёдор. Он, как и все на канале, знал про слизь речного червя, вызывающую видения, и про чёрные грибы (их ещё звали сатанинскими) с гиблых болот, знал про сонные споры, надышавшись которыми люди оказывались там, откуда не хотели возвращаться, знал и кое-что другое, но никогда этого не пользовал. Считалось, что молодые люди, вставшие на эту дорожку, очень скоро плохо кончат.

– Дак говорю ж я, не нравится им моё чучело, – вскинулся Сливень, однако как-то странно не глядя на клетку. – Мне-то с ними ж не поспорить, сам знаешь.

– Ну да, – согласился Фёдор.

– Хотя мог бы! – В глазах трактирщика мелькнула неожиданная яростная искра.

– Давно пора, – поддакнул юноша. А сам подумал: «А ведь тебе, дядя Сливень, тоже что-то не нравится в этом кролике, ты что-то чувствуешь… Только вот что?»

Сливень покивал, успокаиваясь, и с прежним добродушием махнул рукой:

– Да брось ты, сынок. Через три дня его и так заберут. Верну своего старика Дюрасела, как только ярмарка закончится. И заживём мы по-прежнему. Всё у нас будет тип-топ. – Сливень подмигнул Фёдору и, как бы подводя черту под этим разговором, совсем другим тоном поинтересовался: – Так с чем ты пожаловал?

* * *

Фёдор выполнил поручение отца. И конечно, Сливень по старой дружбе с его родителем не отказал парню в лучшем столике. Хотя его уже пытался забронировать для своей компании сынок высокого полицейского чина из Дмитрова.

– Там на террасе завтра будут одни богатенькие, – пояснил Сливень, – мне ж от них прибыток, как без этого. Но я специально держал лучший столик для кого-то из своих. Ты понимаешь, сынок, о чём речь?

– Ну да, – не нашёлся с ответом Фёдор.

– Ладно, пусть они у меня тут похозяйничают три дня. – Сливень бросил быстрый взгляд на клетку и тут же отвернулся. Возможно, он даже сам не заметил, как чуть-чуть поморщился, а возможно, Фёдору это просто показалось. – А там и пора будет напомнить гостям, что *мы* у себя дома!

Фёдор поблагодарил радушного и прекрасного в праведном гневе трактирщика, про себя отметив, что и ему будет завтра чем блеснуть перед Вероникой, и двинулся в обратный путь. Батя уже заждался, да и своих дел полно. Он пытался выкинуть из головы странную историю с белым кроликом, объяснить себе всё случайными совпадениями и испугавшим его сном. Пытался, но перед тем, как свернуть с набережной, что-то заставило его остановиться и бросить взгляд на трактир дяди Сливня. Когда он только шёл сюда где-то с час назад, ещё с пустыми флягами, юноша обратил внимание на забавную игру теней. Так уж

вышло, что тени от раздвоенных стволов деревьев над входом в трактир с этого самого места очень походили на кроличьи уши, а сама дверь, лаз в нору, – на мордочку зверька. Сейчас ничего забавного он в этом не нашёл. Солнце двинулось к закату, удлиняя тени. Фёдор стоял и смотрел на ещё одно совпадение, и лёгкая испарина выступила на его лбу. Кролик из тени придвинулся к трактиру и выглядел теперь угрожающе. Он напоминал даже не о болезненной раскормленности, а о чём-то хищном, притаившемся в шкурке безобидного трогательного существа. Вот кто-то открыл дверь, и Фёдор вздрогнул: кролик из тени оскалил пасть. Он теперь её не закроет, в трактир потянулись посетители, и дверь будет оставаться открытой. А кролик не станет шипеть – он всё ещё притворялся беззащитным и нежным. И только всё ближе, вслед за уходящим солнцем, подползал к трактиру. Словно ждал, когда пробьёт его час, и тогда уже, отбросив излишние церемонии, он сможет поглотить то, за чем пришёл.

3

– Мать, поди-ка сюда.

Крепкий мужчина с обветренным лицом и выбеленными сединой короткими волосами как-то несколько смущённо смотрел вниз и в сторону.

– Поди, разговор есть.

– Так что ж, Макарушка, говори. – Женщина оторвалась от своей постирушки и мокрой рукой поправила волосы. – Нет же никого.

– Да нет, мать, поди, разговор важный.

Она послушно отложила работу, тем наметив свою готовность, но с места не сдвинулась. Он сам сделал к ней шаг. Видимо, это изменение дистанции показалось ему достаточным для важного сообщения.

«Что-то его точит, – подумала она. – И, похоже, я знаю, что».

Её муж, Макар, когда-то считался лучшим гребцом в городе, а силён, что бык, был до сих пор, – смущение с ним как-то не совсем вязалось и поэтому очень ему шло. Она помнила эти чудесные минуты его смущения, но сейчас сердце ей подсказывало, что разговор ждёт не из простых. Кстати, были в Дубне гребцы, которые до сих пор считали её мужа лучшим.

– Ну, не тяни…

– Сегодня к Веронике опять сваты приходили. – Он всё ещё разглядывал свои стёртые сандалии.

– И что?

– Всё женишка побогаче ищут.

Она вытерла руки о фартук:

– Слушай, чешут люди языками! Ты что, Дубны не знаешь? – Знаю. Только они, как разбогатели, сильно переменились. Скоро вообще здороваться перестанут.

– Макар…

– А что – Макар? Полгода девка сватов принимает, весь город знает, только нашему парню невдомёк.

– Ну так что ж, возраст подошёл. Девка-то видная.

– А к чему тогда Фёдору голову кружить? Ведь он на ней жениться собрался.

Она усмехнулась:

– А ты мне не кружил?

– Это другое. – Он наконец поднял на неё свои усталые, но не потерявшие пронзительности глаза. – Дошло до меня, что они согласие дали.

Женщина промолчала. Теперь ей пришёл черёд смотреть в сторону.

– Пусть сами разбираются, – проронила она.

– Я не хочу, чтоб из нашего сына делали недотёпу, мать. Нечего держать Фёдора на побегушках, а самой…

– Кто хоть?

– Поняла наконец? – Он кивнул. – Хороший вопрос. В этом всё дело. Бузинский сынок. Тот самый, купчишка. Чтоб пересчитать, кто в Дмитрове побогаче Бузиных будет, хватит пальцев одной руки.

– Поди узнай, что там Вероника себе думает, – рассудительно заметила она. – Девка-то ухаживаний его не отвергает. Вон, завтра на танцы собрались.

– Разве это ухаживания? – вздохнул мужчина.

– Решение родителей молодым сейчас не закон, Макар, – попыталась она успокоить. – Может, ну… может, сама-то она…

– О чём ты? Не та уже Вероника. Надо поговорить с парнем.

Она подняла руки в протестующем жесте, да так и застыла. Он был прав. Перемену в Веронике видели все. Кроме Фёдора. А он по-прежнему выходил у неё за порученца, ухажёра и носильщика её вещей. Так повелось у них ещё с детства, со школьной скамьи. Только и детство, и школьная гимназия давно остались в прошлом. Но передавливать в этом деле нельзя.

– Разве это ухаживания? – повторил Макар. И сделал к жене ещё один шаг. И вдруг глаза его весело блеснули. – Или ты забыла, какие бывают ухаживания?

Он ухватил её за руку, приобнял, чуть отклонив, словно приглашая к танцу, и нежно пощекотал:

– А? Забыла?!

– Прекрати. – Она еле заметно порозовела.

– Забыла?

Его щекотания всё больше превращались в ласковые поглаживания. У Макара были большие, крепкие и чуть усталые, как и его глаза, руки с задубелой кожей; тёмные от солнца руки гребца, сильные и нежные.

– Прекрати! – хрипло и весело прошипела она, попытавшись вырваться, впрочем, не прикладывая особых усилий. Потом с сожалением поняла, что вырваться придётся. – Прекрати, вон уже Фёдор идёт.

Это было правдой. Сын возвращался с большими четвертями холодного сидра, и Макар прекратил.

– За вами теперь должок, – он ей подмигнул. – Как стемнеет.

– Увалень, – отрезала она, ещё больше розовея.

– Ничего. Попытаюсь справиться, – пообещал мужчина.

Она хихикнула. Потом серьёзно посмотрела на мужа:

– Макар, прошу тебя, не надо ему ничего говорить. Если всё подтвердится, если это правда и Вероника тоже так решила…

– А у тебя остались сомнения?

– Тогда она ему сама… Пообещай мне немного подождать. Дай *им* возможность объясниться. И ему, и ей.

– Три ярмарочных дня они будут на людях. Ты хочешь, чтобы нашего сына продолжали водить за нос?

– Именно поэтому – они будут на людях. И им придётся… Понимаешь? Теперь Вероника просто будет вынуждена объясниться, чтобы, ну… не было двусмысленности. Всё решится в самые ближайшие дни. Да и Бузины не потерпят, чтобы их будущая невестка… Понимаешь?

– Не потерпят – что? Чтоб якшалась не пойми с кем?

Глаза Макара блеснули, а в низком хрипловатом голосе мелькнула жёсткая нотка. Как ей нравился этот голос!..

Она улыбнулась.

– Нет, – произнесла она с достоинством. – Я этого не говорила. Чтобы их будущая невестка продолжала принимать ухаживания другого. Вот и всё.

Макар смотрел на неё, а Фёдор уже приотворил калитку.

– Наверное, ты права, – наконец сдался мужчина. – Я просто не хочу… Парню двадцать скоро, нельзя так. Не по-людски. Вот… выставлять его мальчишкой на посмешище. Ну, ладно, права ты. Пусть так и будет. Три дня ждём.

– И Макар, – она снова улыбнулась, она умела обставлять свои победы незаметно, так, чтобы последнее слово оставалось за мужем. – Зря ты его, по-моему, с этим бухучётом мурыжишь. Не по нему это, и к другому парня тянет.

– К другому…

– Фёдор по твоим стопам пойти хочет. Неужто не знаешь?

– По моим стопам… Много ли мы добра моим ремеслом нажили?

– А по мне так в самый раз. – Она развела руками, вроде бы обводя двор и их нехитрое хозяйство, но на самом деле указывая на мужа и идущего от калитки Фёдора.

Мужчина бросил быстрый взгляд на юношу и наконец тоже улыбнулся. Потом вздохнул:

– Дурь это у него в голове. Сам таким был. Ты же знаешь, мать, если из дюжины гребцов хоть одному подфартит, считай, хорошо. Удача к нашему брату сурова. Знаешь ведь.

– Знаю. Но Фёдор всегда был смышленым и…

Упрямым? И это тоже, но не совсем так. Она не нашла правильных слов. Упрямый – да, но и… Где-то там, очень глубоко, внутри весёлого, отзывчивого и всегда покладистого Фёдора скрывался камень. У их мальчика была очень твёрдая сердцевина. Она всегда чувствовала это. Словно внутри него был какой-то совсем другой человек, о котором юноша, возможно, и сам не догадывался. Порой это её озадачивало. Порой немножко пугало.

– Софья Спиридоновна взялась обучить бухгалтерии, – сказал Макар. – Это всегда твёрдый заработок. Надёжный. Парня надо на ноги ставить, мать. А вся эта дурь…

– Макарушка, неужели не видишь, что наш сын восхищается тобой?

– Вот тоже…

– Ты видел его глаза, когда… ну, когда вы с парнями рассказываете?..

– Я уж пеняю на себя за свой болтливый язык, – в сердцах обронил мужчина. И бросил взгляд на Фёдора. Было видно, что в душе-то он польщён.

– Не пеняй. Нашлось бы кому рассказать.

«Дело говорит за себя», – любили повторять гребцы. И снова уходили по каналу. Труд их был тяжёлым и опасным. И почти всегда за копейки. Её муж знает, что это. И боится за Фёдора. Только не усидит их парень на тёплом бухгалтерском стуле.

Упрямый? Бесспорно. Но вот и то, что её пугало… когда ей казалось, что внутри Фёдора скрывается кто-то ещё. Не просто тайный характер, который ещё проявится. И тогда она думала: «А вдруг это правда?» И лезли в голову тёмные мысли, и тяжесть ложилась на сердце. Умом она понимала, что всё это бессмысленные глупости, невозможная чушь, но иногда думала: а что, если так оно и есть? Вдруг все эти байки, что ходят про гидов, – правда?

На канале болтали о вещах самых невероятных, плели столько небылиц, особенно про учёных и гидов. Оно и понятно, люди их не понимали и побаивались. По крайней мере, относились с настороженностью к тем, кто ходит в туман, хотя и видели, что это необходимо. Львиная доля всех этих россказней оказывалась нелепой выдумкой. Только в эти тёмные минуты ей казалось: «Но как, если хоть что-то из этих невероятных, а порой и безумных фантазий окажется правдой?» И тогда её мальчик… У неё были более чем веские основания прислушиваться ко всем этим историям. К сожалению, были. Основания, связанные с Фёдором, с *их* Фёдором. Ей даже думать не хотелось о том, что Фёдор может стать *гидом.* Вещи, которые она слышала, были пугающими. О том, что может произойти в тумане. И особенно о младенцах, которые… не совсем младенцы. И в эти тёмные минуты, когда подкрадывалось шершавое безумие и тяжестью ложилось на сердце, она думала, что если это сможет его уберечь, пусть уж лучше идёт в гребцы. Порой она сама смеялась над собой, порой чувствовала, что балансирует на грани и уже не знает, чему верить. Но уж лучше в гребцы. Потому что если это так и во всей этой болтовне есть хоть крупица правды, то никакой бухучёт его уже не удержит.

Она взглянула на мужа, и тут же оба услышали весёлый оклик Фёдора:

– Мам, пап, если не видите, я вернулся!

Она поняла, что необходимо взять себя в руки. Обычно они шутили друг с другом, и когда женщина обернулась, на губах её играла улыбка, а тени, залёгшие у глаз, были почти незаметны.

– А ты кто? – поинтересовалась она.

– А кто обычно завёт вас «мам-пап»?

– Мам-папом?

– Но вы можете считать меня разносчиком сидра.

– Ладно. Договорились. Поставьте в погреб. И ступайте своей дорогой.

Она бросила взгляд на мужа.

– Может, мы покормим его? – И поняла, что ещё чуть-чуть, и улыбка её будет выглядеть вымученной. – Ужин скоро. – Она добавила в голос строгости. – Но за стол у нас пускают только с чистыми руками.

– Знаю, – насупился Фёдор. Поднялся на крыльцо и вошёл в дом. В их совсем крохотный, но чистенький двухэтажный дом, который они делили с ещё одной семьёй такого же неразбогатевшего гребца.

Женщина вздохнула. Макар пристально смотрел на неё.

– Не думай о плохом, – вдруг попросил он.

Она ответила мужу долгим настороженным взглядом. Щёки её уже какое-то время не казались порозовевшими.

– Как скажешь, – негромко отозвалась она.

4

Ворон Мунир доставил своё послание по назначению. И когда перед адресатом побежали буквы, его лицо преобразила тихая счастливая улыбка.

– Наконец-то, – прошептал он.

Сообщение было сухим, сдержанным, ни одного лишнего слова:

«Его манок цел и действует. Сегодня с утра манок выглядел совсем как новенький. Я вызвал Мунира при помощи его манка.

P.S. Думаю, завтра они начнут поиск по всему каналу. Мы сделали всё, чтобы Дубна привлекла их наименьшее внимание».

Эта радостная улыбка ещё какое-то время светилась на лице адресата. Но потом она померкла. И у переносицы залегла глубокая тревожная складка.

5

Вторую ночь подряд Фёдору снились странные беспокойные сны. Он спал в своей крохотной комнатке, уместившейся на чердаке с единственным оконцем, и лунный свет падал на его лицо. Луна набирала силу, войдя уже в третью четверть, и возможно, это она беспокоила юношу, и возможно, лёгкий ветерок, играющий быстрыми тенями, или что-то иное, но Фёдор ворочался, и сон его был неверным. Вот и сейчас он проснулся, отчётливо слыша голос Ивана Афанасьевича, строгого учителя начальных классов по критической теологии, о котором, к счастью, он давно уже успел позабыть. Фёдор не питал никаких сентиментальных чувств к школьной гимназии, окончил её с грехом пополам, а в день выпуска, когда у многих одноклассников, и в особенности у одноклассниц, трогательно блестели глазки, а некоторые девочки даже утирали слёзы рукавом, он был несказанно рад, что всё это тягостное мучение осталось позади. Однако сейчас он почему-то услышал голос старого учителя и увидел его хмурое лицо (Иван Афанасьевич вроде как вообще никогда не улыбался; сказать, что его побаивались, было бы явным недобором, да только беда в том, что предмет его входил в список обязательных). Фёдор лежал с открытыми глазами, смотрел в окошко, посеребрённое луной, а голос «старого цербера», как порой и, конечно, за глаза именовали Ивана Афанасьевича, всё ещё звучал в нём.

«Когда-то канала не было. Волга здесь просто делала поворот в сторону Ярославля, неся свои прозрачные воды мимо родной Дубны. Потом пришли строители канала, перекрыли реку плотиной, и стало Московское море, Иваньковское водохранилище. И насыпали дамбу, в ней прорыли шлюз номер один. При выходе из шлюза по обоим берегам дамбы установили памятники Ленину и Сталину, двум великим строителям канала».

Голос был сухим и монотонным, и, скорее всего, юноша опять уснул. Потому что голос этот стал озвучивать какие-то странные вещи, и Фёдор не был уверен, слышал ли он их прежде:

«…установили памятники Ленину и Сталину, двум великим строителям канала, открывшим электричество. Одно – электричество из воды и второе – электричество из атома. Беречь его они доверили учёным. И прямо за шлюзом № 1, в пятистах метрах строители прорыли канал до Москвы, самого прекрасного города на земле. А Дмитров тогда был всего лишь одним из множества процветающих городов по берегам канала. Потом что-то случилось. Второй памятник, Сталину, убрали. Так закончилась Золотая эпоха. С этого началось разрушение мира».

Лунный свет бередит лоб спящего юноши, и открывается ему уже не странная, а жутковатая картина. Он стоит на каком-то огромном, обрушенном в воду мосту, обдуваемый безжалостным колючим ветром, и далёкие молнии прорезают свинцовое небо. Фёдор никогда не был на этом месте прежде, но почему-то знал, что где-то на канале оно существует. И вот сейчас, с головокружительной высоты моста кто-то сорвался… падает вниз, в ледяную воду. Старый учитель? Фёдор видит лицо Ивана Афанасьевича под слоем воды, понимая, что и сам находится в этой мутной воде. Лицо удаляется, опускается вниз к тёмному дну, а Федор почему-то вынужден следовать за ним. Ему этого очень не хочется; неприятное предчувствие, а может быть, и тревожное знание говорят, что с этим лицом что-то не так. Что оно лишь маска, всё более очевидно увлекающая его в ловушку, западню, и надо немедленно всплывать на поверхность. Но как это и бывает во сне, Фёдор не в состоянии сопротивляться, сила тяжелая и неколебимая увлекает его всё дальше в глубину, заставляя искать ускользающего обманщика Ивана Афанасьевича. Фёдор движется во мраке, и единственным ориентиром здесь является лицо старого учителя, до того бледное, что кажется, будто оно светится, как речной жемчуг. Юноша уже почти настиг бег-

леца. И в последний момент он видит, что строгое лицо становится чем-то другим. Прямо на глазах оно меняется, застывая, и превращается в камень. Но не совсем… У самого дна в мутных слоях ила, где маски теперь сброшены, Фёдор видит, что вовсе не хмурый учитель был предметом его погони. Там, на дне, лежит каменная голова, словно отвалившаяся от огромного памятника, лик её чуть присыпан, и от этого Фёдор только укрепляется в уверенности, что голова была здесь всегда и ждала именно его. Юноша отчаянно пытается всплыть, он не хочет видеть того, что – он уверен! – сейчас произойдёт, но лишь беспомощно барахтается в недвижных слоях воды. Потом он прекращает свои бессмысленные усилия. А сердце его стучит так бешено, что Фёдор, наверное, просто задохнётся от страха и удушья.

«Вот в чём дело, – с какой-то убийственной смесью паники и апатии всхлипывает юноша. – Вот для чего я здесь». Да, он здесь именно для этого. Чтобы с беспощадной неотвратимостью увидеть, что вовсе не бледностью речного жемчуга светилось ускользающее лицо. Потому что пустые каменные глаза вдруг начинают открываться, и их наполняет бледно-зелёный свет. Здесь, в тёмном месте на дне канала глаза каменной статуи светятся какой-то тайной и чуждой жизнью, и как только это бледно-зелёное свечение отыщет его…

«Это мёртвый свет», – слышит Фёдор блёклый, будто отсутствующий голос. Взгляд каменной головы всё ближе; извиваясь, делая последнюю отчаянную попытку оттолкнуться, всплыть, вырваться из кошмарного наваждения, Фёдор начинает кричать; он кричит что есть мочи и… просыпается.

Но явь оказывается хуже сна. Потому что всё это не закончилось. Каменная голова была здесь. Она глядела на него за окошком, кошмар проследовал за ним в его комнатку. Фёдор снова всхлипнул: нет, всё не так, это всего лишь луна, и кричал он, скорее всего, негромко. Фёдор повернул голову и сглотнул какой-то прелый ком, подступивший к горлу. Он лежал на скомканной и мокрой простыне, постепенно приходя в себя и понимая, что сонная тишина и умиротворение окутали дом. И к счастью, родители, чья спальня располагалась прямо под ним, на первом этаже, скорее всего, не слышали его. Он не разбудил их своими дурацкими детскими страхами. Сон. Просто дурной сон, и теперь он прошёл. И хоть к таким вещам на канале относились серьёзно, всё же «сезон сновидений», который случается в самом начале каждой весны, когда к людям приходят сны вещие, остался далеко позади.

Однако его родители в своей спальне на первом этаже вовсе не спали.

– Мать, пора, пора с ним поговорить, – произнёс Макар и нежно погладил жену по волосам. – Парню скоро двадцать, чего ж тянуть.

– Но как же… – вздрогнула женщина.

– Пора ему всё рассказать.

– Ну, постой, потерпи, Макар…

Мужчина какое-то время молчал. Потом негромко, но твёрдо произнёс:

– После ярмарки, мать.

Он обнял жену, привлекая её к себе, и почувствовал, что какое-то время она была тверда и непреклонна, как камень. Потом обмякла, прошептав:

– Мальчик мой. Ну как же…

Обмякла и прильнула к мужу. И они любили друг друга, два уже немолодых человека. Любили боязливо и осторожно, чтобы не разбудить спящего в комнатке на чердаке сына. Потом боязливость и осторожность прошли, из страхов и горечи всплыла страсть, и уже давно им не было так хорошо.

А Фёдор в это время крепко спал. И до самого утра никакие дурные сны больше не беспокоили его.

Вместе с восходом он проснётся бодрым и счастливым и, умываясь, станет петь. Впереди его будет ждать много важных дел в «Белом кролике» – этот решающий ярмарочный день, к которому Фёдор готовился весь год, наконец-то пришёл.

Но пока юноша спал. Вскоре сон охватил и его родителей. Сладкая дрёма разлилась по всему дому. А плотные ставни на окнах да надёжные дверные засовы охранят спящих от тревожных шорохов, таящихся в ночи, и того, что могло бы их издавать.

Однако это вовсе не значит, что дурные сны ушли насовсем. Они ещё кружили над рекой, где закончились ярмарочные приготовления, и теперь в темноте трактира сидел в своей клетке белый кролик. Они ещё таились в тенях, подкрадывающихся к домам людей, так что было непонятно, стоит ли кто неподвижный во дворе и смотрит неотрывно на окно Фёдора, или это всего лишь та же неверная тень от ветки раскидистой сосны.

Настоящие дурные сны не ушли. В этот предрассветный час они словно искали себе укрытия. Они ещё были где-то. Рядом. Совсем недалеко.

Глава 2
Неожиданное предложение

1

– Сын, опять ворон считаешь?

– Нет, батя, что ты? – немедленно отозвался Фёдор. – Невосполнимые убытки отмечаем красным сторно. Правильно?

Макар улыбнулся: как это у него получается? Он внимательно посмотрел на сына: ведь парень явно только что отсутствовал, витал в облаках, путешествуя где-то по своим мечтам, и вот на тебе – оказывается, и не совсем витал, кое-что да слышал.

– Что ж, продолжим. – Макар бросил беглый взгляд на резные настенные ходики с кукушкой, он помнил о своём обещании.

Фёдор покорно вздохнул.

– Хм-м… Пойми, бухгалтер в налоговой дмитровской полиции…

– Знаю, отец, ты мне говорил уже.

Злится. Не по нраву нам бухгалтерия, всё каким-то ребячеством грезит. Когда злится, всегда говорит «отец» вместо «батя». Хитёр ведь гусь, как ни крути, а всё уважительно получается. Да вот только эта его мечтательность, которую посторонние принимают за рассеянный характер…

– Сын, Софья Спиридоновна взялась обучить тебя бухгалтерии из любезности, и нам надо повторить урок до твоих танцулек.

– Батя! Хочу я гребцом быть, ведомо ж тебе про это, – неожиданно горячо выпалил юноша. – Водить лодки по каналу! Или ещё дальше, как ты.

Макар нахмурился. Рассеянно похлопал по карманам своего широкого рабочего комбинезона.

– Ты ведь лучший гребец в городе, – тихо добавил Фёдор.

– И что толку? Толку-то что?! – Макар нашёл курительную трубку и кисет с табачком. Если в его голосе и промелькнула гневная нотка, то всё давно прошло. – Посмотри на меня, сын. Посмотри: седой как лунь. Старик. А ведь только-только пятьдесят… Тридцать из них на канале. Да гол как сокол!

– Что это ты, батя, про птиц заладил, – попытался разрядить обстановку Фёдор.

Но отец поднял руку, показывая ему три разведённых в стороны крючковатых пальца, повторил:

– Тридцать. Ты тоже так хочешь?

Фёдор посмотрел на руку отца и снова попробовал пошутить:

– Это три, батя. Не тридцать.

Тот лишь отмахнулся:

– Поверь своему старику, выкинь всё это из головы. Лучше крепко стоять на ногах.

Помолчали. А потом Фёдор улыбнулся, и опять что-то промелькнуло в его глазах, чему они с матерью так и не отыскали определения.

– Гребцам иногда очень везёт, батя, сам ведь рассказывал.

– Вот эта мечта…

Макар прервался на полуслове, потому что чуть не сказал «сгубила мою жизнь!». Но так ли это? Ну, не нажил денег, да все живы-здоровы. Сын, подаренный на старости Богом, подрастает, а они с матерью по-прежнему нежно любят друг друга. Можно сказать, он счаст-

ливый человек. Да вот только… в деньгах ли всё дело? Если копнуть поглубже? Или в том… что какого-то главного приключения в его жизни так и не случилось?

На мгновение какая-то тень накрыла лицо Макара. Он набивал трубку дешёвеньким самосадом и думал, что все эти мысли – это всё вирус гребцов, вирус дальних странствий. Плохое дело. Те, кто не сможет с ним справиться, калечат жизнь и свою, и близких, а с людьми ужиться не могут. И эти гиды – у них и близких-то, наверное, нет, – той же породы. И даже хуже, упаси нас от этого!

Вслух он сказал:

– Да, сын, ты прав, иногда им везёт. – Его пальцы быстро раскатывали табак; трубка вишнёвого дерева осталась от лучших времён, когда он и сам был полон надежд. – Но девяносто девять процентов с трудом сводят концы с концами, – вдруг в его глазах мелькнул лукавый огонёк, и он снова добавил, – поверь ты своему старику.

– Никакой ты не старик, батя.

Макар вздохнул:

– Ладно, всё на сегодня. – Настенные ходики показывали начало пятого. – Как обещал. Свободен. Беги в свой «Кролик». Но всё же помни, о чём я тебе сказал.

2

Когда Фёдор вышел на террасу, с Волги потянуло приятной прохладой, хотя до заката оставалось ещё далеко. Как и обещал дядя Сливень, один из лучших столиков был зарезервирован за ним, но Фёдор не спешил присаживаться. Лишь заботливо, чуть выравнивая, поправил скатерть – он собирался сделать сюрприз запаздывающей Веронике. Потом всё же не выдержал и уселся на один из стульев: если не оборачиваться и не смотреть прямо через реку, то тумана на другом берегу можно и не увидеть. Зато совсем скоро вверх и вдоль по течению реки откроется восхитительной красоты закат. Это будет место Вероники, очень подходящее для такого романтического вечера, потому что сегодня Фёдор расскажет ей всё о своих планах, а потом… Юноша мечтательно улыбнулся и машинально провёл рукой по груди. Как и было принято, молодые люди на канале дарили своим избранницам изящные замочки, ключи от которых оставляли себе, а в день будущей свадьбы молодожёны должны будут запереть замочек навсегда, повесив его на резные перила мостика Влюблённых, что у памятника Ленину, а ключ бросить на дно канала. Вот он, ключ, на тесёмке. У самого сердца…

Собравшиеся к вечеру на террасе, по выражению дяди Сливня, «одни богатенькие» с недоумением поглядывали на простоватого паренька, занявшего лучший столик на двоих, но Фёдор не смущался под их пытливо-любопытными взглядами. Он не испытывал зависти к чужому достатку, но думал лишь о своём. И уж кем-кем, а купцом заделываться не собирался точно. Правда, как и бухгалтером… Расскажи о своих планах – Бог посмеётся. А может, и чёрт – так говорили на канале. Совсем скоро Фёдору на собственной шкуре придётся убедиться в справедливости этой пословицы. А пока его пригласил за свой стол, стол гребцов, старинный батин приятель Матвей по прозвищу Кальян, чем юноша был несказанно польщён. Вот Вероника удивится! Фёдор теперь стал серьёзным, сидит на равных с одним из самых известных капитанов и ведёт размеренную беседу. Ну, конечно, не совсем размеренную, но как можно оставаться спокойным, слушая невероятные, манящие истории людей канала? Даже если половина из них – Фёдор готов допустить – выдумки да байки.

– Да в том-то и дело, – продолжал рассказывать Матвей Кальян, – когда убрали памятник второму вождю, голова отвалилась и упала в воду…

– Плохой знак. Только я слышал вещи похлеще: будто её что-то двигает по дну канала, подводные течения или ещё какая неведомая сила.

– Чего двигает?

– Каменную голову, вот чего! Поэтому никто толком не знает, где она покоится. Отсюда всё на нашего брата…

– Ну, про это я ничего не скажу, – пожал плечами Кальян. – Но поверье есть: тот из гребцов, чья лодка пройдёт над каменной головой, никогда уже не вернётся из рейса. Поверье есть, что правда, то правда.

Гребцы стукнули кружками о край стола и помянули пропавших без вести. Матвей скосил взгляд на Фёдора, и юноша понял, что отказаться не удастся. Впрочем, никто из гребцов на открытие ярмарки напиваться не собирался. Почти всех за столом Фёдор или знал, или уже видел. Из чужаков были только двое – альбинос с каким-то бегающим взглядом, который очень пытался расположить к себе всякими расспросами («Из Икши, наверное, – чуть ранее сказал про него Матвей Кальян. – Там теперь только такие и рождаются, да ещё рыжие, после того, как большую часть города накрыл туман»), и ещё кто-то с бесцветным лицом и печально-угрюмыми глазами. А разговор тем временем принимал всё более захватывающий оборот, и Фёдор слушал во все уши.

– А как отличить *скремлина* от обычной зверушки? – интересовался альбинос.

– Не знаю. Пока он *обычный*, по нему и не поймёшь, – рассудительно отвечал Кальян.

– Не, ну правда, капитан, приходилось же брать в рейс гидов?

Матвей лишь неопределённо кивнул.

– Скрытые мутанты, – вдруг решил продемонстрировать свою осведомлённость Фёдор. – Ну, это… облучённые.

– Я слышал, что они вообще вроде как… существа тумана, – мрачно заметил этот бесцветный «кто-то».

– А укушенный… ну, как вампир, сам может становиться скремлином, – подхватил зыбкую тему один из гребцов. Густая борода и лихо повязанная узлом на затылок яркая косынка придавали ему сходство с китобоем или пиратом из старинных книжек, что Фёдор увлечённо проглатывал ещё в гимназической библиотеке. – Ну, если это зверушка. А люди умирают страшной мучительной смертью, вот. Или… меняются, какими-то странными становятся, неуютно им.

– Или уходят в туман, – ещё более мрачно добавил бесцветный.

– Дурни вы! – рассмеялся Матвей Кальян. – Вон там гид сидит, в их зале-то, щас услышит. – Он наклонился и быстро заговорил вполголоса, хотя взгляд его оставался весёлым. – Я слышал, они с гидами дружат, скремлины. Они им, гидам, выходит, как глаза. Позволяют много чего видеть.

– Чего?!

– Того. Опасность, вот. Мерзость всякую и жуть тумана, которую просто так, обычными глазами не увидеть. Так я слышал.

– А про укус? – не отставал альбинос. – Все говорят, что страшнее ничего нет.

– Да не знаю я толком, – отмахнулся Кальян. – Слышал только, что просто так скремлины никогда не кусают. В смысле, пока он обычный. Зверушка и зверушка. А вот когда *переменится*…

В зале дали музыку. Как и положено, праздник открывал вальс «Синие волны», играл оркестр местной артели, входящей в общую гильдию гребцов. Порой, бывало, дядя Сливень, оставив работу на сподручных, сам присоединялся к музыкантам и дудел в рожок. Но сегодня такого не произойдёт – уж больно много народу стало собираться, и работы будет по горло. А Вероника всё не шла.

* * *

Спустя час в трактире стало не протолкнуться. На террасе собирались те, кого на канале именовали «золотой молодёжью»: всё сплошь купеческие детки да ещё детки высоких чинов водной полиции.

– Конечно, девки у вас в Дубне что ни есть красавицы, – не унимался болтливый альбинос. – Всех самых видных женихов у нас поуводили.

– Да ладно тебе, – добродушно отозвался здоровяк Матвей Кальян.

– А что ладно? Вон, дочка Щедрина, говорят, за самого сына главы полиции собралась. Да и Самсоновы с купчишками вот-вот породнятся. Самые красивые женщины у вас.

Кальян ухмыльнулся. А Фёдор заставил себя не услышать последней фразы. Может, просто совпадение, к тому же у Вероники была сестра на выданье. Только заказанный им столик вдруг показался Фёдору одиноким и заброшенным. На террасе действительно столпилось очень много народу, мест на всех не хватало, и дядя Сливень уже два раза приносил и уносил ведёрко, где охлаждалась огромная бутыль лучшего сидра.

И, конечно, никто не обратил внимания, как в зале появилась клетка с кроликом, почему-то установленная на тележке с колёсиками. Лишь дядя Сливень проводил клетку с живым зверьком, что сменил на три дня чучело почившего Дюрасела, каким-то печальным

взглядом. Да и Фёдор неуютно завертелся, словно снова услышал этот голос из вчерашнего сна в весёлом гомоне трактира – его позвал кто-то? – впрочем, так и не определив, что его взволновало.

* * *

Кое-кому всё же хватило проницательности. Тот самый гид в длинном походном плаще, о котором совсем недавно обмолвился Матвей Кальян, сидел в теневой нише в полном одиночестве. Он полудремал за большой кружкой настоящего дмитровского пива, надвинув на глаза мягкую шляпу, которую считал панамой. Впрочем, плащ его сейчас был чист от пыли, а шляпу он только что снял и положил перед собой на стол. Сделал большой глоток пива, отёр рот сомкнутым кулаком, задержав ненадолго и словно бы подув в него. Затем отодвинулся поглубже в тень, так что рассмотреть его теперь не представлялось возможным. Всё оружие было принято оставлять у входа в заведение в специальной ружейной комнате, что гид и сделал. Но, невзирая на майское тепло, плаща не снял. Вряд ли бы кто решился его обыскивать. Вряд ли кто подозревал, что в глубоком правом кармане плаща покоился небольшой, но увесистый ствол, вполне подходящий для ближнего боя револьвер «бульдог».

3

Вскоре Вероника появится. Но всё, что произойдёт дальше, Фёдор будет помнить как во сне. Он так и не поймёт, что случилось с ним и с его возлюбленной.

«Привет, Фёдор, я ненадолго», – скажет Вероника.

От удивления он захлопает глазами и промямлит нечто невразумительное.

«Прости, должна была тебе сказать… Меня пригласили раньше».

«Как? – Фёдор лишь укажет на террасу. – У нас заказан свой столик. Самый лучший, вон, смотри… Я ждал только тебя».

Но Вероника, словно сожалея, покачает головой, изобразив что-то типа усталой улыбки: «Да, но я ведь объясняю, меня пригласили раньше. Но… мы обязательно потанцуем, – девушка кивнёт с каким-то слишком уж излишним энтузиазмом, – обещаю».

«Но ты уже обещала! Пойти со мной…»

«Фёдор, давай не будем портить друг другу вечер. Потом поговорим».

И всё, всего несколько слов.

Расскажи о своих планах… Фёдор так и не поймёт, что с ними случилось. Почему его девушка предпочтёт провести *их* вечер в обществе веселящейся на террасе купеческой молодёжи, и кто виновен в последовавшем скандале и потасовке. Он сам, глоток ли крепчайшего яблочного самогону, что выпил за упокой пропавших гребцов, купеческие сынки, насмехавшиеся над ним, когда он вновь попытается объясниться с Вероникой, или подначивавший всех альбинос. Девушка, желая избежать конфликта, все же даст ему ещё пять минут и наговорит, верно, с досады, кучу всего, чему Фёдор откажется верить, только конфликта всё равно избежать не удастся. Позже Фёдор решит, что все действовали по какому-то, словно принудительному, недоразумению, наваждению, вовсе не поспевая за событиями, которые посыплются, как снежный ком. *Но было ещё кое-что.* В самом начале заварухи, когда один из купеческих сынков забавы ради решит проучить Фёдора, предательски врезать ему, подойдя со спины. Накатило странной волной, как и вчера, когда Фёдор стоял тут в одиночестве перед клеткой с белым кроликом,

(чучело Дюрасела ожило)

и что-то случилось. Этот голос из сна прозвучал снова. Только теперь жёстко, чуть насмешливо, но и предупреждающе (или заботливо?), отчего и показался похожим на отцовский, будто откуда-то издалека батя пытался остеречь его. И тихий покладистый Фёдор, прекративший всякие драки ещё в начальных классах гимназии, почувствовал внутри себя какое-то незнакомое холодное возбуждение, и его рука словно сама ушла назад… а потом, незнамо как, обидчик оказался на полу. И ещё один. Фёдор ошеломлённо смотрел на своих противников.

– Ты знаешь, козёл, на кого руку поднял?! – заорали ему. – Это сын самого главы гильдии…

Но наваждение уже прошло. Удары посыпались со всех сторон. Несчастный Фёдор даже не пытался отбиваться, и быть бы ему разделанным под орех, если б Матвей Кальян не вступился за юношу. Весь стол купцов, многие из которых были с охранниками, поднялся на ноги, подтянулись ещё гребцы. В трактире «Белый кролик» на открытии весенней ярмарки началась нешуточная буза. Фёдор ещё хотел отыскать глазами свою возлюбленную, но здоровяк Кальян, воспользовавшись общей неразберихой, потащил его к выходу.

В следующий раз он увидит свою Веронику очень нескоро и совсем при других обстоятельствах.

4

Гид в теневой нише внимательно следил за развитием конфликта, хотя внешне оставался безучастным. Как только симпатичная девушка отошла от столика гребцов (гид слышал всё, что она сказала своему молодому человеку, и почему-то это его не удивило) и направилась на террасу к веселящейся компании купеческой молодёжи, где ей уже вовсю приветливо махали, альбинос протянул ей вслед:

– Ну, я ж говорю, Самсонова за купчишку собралась. – Затем, словно спохватившись, уставился на Фёдора. – Ты чего, парень, расстроился, что ли? Так… это что, была твоя девушка?

Мест на всех действительно не хватало, и единственный оставшийся незанятым столик только что лишился своих стульев, на один из которых усадили Веронику. Эта сомнительная и бесцеремонная выходка была встречена весёлыми аплодисментами.

– Купеческие свиньи! – возмутился альбинос. – Да ещё и стулья ваши забрали.

Только на секунду его простодушный взгляд сделался пытливым и холодным.

Гид сидел в своём углу, скрытый тенью, и спокойно ждал, понимая, что конфликт неизбежен.

«Капитан Кальян, – подумал он, – ты усадил к себе за стол ищейку. Самую гадкую из них». Гид знал род деятельности альбиноса. И знал, что сейчас в трактире «Белый кролик» несколько таких. Они обменивались быстрыми и вроде бы незаметными взглядами, сидели за разными столами с разными компаниями, но гид видел их всех. Силовые линии были намечены.

Потом он быстро посмотрел на террасу. Отвергнутый юноша и девушка о чём-то спорили. Девушка жестикулировала, юноша стоял неподвижно и был бледен. Затем она резко развернулась и направилась к своей компании. Юноша постоял и, будто опомнившись, пошёл за ней следом. Его грубо толкнули плечом, он этого даже не заметил. Купеческая молодёжь встретила юношу насмешливыми взглядами. Гид чуть брезгливо поморщился: «Слюнявый упрямец», – подумал он, глядя на разгорающийся конфликт.

Но в действительности всё внимание гида было обращено на Матвея Кальяна. И его собеседников. Альбинос живо интересовался происходящим, словно человек этот неожиданно оказался тем ещё забиякой. У гида были кое-какие серьёзные планы, связанные с капитаном Кальяном, и когда здоровяк в свою очередь поднялся из-за стола, явно намереваясь вмешаться в начавшуюся драку, он подумал: «Чёрт, как не вовремя!»

Гид снова поднёс к губам кулак. «Слюнявый упрямец» только что продемонстрировал неожиданную ловкость на террасе.

– Ну где же ты, старый друг? – прошептал гид. – Ты мне сейчас очень нужен.

И, наверное, даже проницательный Матвей Кальян, направляясь на выручку Фёдору, не обратил внимания, как альбинос с кем-то быстро обменялся взглядом. И тележку с кроличьей клеткой медленно, как будто невзначай, покатили вслед за капитаном.

5

Альбинос был полностью сосредоточен. Драку он спровоцировал весьма умело. И сейчас видел, как на отвергнутого молодого человека пытались напасть со спины. И как вроде бы худощавый юноша, не оборачиваясь, умудрился перехватить руку гораздо более крупного противника, зажав его большой палец на «болевой», и резко дёрнул руку вниз. Матвей Кальян уже оказался на террасе. Взгляд альбиноса больше не был пытливым, он сделался настороженным и снова холодным…

Гид в теневой нише наблюдал за происходящим с внешним безразличием, но его рука ушла в глубокий правый карман. Он быстро и бесшумно взвёл курок револьвера. Альбинос стал извлекать своё оружие; гид оставался спокоен и невозмутим, словно его не касалось происходящее, но внутри был как сжатая пружина, – он знал, что успеет первым.

А потом у самого потолка, под трактирными перекрытиями воздух разрезали чёрные крылья. «Ну, вот и Мунир», – удовлетворённо подумал гид. И, всё ещё оставаясь сосредоточенным, так же беззвучно спустил взведённый курок. Всё происходящее его действительно больше не касалось.

Внезапная Фёдорова победа оказалась первой и последней. В следующий момент ему нанесли такой удар, что юноша полетел через заказанный им столик. Гид усмехнулся. Альбинос замер и… передумал извлекать оружие. Очень быстро его взгляд из холодного сделался глуповато-простодушным. Здоровяк Матвей Кальян вступился за Фёдора, мощным ударом уложив обидчика на месте.

«Болван ты, капитан», – добродушно подумал гид, глядя, как Матвей умело орудует своими огромными кулаками. Гид, спокойно протискиваясь сквозь дерущихся, направился к выходу из трактира. Последнее, что он слышал, был голос вконец расстроенного Сливня:

– А ну, прекратить бузу! Вот Тихон идёт. Сейчас будет вам всем по первое число! Прекратите!

«Ну, вот и драке конец», – с усмешкой подумал гид и вышел на улицу.

6

Матвей Кальян и Фёдор как зачинщики были с позором изгнаны из трактира «Белый кролик». Кальян смеялся:

– Славная вышла потасовка!

Фёдору хотелось плакать, но он почему-то тоже рассмеялся.

– Не переживай, паря, на твой век девок хватит! – Матвей хлопнул Фёдора по плечу. – Я слышал, что твоя закрутила с Бузиным, да думал, враки всё да сплетни. Да и болтать лишнего не хотелось.

– Враки и есть, – тут же согласился Фёдор. – Она из-за другого… Ну, мол, безответственный я, семью кормить нечем будет, рано жениться… Подождать надо…

– Ну, раз так ты понял, то ладно, – кивнул Матвей. Помолчал. Рассмеялся. И снова хлопнул Фёдора по плечу. – А ты молодец, – похвалил он. – Крепкий оказался. И резкий! Знаешь чего, есть в тебе гребцовская жилка. Только теперь они тебя в покое не оставят, полиция-то… Помяни моё слово, всю бучу на тебя спишут.

Фёдор вздохнул. И тут они оба поняли, что в темноте, под стволами склонённых деревьев, обозначающих «лаз» в кроличью нору у внешних ворот трактира, их кто-то поджидает. Матвей тут же насторожился, у него было неплохое зрение, но незнакомец в длинном плаще вроде бы был один.

– На продолжение банкета не похоже, – шепнул Кальян Фёдору. – Идём, парень. Негоже гребцам по углам шарахаться.

Фёдор не подал виду, но внутри него всё ликовало. Матвей сказал «гребцам». Уже не просто про жилку. Только что он назвал гребцами их обоих.

7

– Смотрю, вас изрядно помяли, – начал без предисловий незнакомец.

– Кому до этого дело? – Кальян посмотрел на него исподлобья.

– Никому. – Человек в плаще пожал плечами, и Фёдору показалось, что он улыбнулся. – Кроме меня. Хотел подойти к вам ещё до… вашей стычки, сожалею, что этого не случилось. Мне нужен Матвей, известный как Кальян.

– И кто его ищет?

– Имя моё вам ничего не скажет. А род деятельности, – незнакомец чуть развёл руки в стороны, – вы и сами видите.

– Гид, – кивнул Кальян и усмехнулся.

Только в усмешке этой не присутствовало пренебрежения, испуга или суеверий обывателя перед гидами, а, скорее, сочеталось достоинство и уважение, и Фёдор, выглядывающий из-за плеча здоровяка, подумал, что всегда догадывался, что Кальян та ещё штучка. Как говорили, «парень с двойным дном».

– Однако у любого гида должно быть имя, – резонно заметил Кальян.

– Меня называют Хардов.

– Э-э?..

– Хэ, а, эр, дэ, о, вэ. Хардов. Думаю, этого пока достаточно.

– Вполне, – вежливо согласился Кальян. – Имя необычное, но вполне.

– Хорошо. – Теперь незнакомец в свою очередь кивнул и сделал ещё один шаг вперёд.

Свет далёкого фонаря упал на лицо человека, представившегося странным и даже несколько пугающим именем «Хардов». Он действительно улыбался.

– Ваши рекомендации я получил от Тихона. Мне нужен капитан для одного… деликатного дельца. Выходим сегодня ночью.

– Ночью?! – испуганно воскликнул Фёдор.

Незнакомец даже не взглянул на него. Он смотрел только на лицо здоровяка, прямо, открыто и с каким-то неведомым Фёдору не грубым, но настойчивым нажимом.

– Точнее, через полтора часа. Ну, что скажешь?

Кальян первым отвёл глаза, и этот настойчивый жар, чувствующийся во взгляде незнакомца в плаще, развеялся.

– Тихона я… сильно уважаю. – Голос здоровяка постепенно выровнялся.

«Кто же ты такой, – вдруг подумал Фёдор о незнакомце, – гипнотизёр? Батя всегда говорил, что гиды опасны, но…» Внезапно снова нахлынуло это странное чувство-видение, что посетило его во время стычки в трактире, и голос, очень похожий на отцовский, успокаивающе прошептал: «Всё хорошо». Заняло всё это не больше одного мгновения. «Да что же это?» – подумал Фёдор и услышал голос Матвея:

– Тихона – да. Но могу ли я вам доверять?

– А ты спроси сам себя! – Эта настойчивая жаркая волна вновь повисла между ними и тут же развеялась. В следующую секунду Матвей как-то по-детски сконфуженно разулыбался и затряс головой.

– Ведь ты такой же бродяга, как и я… Так, братишка?!

– Это да, – согласился человек в плаще, – но вопрос твой верный. Времена нынче тёмные. Знать надо, кто перед тобой. – И Фёдор увидел, что тот протягивает какой-то конверт грубой кожи. – Вот мои рекомендации от Тихона.

Матвей бросил взгляд на конверт, его рука поднялась, да так и застыла.

– Это теперь подождёт, – доверительно отмахнулся он. – Но обязательно ознакомлюсь, если договоримся.

Фёдор, широко распахнув глаза, жадно наблюдал за ритуалом: ведь речь явно шла не просто о контрабанде, а о крупной контрабанде. И та лёгкость и быстрота, с которыми были сняты все сомнения и недоверие, восхитили и озадачили Фёдора. «Кто же ты такой на самом деле?» – снова подумал юноша о Хардове.

– Обязательно ознакомлюсь, – заверяя, повторил Кальян. – Куда надо идти?

– По каналу, – просто сказал Хардов. А потом в его голосе мелькнула сталь. – До самого конца.

Кальян вскинул брови.

– За Дмитров, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнёс он, – как я понимаю, даже за Яхрому.

Хардов теперь промолчал.

– Так… – удивлённо протянул Кальян. – Значит, до Икши? Но я не знаю, как там со створками шлюзов…

И снова незнакомец – а ведь он именно и был для них незнакомцем, невзирая на все ритуалы и на то, что он представился каким-то нелепым, тяжёлым и пугающим именем Хардов, – промолчал.

– Что, ещё дальше? – недоверчиво спросил Кальян и вдруг мрачно усмехнулся. – Ну, не Пироговское же речное братство?!

Ответа не последовало.

– Но ведь там… – Голос Матвея осёкся. Здоровяк, видимо, впервые почувствовал себя не в своей тарелке.

– Возможно, ещё дальше, – наконец сказал Хардов. – Не скрою, это очень опасно. Возможно, придётся идти до самого конца. Зато вознаграждение сказочное. Там же, в конверте, увидишь размер гонорара.

– Какого конца, братишка? – хрипло произнёс Кальян. – Ты о чём?

Глаза гида чуть сузились. Здоровяк недоверчиво потряс головой:

– Не-ет. Ты… Ты что, серьёзно?

Кончики губ на лице Хардова наметили тихую и невесёлую улыбку.

– Но ведь там ничего нет! – воскликнул Кальян. – Я слышал, что Москва лежит в руинах. Или что её накрыл туман. Что, это не так?

– Груз очень ценный. За это и платят.

– Подожди! Ты хочешь сказать… Ты хочешь сказать, что ты там был?!

Человек в плаще еле заметно кивнул.

– И что там?!

– Это было давно, – нехотя отозвался гид, и в голосе его мелькнуло нечто похожее на хроническую усталость. – Что там сейчас, не знаю. Ты ведь в курсе, насколько переменчив канал.

– Да. Но…

Кальян замолчал и вдруг обнаружил, что всё это время конверт с рекомендациями и предложением был перед ним. Его рука потянулась и с опаской коснулась конверта. Не так, как будто это была змея, но довольно похоже.

– Полагаю, у меня в Дубне остались только неприятности? – с долей шальной обречённости усмехнулся здоровяк.

Их новый знакомый теперь широко улыбнулся, и лицо его сделалось красивым.

– Но говорю сразу, – покачал головой Кальян, – большего психа, чем ты, я в жизни не видывал. Что ж это за груз такой, если из-за него ты готов соваться в Ад?

– Ад на той стороне реки, – заметил гид. – И вот за тем углом. Вокруг, – добавил он, разведя руки в стороны, и безо всякого перехода сообщил: – Команду я набрал. Пять гребцов. С учётом капитана выходит шесть. И мне нужен рулевой.

– У меня есть. – Кальян не мигая смотрел на Хардова.

Фёдор попытался было представить, что сейчас творится в голове у здоровяка, и не смог.

– С большим опытом. Надёжный. Знает, где появляются блуждающие водовороты, и знает, как прошмыгнуть между ними. Но он ни разу не ходил после заката.

– Зато ты ходил, – быстро сказал Хардов.

– Ходил, – деловито согласился Матвей.

И Фёдор не успевал удивляться перемене: вот только что здоровяк казался потрясённым, но теперь принял решение и уже спокойненько входит в права капитана, превращая подготовку к самому невероятному плаванию в набор обыденных действий.

– Полагаю, и ты не чурался ночи, – Матвей вдруг ему подмигнул, но не фамильярно, а с ещё большим уважением, – а, братишка?

– Я гид. – Хардов пожал плечами. – Но не все пути на канале для меня открыты. Нужен капитан.

И опять это смутное видение, это неопределённое, неопределяемое чувство посетило Фёдора. Наверное, единственное сравнение, что приходило на ум, будто кто-то в его голове листает книгу, извлекая на свет тайные страницы.

– Возьмите меня с собой, – вдруг попросил Фёдор. – Пожалуйста. Хоть матросом, хоть юнгой.

Оба взрослых человека в удивлении уставились на юношу, словно только что обнаружили его перед собой.

– Зачем ты мне? – первым нарушил молчание Хардов.

– Я много чего умею. – Фёдор попытался объясниться быстрее, почему-то ему казалось, что сейчас, в эту самую минуту может всё и решиться. – Готов делать любую работу. Мне ж после того, что случилось, тоже оставаться в Дубне…

– Ну да, – буркнул Матвей, – из-за него, в общем, вышла драка-то. Его ж, конечно, Дмитровская водная полиция, – последние три слова он нарочито растянул, – теперь искать будет. Как только ярмарка закончится. Чтоб людям праздник не портить – всё чистенько… Ненавижу их, понтов!

– Это плохо, – серьёзно сказал Хардов. – Ненависть – ненадёжный попутчик. – Затем он смерил юношу оценивающим взглядом. – Заработать решили, молодой человек? – Он усмехнулся, но глаза продолжали сканировать Фёдора. – Ведь я слышал, что у контрабанды…

При этих словах Матвей бросил быстрый взгляд на гида.

– …есть неписаный устав: все прошедшие сложный рейс получают равную долю, даже юнги. Если выживут, конечно. Только у капитана гонорар выше и зависит от ряда привходящих факторов.

– Мне нельзя здесь оставаться, – прямо сказал Фёдор, а потом, чуть смутившись, добавил: – Я всё равно к кому-нибудь наймусь. Или сбегу.

– Всё это не отвечает на вопрос: зачем ты *мне*? – Хардов всё так же пристально смотрел на Фёдора.

И Фёдор вдруг смог ответить на этот взгляд. Что-то внутри него, возможно, то, из смутного видения, возможно, что-то другое заставило его губы произнести со спокойной решимостью:

– Потому что вы *гид*.

Уже через мгновение Фёдор и сам бы не смог ответить, почему он так сказал. Однако лицо Хардова застыло. Взгляд серо-голубых глаз теперь ощупывал юношу с какой-то новой задумчивостью. Словно Фёдор своими словами только что попытался заставить его изменить своё мнение. О чём? О нём? Нет. Явно нет. Что-то другое. О чём-то очень важном, но…

– Смышлёный парнишка, – наконец произнёс Хардов, однако без всякой приязни.

– Знаете, – тут же вставил Кальян, – я мог бы за него поручиться.

– Давай «знаешь», если уже перешли на «ты», – поправил его Хардов, так и не сводя взгляда с юноши.

– Да, давайте. Давай, – чуть спутался здоровяк. Наверное, перейти с этим человеком на «ты» не так легко, как виделось вначале. – Его отец – лучший из гребцов в городе, – он указал на Фёдора. – А лишняя пара рук в дороге не помешает. Мальчишка расторопный…

Но Хардов уже принял решение.

– Лодка отходит через час с четвертью, – сказал он Фёдору. – Не успеешь собраться – пеняй на себя. И ты не задаёшь лишних вопросов.

– Спасибо, – промямлил Фёдор и тут же просиял: – Я не подведу!

Гид еле заметно кивнул и обратился к своему новоиспечённому капитану:

– Уходим прямо сейчас, пока ярмарочные торжества в разгаре. Через час с четвертью лодка должна быть на волне. Я смотрю, ты уже собран.

– Всё своё ношу с собой. – Кальян чуть приподнял баул на плече. – Рулевого свистну, и… привет тебе, ночь.

– Выходите налегке. Я с грузом буду ждать вас у статуи Ленина. Мало ли что, а к пустой лодке претензий не будет. Может, дурням спьяну покататься захотелось.

– Это вряд ли, – холодно усмехнулся Кальян, бросив взгляд на тёмную воду реки.

Даже здесь, в городе, она не выглядела гостеприимной. О том, что будет на канале, даже думать не хотелось. Но Матвей ходил после заката, было дело, а с этим странным человеком в длинном плаще он был готов рискнуть ещё разок.

– А как же?..

– Первый шлюз? Вас поднимет мой человек. Посветите фонариком. Как будете подходить.

– Это самый безопасный шлюз на канале, – почему-то сказал Кальян. – Наш домашний, как говорится.

– Верно, – согласился Хардов. – Пойдём. Введу тебя в курс дела по дороге. Лодка на самом краю, дальний причал.

Потом гид обернулся к Фёдору:

– Ты ещё здесь?

– Я только… это не вопрос, – залепетал Фёдор. – Вы не местный и, может, не знаете – там охрана на шлюзе. И перед входом в канал, у памятника. Иногда её и на ночь не снимают.

– Сегодня ночью там не будет охраны, – спокойно сказал их новый работодатель, и что-то ледяное промелькнуло в его голосе. – Полагаю, сегодня на воде вообще никого не будет.

– Это точно, – согласился Матвей и зябко передёрнул плечами.

А гид бросил быстрый взгляд на чёткую половинку диска луны, вставшей над рекой. И тяжело вздохнул.

– Найдётся охрана и посерьёзней… – он чуть болезненно поморщился, – но людей там не будет.

– Почему? – упавшим голосом поинтересовался Фёдор. Затем он вспомнил о своём обещании не задавать вопросов и отчего-то виновато посмотрел на Кальяна.

Гид тоже посмотрел на Кальяна.

– Потому что… – Хардов кашлянул и произнёс ровным голосом: – Потому что сегодня появляется *Второй.*

Глава 3
Шлюз № 1. Ворота открыты

1

Ти-ти-ти, та-а, та-а,

Ти-ти-ти, та-а, та-а…

Павел Прокофьевич Щедрин уже собирался отойти ко сну, когда услышал стук в окно. Сердце старого учёного моментально забилось сильней.

– Что же это? – прошептал он, вслушавшись в звук ночи. – Как же?..

Старик даже вылез из-под одеяла, впихивая ноги в мягкие домашние тапочки. Он так долго ждал и одновременно боялся этого момента, что могло и показаться, могло… Стук повторился. Лицо профессора застыло. Ошибки не было. Три коротких удара и два длинных: ти-ти-ти, та-а, та-а. Ти-ти-ти, та-а, та-а.

– Мунир, – сипло проговорил Щедрин.

Он сразу как-то суетливо вскочил с кровати, хватаясь за давно приготовленный баул с необходимыми вещами. Всё, как говорил ему Хардов, но Щедрин не сделал и нескольких шагов, а потом тяжело осел на стул, и плечи его поникли.

– Ну, вот и всё, – с болью выдохнул он. – Девочка моя…

Однако когда спустя пару минут он постучал в комнату дочери, на его лице читалась не вполне уместная попытка нарисовать радость и бодрую сосредоточенность.

– Да, пап, – послышалось из-за двери. – Заходи, я не сплю.

Щедрин осторожно отворил дверь. Дочь сидела к нему спиной и опять что-то писала. У профессора сжалось сердце, и как он ни пытался приглушить эту тёмную, глухую и отчаянную мысль, она всё же выскочила, как чёртик из табакерки: «А ведь такой вот я её больше никогда не увижу». Однако старый учёный постарался, чтобы его голос не выказывал волнения, а звучал по-деловому буднично.

– Ева, – сказал Щедрин, – он прислал ворона.

Плечи девушки вздрогнули. Она отложила перо в сторону и обернулась к отцу.

– Пора, – улыбнулся Павел Прокофьевич, но в последний момент не смог совладать с собой, и предательские горькие складки чуть искривили линию его рта.

– Когда? – тихо спросила дочь.

– Прямо сейчас.

Её глаза застыли и на побледневшем лице, казалось, сделались огромными. Она смотрела на отца. Потом быстро закивала, и короткий, почти неслышный полустон-полухрип сорвался с её губ. Однако произнесла она твёрдо:

– Я готова.

Звук тикающих настенных часов показался сейчас оглушительным.

– Девочка моя, – не выдержал Щедрин.

– Папа… – Её лицо всё ещё было бледным. – Мы же знали, что так будет. Нет другого выхода. И потом, это же не навсегда. Так ведь?!

Какой-то тёмный отсвет испуганного сомнения мелькнул в глазах старого учёного.

– Мы же расстаёмся не навсегда? Скажи, это очень важно – ведь не навсегда?!

– Не навсегда, – тихо отозвался Павел Прокофьевич. А затем всё-таки всхлипнул и раскрыл объятия, пытаясь справиться со слезами, что вот-вот прорвутся наружу. Этого ещё не хватало. И без того девочка на грани паники. Щедрин шагнул к дочери. – Ева…

Она коротко подалась к отцу с ответным объятием и тут же отстранилась:

– Папа. Всё будет хорошо.

Щедрин смотрел на неё с восхищением, любовью и страхом.

– Конечно, Ева. Как и всегда.

Две мысли, расталкивая друг дружку, пролезли в голову профессора почти одновременно.

«Я спасаю её».

«Собственными руками я обрекаю нас на гибель».

2

Не прошло и часа, а Фёдор уже бежал обратно вдоль опустевших и безлюдных ночью грузовых причалов, где на самом краю города должна была ждать лодка. Ночь и сила реки оказались лучшими сторожами купеческому добру, хоть считалось, что патрули водной полиции наблюдают за пристанью. Может, так оно и было.

Фёдор бесшумно спрыгнул на деревянный настил, остановился и прислушался. Тихо. Где-то за спиной юноши остались такие уютные огни и весёлая музыка – праздник в «Белом кролике» был в самом разгаре, а впереди его ждали лишь ночь и неизвестность. Он уже миновал последний фонарный столб, отмечавший границу города, и тьма, обступившая вокруг, сделалась плотнее.

Фёдор пытался подавить страхи, а заодно справиться с обрывками своих знаний о канале. Собственно, и знаний-то никаких не было: скупые рассказы отца, разговоры в «Белом кролике», слухи, россказни, байки. Все они настойчиво твердили, что после заката сюда лучше не соваться. Все они сходились в одном: в канале что-то есть, какая-то сила, не позволившая прийти тому, что пожрало землю. Тому, что таится на другой стороне, в тумане, который дальше обступает канал с обоих берегов. Собственно, поэтому связь между городами и поселениями людей возможна только по воде. Но что это за сила, какова её природа, и главное, дружественна она или враждебна, Фёдор не знал. Да и полагал, что мало кто в Дубне ведает про это. Ну, может, кто из учёных или… гидов? Ещё говорили о безумных отшельниках, которые живут там, где канал течёт вдоль пустых земель, и некоторые из них вроде бы в безумии своём узрели истину. А ещё про то, что кто-то что-то слышал с гиблых болот, вроде как кто поселился там, в этом жутком месте, но человек ли он или…

Фёдор передёрнул плечами и ускорил шаг. Сухой остаток его знаний вышел весьма скупым и не самым обнадёживающим: что-то бережёт канал, позволяет жизни на нём продолжаться, но это «что-то» очень не любит, когда его тревожат ночью.

На всякий случай юноша чуть отступил от воды.

Прощаться со своими стариками Фёдор не стал. Он знал, что отец не отпустит, а матушка не даст своего благословения. Фёдор не хотел уходить и красться ночью, словно вор, но после случившегося в трактире у него не оставалось выхода. Он лишь подложил записку под любимую батину пепельницу массивного старого хрусталя. Написал много тёплых слов, уверил в сыновней любви и уважении, просил прощения за то, что взял на себя смелость определить самому собственную жизнь, обещал вернуться сказочно богатым и всё равно жениться на Веронике.

– Быть блудному сыну поротым, когда вернётся, – с каким-то экзальтированным весельем выдавил Фёдор.

Хотя, если разобраться, ничего весёлого во всём этом не было. За всё время, что Фёдор помнил, батя порол его всего лишь дважды. И оба раза за дело. Милый добрый дом… Фёдор покидал его и ничего не мог поделать с тихой радостью, что уже бурлила в его крови.

О стычке в «Белом кролике» отцу ещё не доложили. В этом Фёдор убедился, когда, прихватив вещмешок, вылез из окна своей комнатки под крышей и бесшумно спустился по водосточной трубе. Батя с матушкой ужинали. Они никогда не ходили на торжества первого ярмарочного дня, обычно являлись только на закрытие, где уже собирался весь город, но праздничный ужин мать всегда ставила. И сейчас батя запивал его пенным сидром, что передал сегодня дядя Сливень. Когда Фёдор посмотрел через окошко на своих мирных стариков, у него защемило сердце.

– Так надо, – сказал юноша самому себе.

После случившегося в трактире у него действительно не оставалось другого выхода. Своим бегством он, в том числе, отводил неприятности от своей семьи. Почему и оставил вторую, «фальшивую» записку для Дмитровской полиции, где сообщал, что уходит с купцами в другую сторону, вниз по Волге, к Ярославлю. Мол, ну, погорячился парень, юн да зелен, что с него возьмёшь?! К тому же батя в своё время тоже сбежал из дома и тоже разбил своим поступком кое-кому сердце. Кстати, так и стал гребцом! Наверное, это у них наследственное, яблочко от яблоньки…

Вроде бы умом Фёдор всё понимал, только на сердце от этого легче не становилось.

– Я вернусь настоящим гребцом, – прошептал он. – И отцу с мамой больше не надо будет корячиться в три погибели. Ну, и ещё, конечно, женюсь на Веронике.

Фёдор вдруг впервые подумал, что его почти не печалит предстоящая разлука с любимой девушкой. Может быть, потому, что отчасти именно из-за неё он всё это и затеял. Словно его бегство из дома было поступком, совершаемым из-за неё и для их общего блага. Словно как в древних книжках, хранимых учёными, она велела ему отыскать алмазную гору, или изумрудную башню, или черевички великой царицы. А может, всё ещё горька была обида за странную перемену в девушке, неожиданную надменность и чуть ли не презрение в голосе, с которым Вероника наговорила ему всё это в трактире. Так всё запутано…

– Ничего, я ей докажу, – начал было Фёдор.

А потом впереди, на реке он увидел еле различимые тёмные силуэты – это и был дальний причал. Ему туда, там ждала лодка. И там ждало начало… Чего? Перемен? Новой жизни? Какой-то новой надежды… Хотелось бы так думать. Только почему тот голос из сна, суливший эту перемену, порой казался таким пугающим? Фёдор ускорил шаг – ещё несколько минут, и обратного хода уже не будет.

– Я докажу, – повторил юноша, – найду изумрудную гору…

Фёдор подумал, что раньше окончания ярмарки бате, конечно, ничего не сообщат и искать его не станут. Водная полиция уверена, что всё у них под контролем, да и куда человеку деваться с канала? В любом случае, свою первую трубку отец набивал после обеда, значит, и послание под пепельницей обнаружит не раньше. А к тому времени Фёдор надеялся быть уже далеко. На несколько километров ближе к таинственной горе, изумрудной башне его мечты, которая переменит всю его жизнь, сделает его сказочно богатым и почти всемогущим.

* * *

Лодка оказалась большой и неповоротливой, что удивило и озадачило Фёдора. Те, кто промышлял контрабандой, обычно пользовались лёгкими лодками, чтобы обносить небольшие препятствия, а в случае опасности быстро спрятать и судно, и груз. Фёдор считал, что они снимутся с места сразу, без лишних разговоров, пока никто не заметил. Потому так и спешил. «Когда уйдёшь в свой первый рейс, парадной музыки не будет!» – вспомнил юноша прибаутки гребцов. Однако выяснилось, что ещё ждут рулевого.

– Представлю вас команде, когда отчалим, – пояснил Кальян.

Он встречал юношу на берегу, чуть поодаль от лодки, в которой нанятые Хардовым люди уже заняли свои места.

– Странные они, – здоровяк непонятно кивнул на лодку. – Молчаливые, улыбчивые и крепкие. Явно скитальцы. Но, по-моему, не из гребцов. Ни жаргонных терминов, ни специфики наших шуток не понимают. Ну, может, в других местах оно по-другому. – Матвей бросил взгляд на наручные часы и вдруг переменил тему, заговорив о рулевом: – Ничего, успеет. Ещё почти пять минут, а это уйма времени.

По каналу ходили на вёслах; паруса ставили, только оказавшись на широкой воде волжских водохранилищ, хотя возможность таких плаваний с каждым годом сокращалась. У этой же лодки имелась совершенно ненужная для вёсельного хода мачта, довольно глубокий кокпит с местом рулевого на корме, а на носу – надстройка, в которой, видимо, была оборудована каюта.

– Старушка, – шепнул о ней Кальян, – хотя недавно перестроена. Шесть вёсел, по одному гребцу на каждом баке. Тяжеловата. Да и вообще…

– Вижу, – разочарованно кивнул Фёдор.

На его взгляд, это была самая неподходящая лодка, чтобы идти по каналу в такой рейс, и как-то не вязалась она с историями про дерзких и ушлых контрабандистов. Путь к его алмазной горе начинался на старой тихоходной посудине…

– Правда, название классное, – похвалил Матвей, – «Скремлин II». С вызовом. Это по-нашему.

– Чего?! – Фёдор почти пришёл в ужас.

– Хотя это как посмотреть, – поддразнил его Кальян. – Кто-то считает их чуть ли не ангелами-хранителями, а кто-то самыми злейшими врагами, сущим проклятьем. Но в любом случае они, то есть скремлины, часть мира канала, а нам сейчас туда. – Здоровяк как-то неопределённо махнул рукой и поинтересовался: – Сечёшь?

– А-а, ну-у…

– Понимаешь, Фёдор, что-то надо умилостивить, чего-то лучше не поминать к ночи, а на что-то стоит смотреть с раскрытыми глазами. Хорошее название.

Фёдор промолчал. Была такая лодка «Скремлин». Выходит, предшественница этой. Как-то она ушла с богатым грузом вверх по Волге, в сторону Твери. И с тех пор о ней больше никто ничего не слышал. Лодка словно сгинула, канула в неизвестность. Правда, родственникам членов экипажа мерещились по ночам зовущие голоса, и… Словом, эту историю в Дубне знал каждый; Кальян, конечно, тоже.

– Может, Хардов нанял не ту лодку? – решился заметить юноша. – Я не про название. Про размеры. И потом, эта мачта… Странно.

Здоровяк посмотрел на него с оценивающим интересом.

– Сомневаюсь, – растягивая звуки, проговорил он. – Думаю, он знает, что делает. И тебе лучше так думать. Держи-ка фляжку с сидром, в случае чего мы просто загуляли на ярмарке.

– Хорошо. – Фёдор даже смутился.

Он уловил, или ему показалось, что уловил, неожиданную перемену тона. И опять юноша вспомнил одну из прибауток гребцов: «Дружба дружбой, а за весло капитана не берись».

– И хоть мне многое в Хардове непонятно, – продолжал Кальян, – но я доверяю своим инстинктам. Тео, эта ночь будет длинной. И следующие не станут короче. Это самое мягкое, что я как твой капитан могу сказать тебе о канале. Поэтому нам лучше положиться на Хардова. И мне всё равно, понимают ли нанятые им люди специфику *моего* юмора.

– Конечно, – согласился Фёдор. В общем, чего тут: Матвей действительно капитан на лодке, и этим всё сказано.

– Послушай, Тео, есть такой неписаный закон: ты всегда должен рассчитывать на тех, кто в лодке, а они – на тебя. Здесь, на берегу, может, оно и по-другому, но там… На какое-то время у тебя не будет никого ближе, Фёдор. Те, кто в лодке! Иначе канал не простит.

И опять юноша промолчал. Подобные сентенции, обобщения житейского опыта были в ходу на канале, только Фёдор не знал, как к ним относиться. Вернее, знал, не особо доверяя этому общепринятому ладу, и боялся, что его мнение Кальяну не очень-то понравится. Но здоровяк уже улыбался:

– Ты можешь отнестись к этому как к первой выволочке. А можешь – как к первому наставлению. – Кальян говорил негромко, и гребцы на лодке их, скорее всего, не слышали. – Обычно команду подбирает капитан, именно потому, что я тебе сказал. Но я доверился Хардову. Сечёшь, что имею в виду?

– Секу.

– Отлично, пацан. И ещё кое-что тебе следует знать: если ты сейчас взойдёшь на лодку, она оторвёт тебя от дома и от всего, к чему ты привык. И нет никаких гарантий, что ты получишь что-нибудь взамен. Только так выходят на волну. Сечёшь?! Если ты *не готов*, возвращайся в «Белый кролик», закажи большую кружку сидра и болтай о приключениях до конца жизни. Но если готов, добро пожаловать на борт! Хотя скажу сразу – мечтать в трактире гораздо безопасней.

– Я готов, – сказал Фёдор.

А сам подумал: вот, опять. Хотя батя как-то сказал ему, что так принято у гребцов. Это словно заговор беды. В этом бесконечном повторении азбучных истин есть большой смысл, потому что когда-нибудь они спасут тебе жизнь. Звучит так же банально, да только так и есть.

– Вот и хорошо, что готов, – спокойно сказал Кальян. И вдруг рассмеялся: – Эй, чего пригорюнился? Это была приветственная речь. Так положено в первый раз.

– А-а, – протянул Фёдор, всё ещё не сообразив, продолжают его разыгрывать или уже нет.

– Грамоте обучен? – спросил Кальян.

– Конечно.

– Шучу. Эх, достанется мне от твоего бати…

– Я здесь по своей воле.

– Это сложный вопрос, – ухмыльнулся Кальян, но уже добродушно. – Наверное, он учил тебя вести судовой журнал?

– Конечно, – удивился Фёдор.

– Отлично. – Кальян снова посмотрел на свои наручные часы, фосфорные стрелки светились в темноте. – Первая запись: на волну вышли в одиннадцать двадцать три. Ветер ближе к каналу – ноль. Курс вверх по реке. Идём к шлюзу номер один.

Фёдор кивнул, а Матвей коротко посмотрел куда-то за его спину:

– Ну, вот и он. Теперь все в сборе.

Юноша обернулся. В бесшумно подошедшем человеке он узнал бородача, с которым Кальян беседовал в трактире. Рулевой одарил Фёдора быстрым взглядом и, не сказав ни слова, направился к лодке.

– Всё, быстро уходим, – распорядился Кальян. А потом он сделал что-то странное: отобрав у Фёдора бутыль с сидром, плеснул часть содержимого в воду. – Это каналу, – серьёзно пояснил здоровяк.

Гребцы дружно налегли на вёсла, и старая посудина продемонстрировала неожиданно хороший ход. Совсем скоро лодка оказалась на стремнине и двинулась по реке против течения, держась ближе к своему берегу. Дамба со шлюзом находилась по этой стороне, но Фёдор подумал, что Матвей, обогнув намытую отмель, пытается укрыть лодку под покровом густых деревьев, нависших над рекой. Юноша бросил прощальный взгляд на город – вся восточная часть неба была покрыта густой, почти смолистой тьмой.

«Ну, вот и началось твоё приключение», – сказал сам себе Фёдор. И внезапно вздрогнул. На какое-то очень короткое мгновение ему показалось, что этот его «внутренний» голос как бы и не совсем… его. Что он очень похож на тот тёмный голос из сна. И что прозвучал он сейчас насмешливо.

3

До плотины Иваньковской ГЭС дошли без приключений. Фёдор знал, что участок от Дубны до входа в канал считается самым безопасным отрезком водного пути, и с удовольствием наблюдал, как на привольной речной глади весело играют блики лунной дорожки. Весь далёкий противоположный берег был укрыт завесой тумана; он стоял вдоль кромки воды плотной, мглисто-серой стеной, почти неразличимой с такого расстояния, и Фёдору даже померещилось, что его рваные клочья частично вышли на плотину. Юноша, привстав на носу лодки, пристально вглядывался в темноту, но ничего рассмотреть не смог.

– Ночью много чего чудится, – шепнул ему Кальян, – не обращай внимания на туман. А вот как зайдём за дамбу к шлюзу, следи за окошком диспетчерской. Нам посветят фонариком. Три коротких сигнала и два длинных. Если по-другому, немедленно разворачиваемся и уходим.

Фёдор перевёл взгляд на далёкий пока вход в шлюз, но туман снова привлёк его внимание. Что-то там на плотине, перегородившей реку… Однако вся поверхность водохранилища и весь свой берег были чисты на много вёрст. Туман здесь отродясь не бывал, даже в самые плохие дни вода не пускала его. Лишь небольшой клок, говорят, появлялся на дальнем конце дамбы, где когда-то стоял второй памятник. Правда, по мере приближения к ГЭС шум падающей воды нарастал, и нарастало это тревожно-сосущее чувство… словно что-то в тумане почувствовало их появление, встрепенулось, проснулось и теперь наблюдает за ними с тихой, тёмной радостной злобой. Фёдор подумал, что здоровяк, наверное, прав: вода вроде бы действительно не пускает туман. Но тогда почему нельзя добраться по реке до крупных волжских городов? Связь с Нижним и Казанью оборвалась несколько лет назад, да и про Ярославль говорят, что там творится что-то жуткое. По крайней мере, люди покидают восточную часть города, переселяются в Кимры, а некоторые беженцы даже добираются до Дубны.

Фёдор снова посмотрел на плотину Иваньковской ГЭС, протянувшейся как мостик от берега к берегу, и вдруг почувствовал, что на его спине зашевелились крохотные волоски. Ошибки не было: густой туман теперь полз по плотине. Он двигался в их строну.

– Не беспокойся, – Кальян по-прежнему говорил тихо, – он доползёт только до открытых створок в центре плотины, до места сброса воды, и остановится. Такое уже бывало. Через воду до нашего берега ему не перебраться. Следи-ка лучше за сигналом.

Когда лодка зашла за дамбу, направляясь к шлюзу, Фёдор успел заметить, что туман действительно добрался до места сброса воды и навис над ним, набухая густыми клочьями, но дальше продвинуться не смог.

* * *

Вход в шлюз был обозначен ажурными арками по обоим берегам. Ворота обычно держали открытыми, вода стояла на нижнем уровне, и вырастающие во тьме сооружения шлюза напоминали мрачную крепость, древнюю твердыню, охраняющую город. Фёдора всегда волновала загадка, почему время оказалось не властно над всеми сооружениями канала. Даже те из них, что были частично обрушены, выглядели странным образом новыми, будто построенными лишь вчера, а некоторые обрушения – всего только дань причудливой прихоти архитектора. Вот и эти тянущиеся по обоим берегам ажурные арки отливали необычной новизной, хотя было явно, что во многих местах кладка порушена.

Но гораздо более явным было другое: все иные строения, здания, города и дороги – всё оставшееся от великой эпохи строителей канала давно уже обветшало, состарилось, умерло,

пришло в негодность. Даже набережную в Дубне людям пришлось перекладывать заново. И только канал словно заморозила чья-то непостижимая воля. Но почему-то говорить об этом было не принято. Словно было во всём этом нечто глубоко интимное, какое-то таинство и одновременно порочная тайна, о которой не говорят; и нарушить запрет было не то что хуже, а как бы непристойней, чем выставить себя на всеобщее обозрение голым.

В книгах учёных Фёдор отыскал слово, более или менее подходящее для описания этого запрета. Это было слово «табу». Даже гребцы и те, кто промышлял контрабандой, не нарушали этого таинственного «табу». А из разговоров недоброжелателей Фёдор знал, что единственные, кто был склонен к подобному кощунству, – это гиды, которых приличным людям стоит избегать. И вот так вот вышло, что один из них ждал сегодня с запретным грузом у исполинской статуи Ленина, которой тоже не коснулись воды увядания и за которой находились ворота, открывающие вход непосредственно в канал.

* * *

Свет фонарика появился в тёмном окошке диспетчерской – три коротких и два длинных сигнала. Это повторилось несколько раз, и Кальян отдал распоряжение заплыть в шлюз. Фёдор подхватил канат и ждал на носу лодки.

– Швартуйся к первому рыму, – бросил Кальян, – у дальних ворот будет гейзер.

– Знаю, – отозвался Фёдор.

Он чуть пригнулся и быстро накинул канат на крюк, подтягивая лодку к стенке шлюза. Рымом назывался швартовый бакен, который по направляющей в стенке камеры поднимался вместе с поступающей в шлюз водой. От бати Фёдор знал, что камеры наполняются у дальних, верхних створок, напор достаточно сильный, лодки полегче может и опрокинуть. У них была средняя лодка, но всё равно оказаться в воде сейчас не хотелось. Фёдор бросил взгляд назад, в этот момент ворота за ними закрылись.

Сразу же шум плотины сделался каким-то далёким, словно их только что отрезали от привычного мира. Света всё не включали, юноша сглотнул. Но что может случиться в двух шагах от города, в своём, практически домашнем шлюзе? И днём здесь Фёдор не раз бывал, но… то днём.

– Чего-то медлят, – прошептал он.

В ответ Кальян только кивнул. Ещё от бати Фёдор знал, что все шлюзы на канале устроены одинаково. Однокамерные, двести девяносто метров длины, так что за раз могут вместить очень много лодок, и у всех нижние ворота раздвижные, а верхние, дальние, если идти от Дубны, отворяются, уходя под воду.

– Ну, тянут-то, чего ж тянут, – уныло промолвил Кальян.

Что-то в голосе здоровяка не понравилось Фёдору. Он и сам вдруг подумал, что они здесь как в ловушке, и случись что, выбраться из камеры по отвесным мокрым стенам будет невозможно. В зависимости от уровня воды в Иваньковском море, которое то ли по привычке, то ли шутки ради все ещё звали Московским, первый шлюз поднимал на шесть и на восемь, а то и на одиннадцать метров, и сейчас они находились на дне этого колодца. Плеск послышался с правого борта лодки, человек на руле вдруг тоскливо воздохнул.

Сделалось вроде бы ещё темнее, и следом какая-то необычная глухая тишина пала вокруг, словно что-то внешнее вытеснило из шлюзовой камеры все звуки. Ещё один прелый ком подкатил к горлу, а потом Фёдор услышал шёпот. Тихий, в дальнем углу, у противоположной стенки.

Юноша непонимающе оглянулся, но никого или *ничего* различить, конечно, не сумел. И когда он уже собрался отвернуться, его снова позвали. Чуть слышно, маняще, только

теперь шёпот прозвучал ближе, казалось, что на расстоянии вытянутой руки. И сразу же мороз иголочками пробежал по спине.

«Это акустический обман, – вспомнил Фёдор голос бати, – такое бывает. Не позволяй себя обмануть». Но батин ли это голос? Ведь ни о чём подобном Фёдор с отцом не говорил. Он посмотрел на Кальяна: лицо того застыло. И взгляд также был направлен в сторону дальней стенки. «Ты что-то слышал?» – хотел было спросить Фёдор. Но теперь делать это оказалось ненужным. Шёпот повторился. Звали его. Всё более настойчиво, громко, с обрадованным и каким-то алчным удовлетворением.

В этой глухой чуждой тишине родились свои собственные звуки: смешки, перешёптывания, хохот. По лицам всех, кого смог увидеть Фёдор, он понял, что они тоже слышат это. Только реагируют по-разному: кто-то сидел, опустив весло, с завороженной счастливой улыбкой; у кого-то, напротив, на лице отразился ужас. Но звали-то его, и для него, Фёдора, нет ничего зловещего в этих звуках. Они сулят, таят в себе какое-то обещание, на которое юноша должен лишь откликнуться; что-то, о чём Фёдор всегда знал или догадывался, о чём-то там, под тёмной водой…

– Фёдор!

Кальян вдруг крепко ухватил его за локоть, и юноша непонимающе уставился на здоровяка, лишь потом сообразив, что уже наполовину вывалился из лодки.

– Т-с-с, – с нажимом произнёс Матвей, возвращая юношу на место.

И тут же в зове появилось что-то гневное, быстро сменившееся на колючий хохот.

– Голоса канала, – хрипло проговорил человек у руля. – Плохо. Нельзя стоять. Мы притягиваем их. Надо двигаться.

Теперь с таким же недоумением Фёдор уставился на рулевого, а тот неожиданно визгливо заорал на юношу:

– Скорее! Чего смотришь? Отвязывай канат.

– Заткнись, – сказал ему Кальян спокойным твёрдым голосом.

И рот рулевого почти комично захлопнулся. Хотя отсвет подозрительности и недавнего ужаса ещё тлел в его глазах.

– Прости, друг, но сейчас лучше вести себя тихо, – добавил Кальян.

Наверное, при других обстоятельствах это действительно выглядело бы комичным, и Матвей с удовольствием бы посмеялся, да только здоровяк знал, что сейчас произошло. Вот уже и Фёдор, и гораздо более бывалый рулевой захлопали глазами, глядя друг на друга, словно обволакивающее их ватное марево начало наконец рассеиваться, нехотя унося с собой чуждые и, теперь уже очевидно, лживые звуки.

– Ничего, Тео, – Кальян ободряюще похлопал приятеля по плечу, – со всеми бывает в первый раз.

– Это что, из-за меня? – промямлил юноша.

– Вовсе нет. – Здоровяк усмехнулся, окинул лодку взглядом, чуть задержавшись на человеке у руля. – Я говорил не только о тебе. Полагаю, что здесь мало кто ходил после заката. Он хороший рулевой, но ночью канал сводит с ума.

Зябкая рябь пробежала по поверхности воды, погас где-то смешок, и словно напоследок холодок обдул лица.

– И… что же, – Фёдор попробовал усмехнуться, с трудом подавляя предательскую нотку истерики, – к этому можно привыкнуть?

– Нет, – улыбнулся здоровяк. Фёдор с облегчением убедился, что и рулевой, и все остальные приходят в норму, – но с этим можно справиться.

И в эту же минуту с громким тяжёлым звуком включили свет.

– Ну, вот и хорошо, – кивнул Кальян, а потом, бросив взгляд на противоположную стенку, как-то тоскливо добавил: – Это всё только цветочки.

Сегментный затвор в верхней голове шлюза медленно опустился, образуя в створке двухметровую щель, и в неё тут же устремилась вода Московского моря, вспениваясь гейзерами. Свет, хоть и электрический, заиграл в дальних брызгах, и от тяжкого морока, только что царившего тут, не осталось и следа. Лодка, покачиваясь, начала медленно подниматься вместе с рымом, скользящим вдоль стенки.

– Так, значит, здесь ничего и не было? – Беспокойство внутри Фёдора всё ещё не улеглось, и вопрос прозвучал с явно излишним энтузиазмом.

– Я так не думаю, – Кальян предостерегающе поднял руку, – хотя и не знаю наверняка. Но лучше не будить лихо.

Совсем скоро вся поверхность шлюза оказалась покрытой толстым слоем пены, казавшейся грязно-рыжеватой в ярком электрическом освещении. Эта завораживающая картина даже смущала, напоминая какой-то сумасшедше-расточительный праздник.

Фёдор никогда не видел столько света ночью. Может, лишь в короткие моменты на самых удачных ярмарках, когда к электрическим гирляндам и огонькам добавлялись фейерверки, да на старых выцветших карточках легендарных городов, на улицах которых, говорят, ночью было так же светло, как и днём. И следом в который раз постучалась мысль: если великие строители канала были столь могущественны, как же они не сумели сберечь всё это?

Фёдор бросил быстрый взгляд на Матвея: здоровяка тоже радовало такое обилие света, он словно пытался впитать его, унести с собой хоть частичку в тёмную ночь, ждущую впереди.

– Какие мощные фонари! – восхищённо промолвил Фёдор.

– Ну да, – Кальян кивнул, – всё-таки учёные живут у нас.

В его словах смешались гордость, оттенок сожаления и какая-то недоговорённость. Но Фёдору показалось, что он понял здоровяка: впереди такого больше не будет. Только здесь, под боком у учёных, возможно столь царственное распоряжение ценнейшим на канале продуктом – электроэнергией. И Фёдор вдруг остро ощутил, что действительно покидает свой уютный милый дом, уходит навстречу неизвестности, и каков будет конец этой дороги, ещё вовсе не ясно. Только что-то говорило ему, что просиди он и дальше в безопасной Дубне, его жизнь мало чем будет отличаться от жизни кролика, лучшим завершением которой станет вкусное рагу на чьём-нибудь столе.

«А ты знаешь иную формулировку смысла человеческой жизни? – услышал он насмешливый голос, порой так похожий на отцовский. – Все рано или поздно покидают насиженные гнёзда. Это и есть взросление». Фёдор попытался было вспомнить, говорил ли он о чём-нибудь подобном с батей, но шум машин смолк, насосы отключили, уровень воды в шлюзе выровнялся с уровнем открывающегося за воротами водохранилища.

Фёдор скинул швартовый с крюка рыма; бакен в стенке поднялся не до упора направляющей, видимо, вода в Московском море стояла не на самой высокой отметке. Отшвартовав лодку, они медленно двинулись по шлюзу к дальним воротам, которые уже начали уходить под воду. Фёдор крутил головой, осматривая стены вокруг, потерявшие значительную часть высоты. Впервые в жизни он проходил шлюз, так ждал этого момента, но даже в страшном сне не смог бы представить, что окажется здесь ночью.

Вскоре они прошли над верхними утопленными воротами, и как только это случилось, с тем же тяжёлым звуком свет отключился. Впереди ждала широкая вода Иваньковского водохранилища, и направо по Волге можно было добраться до Твери, из которой давно не было никаких вестей, а за левым поворотом, метрах в пятистах от Ленина начинался вход в канал. Фёдор обернулся, желая узнать, не посветят ли им на прощание из окошка диспетчерской, но ничего разглядеть не смог. Первый, самый безопасный шлюз их путешествия только что остался позади.

Глава 4
Страж канала

1

Когда в стороне, над дамбой, скрытой разросшимся ивняком, полоснуло светом, Хардов и его маленькая группа находились уже минутах в десяти ходьбы от памятника.

«Ну вот, они вошли в шлюз, – подумал гид, останавливаясь, – можно не спешить и позволить старику передохнуть».

Некоторое время назад он послал ворона проследить, не шпионит ли кто за ними. С тех пор Мунир возвращался несколько раз, но был совершенно спокоен. Хардову удалось воспользоваться этим ежегодным ярмарочным балаганом и вывести Щедриных из города незаметно.

Пока всё шло по плану, и Ева пока держалась хорошо. Гид очень опасался девичьей истерики, но, похоже, приглядеть сейчас стоило за Павлом Прокофьевичем. Хотя всё ещё может измениться там, на берегу, когда они станут прощаться и до них дойдёт, что лодка, возможно, увозит Еву навсегда. Щедрин сам ждал этого момента, он спасал дочь, но когда холод предстоящей разлуки и одиночества окатит сердце, они могут и не выдержать. Это плохо; не стоит питать тени, таящиеся в ночи, страхом и горечью дурных эмоций. Особенно *там*, на берегу. Но и об этом Хардов им уже говорил.

– Хардов! – шёпотом позвала девушка. – Простите, Хардов, вы слышите?

Гид обернулся: голос Евы вроде бы звучал спокойно. Она подняла капюшон мужского походного плаща, который он дал ей, и лишь бледность лица, различимая даже при лунном свете, выказывала волнение девушки.

– Нет, Ева, я ничего не слышу, – солгал Хардов.

– Вот именно, – она кивнула, – всё стихло.

Это правда. Только Хардов чувствовал это уже давно. Когда они только покидали Дубну, ночь была полна жизни. В кронах деревьев галдели птицы, лёгкий ветерок дул над густыми травами, в которых стрекотали насекомые, на ветвях сосны довольно шумно возились белки, где-то проухала сова, а раз дорогу им перебежал не одичавший кролик, а самый настоящий заяц-русак. Мелкое лесное зверьё оказалось приспособленным к жизни в замкнутом мире канала намного лучше людей. Его не беспокоили ночные кошмары, оно не ждало с ужасом «сезона сновидений», не забивало себе голову страшными байками и с каким-то гибельным наслаждением смакуемыми небылицами.

Утрированно, до безнадёжности пугающими, нарочито нереальными историями, которые даже не оставляли возможности для попытки взглянуть правде в глаза. Тихон считал всё это проявлением посттравматического синдрома. Наверное, так оно и было. Только Тихон полагал, что со временем всё должно утрястись. Хардов не разделял даже этого осторожного оптимизма, иногда с нарочитым юмором называя их чем-то вроде стойких оловянных солдатиков из милой, пронзительной и давно утерянной сказки.

В любом случае мелкое лесное зверьё да и вся дикая природа чувствовали себя вольготней. И дикую природу не тревожил туман. Если только он сам не был её частью и порождением. Да, в этом разваливающемся мире мелкое лесное зверьё чувствовало себя вольготней людей. Но сейчас, по мере приближения к каналу, все эти деловитые звуки смолкли. Как стих и ветерок над низкими травами.

В ночи вокруг чувствовалось лишь повисшее и всё более нарастающее напряжение. Это имела в виду Ева, когда позвала Хардова? Древний инстинкт посоветовал сегодня дикой природе держаться от канала подальше.

– Понимаешь, Ева… – осторожно начал Хардов, пытаясь подыскать подходящие слова, чтобы успокоить девушку, – эта дорога от Дубны к памятнику Ленина, дорога Молодожёнов, её иногда ещё называют…

– Дорогой призраков, – сказала Ева. – Да, я знаю.

– Верно, – кивнул Хардов и понял, что уже давно отвык от общения с молоденькими девушками. – Я к тому…

Ева теперь его не перебивала, и гид посмотрел на ответвление старой дороги, что вела в сторону дамбы и дальше, к Иваньковскому гидроузлу. Под дамбой дорога ныряла в туннель, а русло канала со шлюзом № 1 было проложено над ним. Хардов вспомнил чёрный мглистый зев туннеля и подумал, что это скверное место. Особенно сегодня. Даже в благоприятные дни люди предпочитали пользоваться лодками, а не туннелем, для переправы на другой берег дамбы, и не только потому, что он притягивал уйму крыс.

Если верить городским слухам, некоторые мальчишки на спор перебегали туннель – что там, всего лишь несколько десятков метров. Если верить тем же слухам, некоторые из бегунов не справлялись со столь короткой дистанцией: они не появлялись с противоположного конца туннеля, но и назад, к месту старта, не возвращались. И возможно, именно сейчас, в эту самую минуту, нанятая Хардовым лодка проходит над туннелем, о котором столько любят посудачить в трактирах Дубны.

– Я к тому, – повторил Хардов, – что тебе не стоит бояться: сегодня на этой дороге мы вряд ли встретим призраков.

Ева помолчала. Когда она начала говорить, Хардову что-то очень не понравилось в её тоне.

– Я боюсь не того, что нам встретится по дороге, – голос Евы сделался глухим, бесцветным, и она смотрела в сторону памятника, – а того, что нас ждёт там. На воде. Там что-то…

– Брось, дочка, – попытался успокоить дочь Щедрин. – У нас очень опытный гид. Лучший из гидов.

– Неужели вы не чувствуете? – Девушка покачала головой. – Это вокруг… Его словно становится всё больше. Оно растёт…

«Напряжение?» – подумал Хардов. Вслух он сказал:

– Ева, есть такие дни… Я не думаю, что нам что-либо угрожает физически. По крайней мере, я к этому хорошо подготовился. Но существуют дни не самые благоприятные, чтобы уходить в плавание по каналу. Но они такие же и для наших… – Хардов кивнул, ему показалось, что он отыскал смягчающее слово, – для наших *недоброжелателей*. Там сейчас нет охраны. Люди остерегаются выходить на канал в такие дни. Идём, Ева, лодка скоро будет на месте.

– Хорошо, идёмте, – согласилась Ева. – У нас действительно нет другого выхода. Но я хочу, чтобы вы знали, я не обольщаюсь насчёт людей. Ну, про охрану там, и всё такое… Недоброжелатели – всё так. Только иногда люди – меньшее зло.

– Что ты имеешь в виду, дочка? – сипло спросил Щедрин.

Хардов смотрел на девушку, плотно сжав губы: в общем, чего уж тут скрывать, эта тишина вокруг и ему действовала на нервы.

– Я не знаю, что там, – наконец сказала Ева и снова неуверенно кивнула в сторону памятника, – но оно как бы… пока далеко. Не знаю… Но с каждым нашим крохотным шагом оно приближается намного быстрее.

«Ну, конечно, ведь мы туда идём», – хотел было возразить Хардов. Однако Ева не оставила ему такой возможности.

– Приближается – не совсем точное слово, – сказала девушка. – Оно там есть. Ну, да, становится ближе. Словно чует нас. Будто мы притягиваем его.

– Пробуждается? – вдруг спросил Щедрин.

– Может быть. – Ева удивлённо уставилась на отца. Он, как и большинство учёных, законченный агностик, всегда твердил ей, что все феномены канала скорее психологического свойства. – Да, наверное.

«Оно никогда не спит», – подумал Хардов. Он прекрасно знал, о чём пыталась сказать девушка.

– Но оно идёт. Из какого-то… очень плохого места. Но, наверное, немного времени у нас всё же есть.

«Не совсем так, – мрачно усмехнулся про себя Хардов. – Оно там везде. И всегда было. Там всё буквально пропитано им. Дело действительно намного сквернее, чем виделось в начале».

– Хардов, простите, пожалуйста, старика, я понимаю, что это может показаться смешным, но… – Голос Щедрина стал словно безжизненным, когда он закончил фразу. – Это то, о чём принято говорить «Второй»?

Хардов помолчал. Затем сложил руки и хрустнул пальцами. В сгустившейся тишине звук вышел довольно необычным, сухим, неприятным, будто сломали грифельный карандаш.

– Павел Прокофьевич, вы ведь учёный, – мягко улыбнулся гид, – стоит ли прислушиваться к разным байкам?

– Возможно, вы правы, Хардов, – вступилась за отца Ева, – но знаете… Страшный зверь в лесу назывался Бер. Тот, кто заберёт, видимо. Он жил в своём тёмном логове, которое так и звалось – берлога. И древние лесные люди настолько боялись зверя, что предпочитали не произносить его имени, называя его описательно и по-иному – Тот, кто ведает про мёд. Или Медведь.

– Я слышал об этой истории, Ева, – снова улыбнулся Хардов. – Ещё ребёнком.

– Несомненно, – кивнула девушка, и Хардов уловил в её напоре еле сдерживаемый страх. – Но можете ли вы поклясться, что со… «Вторым» дела обстоят иначе?

Напряжение вокруг достигло своего пика, сменяясь какой-то липкой неподвижностью, словно дальше им придётся двигаться сквозь слои ваты.

– Нет, Ева, не могу, – помолчав, наконец произнёс гид несколько сухо. Он не собирался её обижать, однако никаких истерик он не допустит даже в зародыше. – Но я поклялся тебя защищать, Ева, пока не доставлю в пункт назначения. И я сдержу слово, чего бы мне это ни стоило.

В этот момент пронеслась тёплая волна, и в воздухе захлопали крылья. Ворон Мунир снова вернулся, и сковывающее всех тоскливое оцепенение развеялось. Хардов чуть выставил вперёд руку. Ева смотрела, как ворон садится на приподнятый локоть гида, и ей почему-то вдруг подумалось, что Мунир, видимо, вообще довольно весёлое создание. И от этого девушке стало чуть менее страшно.

– Идёмте, – мягко позвал гид. – Не стоит нам красть своё собственное время.

И они пошли к пятну яркого света впереди – перекрестье мощных прожекторов выхватывало из тела ночи громаду каменного исполина, нависшего над берегом. Вход в канал должен был выглядеть торжественно в любое время, и самая большая из созданных когда-либо в мире статуй Ленина стояла здесь, как каменный страж, бдящий у ворот в сокровенный поток, хранивший дорогу, вдоль которой не угасала жизнь. Ева держалась теперь намного лучше, да и Павел Прокофьевич начал успокаиваться. Хардов посмотрел на перекрестье лучей света впереди, и это вечное ощущение обмана, которое всегда приходило к нему на этом месте и за которое когда-нибудь придётся расплачиваться, вновь тупой иголкой кольнуло его сердце.

Ленин не был подлинным стражем канала, хотя в Дубне любили этот памятник, да и во всех окрестных поселениях также, вплоть до Дмитрова. Молодожёны со своими замочками и ключами клялись перед ним в вечной любви, вовсе не догадываясь, что каменная статуя давно уже глуха к их надеждам и обещаниям. Возможно, в отличие от того, что когда-то возвышалось на таком же огромном каменном пьедестале, только на другом берегу дамбы перед входом в канал. Хардов поймал себя на этой мысли, и она ему очень не понравилась.

2

– А ты знаешь, что за груз? – вдруг спросил Фёдор.

Капитан пристально взглянул на юношу, затем отрицательно тряхнул головой:

– О подобном спрашивать не принято, Тео. Нам платят не за это, а за доставку. Если наниматель захочет, он сам расскажет. За исключением тех случаев, когда груз опасен сам по себе.

– Какие-нибудь яды? Сатанинские грибы? Латентные мутанты?

– Разное бывает, – уклончиво ответил здоровяк. – Но если груз опасен, команда должна знать.

– А… я хотел ещё спросить, – замялся Фёдор. – Голоса канала – что это? И правда ли, что их слышат лишь в шлюзах?

– Не стоит здесь об этом говорить, – хмуро промолвил здоровяк. – Потом спросишь у него, днём. Когда будем подальше отсюда. Он-то явно лучше расскажет.

– Кто?

– Хардов, – усмехнулся Матвей. – Я думаю, он знает побольше нас всех вместе взятых. Они все молчуны, гиды, но этого ты заинтересовал.

– С чего ты взял?!

– Вижу. Я уже давно хожу капитаном, Тео. И в серые, а бывало, и в чёрные рейсы, и кое-что в людях понимаю. О, сегодня Ленин освещён даже поярче обычного, будь они неладны с их фонарями.

Памятник выплыл из-за изгиба берега по левому борту, величественный, как и всё связанное с каналом, прекрасно сохранившийся, возможно, последний памятник в мире такого размера, на который не жалели электричества. А может, и нет. Ведь ещё мальчишкой в Дубне Фёдор слышал странные рассказы о том, что жизнь сохранилась где-то и за пределами канала. Возможно. Где-то. Нужно лишь отыскать способ пройти сквозь туман. Фёдор тогда мечтал, что он обязательно сделает это. Отыщет путь, как червь, прогрызёт стенки тумана и принесёт спасение, найдёт эти новые миры, островки жизни, отрезанные хищной мглой. Мечтал, – и юноша чуть печально улыбнулся, – вместе с Вероникой. Что случилось с ней? Куда делась *та* девочка? «Она просто выросла», – тихо шепнул ему в ночи тот самый насмешливый голос. Он не издевался и не глумился, просто предпочитал звучать отрезвляюще. «И мостик молодожёнов с замочками и ключами от сердец». Но разве не для того он всё это затеял, не для того пустился в путь, чтобы вернуть дорогу к этому мостику, вернуть мечту?

Фёдор смотрел на памятник. Ещё в той же Дубне шутили, что скульптор поработал так, что левой рукой Ленин вроде как чешет попу. Похоже, так оно и было, только сейчас это не выглядело смешным. Убранный светом памятник внушал если не восторженный трепет, то что-то близкое к тому.

– Как красиво! – восхищённо протянул Фёдор. – Никогда не видел его с воды.

– Ну, да, красиво, – непонятно буркнул Кальян. – А вот и Хардов. Похоже, с ним ещё кто-то. Давай правь к берегу, – бросил он рулевому, – за ступенями можно удобно пришвартоваться. Фёдор, бери канат и приготовься. – А потом голос здоровяка зазвучал глуше: – Я б не задерживался здесь надолго.

Взгляд Фёдора быстро пробежался по трём фигурам на берегу, укрытым тенью пьедестала. Значит, будут ещё пассажиры? Один из них, в плаще с капюшоном, показался слишком уж худым, субтильным для гребца или гида, словно был переодетой женщиной.

«Или дохляк какой-то, или девчонка. Точно, баба в мужской одежде!» – мелькнула у юноши уверенная мысль. Но вот взгляд его уже приковал вожделенный мостик, – ему тоже

хватило частички света, – мостик с замочками молодожёнов, ключи от которых покоились на дне канала. Фёдор машинально провёл рукой по груди – его ключ висел на шнурке, и он сейчас ощутил его надёжную твёрдость. И хоть Вероника посмеялась над ним и его предложением, юноша сумел незаметно подбросить замочек в её сумочку перед тем, как она ушла.

И теперь по обычаю Вероника должна была хранить этот знак помолвки не меньше девяти месяцев и либо лично вернуть замочек Фёдору, что освобождало её от любых обязательств, либо принять его предложение. Ритуалы на канале соблюдались строго; значит, у них есть как минимум ещё одна встреча, которая произойдёт не раньше, чем Фёдор вернётся из рейса, а к тому времени он предполагал превратиться в завидного и перспективного жениха.

Фёдор неожиданно тяжело вздохнул: почему она так обошлась с ним? Почему так грубо посмеялась, когда он открылся ей, обозвав глупым и нищим мальчишкой? Верно ли, что она стеснялась его общества в «Кролике» перед этими богатенькими купеческими детками, или показалось? И верны ли слухи, что к ней сватался сынок чуть ли не главы гильдии дмитровских купцов? Но, может, она ответила отказом и потому ничего не пересказала Фёдору? Ведь она же Вероника, его Вероника, и у них ведь любовь ещё со школьной скамьи. Может, он сам виноват, что поторопил её своим неожиданным и дурацким предложением? Конечно, он сам! Но вот он вернётся из рейса и больше не будет глупым и уж тем более нищим. И, выбирая между ним и скучной жизнью с богатеньким купеческим сынком, она, конечно же, предпочтёт его! Потому что… он помнит их мечты. Пусть наивные и детские, но мечты иногда могут стать могущественными, если следовать им. Фёдор вернётся…

Юноша вдруг снова тяжело вздохнул. В принципе, существовал ещё один способ освобождения молодых людей от их взаимных обязательств: для этого Фёдор просто должен был отдать ей ключ от замочка, тот самый ключ, что висит сейчас у него на груди. И если так надо будет поступить для её счастья… Но прежде он вернётся. Он докажет! У него есть ещё девять месяцев. Докажет, что отправился навстречу приключениям, потому что… помнит их мечты и помнит о своём обещании когда-нибудь прославиться и разбогатеть. И когда она увидит, каким он стал… Возможно, даже таким, как… Хардов, только готовым сменить свой видавший виды, видавший жизнь и смерть пыльный плащ на уютный домик на берегу в тени деревьев…

– Ау, Тео проснись! Нашёл время ворон считать, – голос Кальяна вывел Фёдора из сладостных грёз. – Бери канат, спрыгивай на берег, найди, за что пришвартоваться! Там должен быть старый кнехт. И давай быстро, пока я не пожалел, что взял тебя с собой!

3

«А вот и лодка, – подумал Хардов. – Что ж, пока всё чётко по графику».

А потом его взгляд невольно вернулся к пустующему основанию памятника на противоположном берегу. Когда-то вход в канал венчали два каменных исполина. Потом по причинам, давно уже стёршимся о время, второй памятник демонтировали, разбив вокруг пустующего основания симпатичный парк.

Виды здесь действительно открывались раздольные, и пока не пришёл туман, правый берег канала и водохранилища был столь же хорошо обжит, как и левый. И паромная переправа ещё не внушала ужаса живым, а была лишь простым и безопасным способом переправиться в Конаково, посёлок по другую сторону. Воспоминания о тех счастливых деньках остались как рассказы о золотой эпохе. Но это знали все на канале. Как и то, что, когда демонтировали Второго, его каменная голова отвалилась и упала на дно, где лежит и по сей день.

Хардов знал ещё кое-что. Поэтому его взгляд всё настойчивей возвращался к пустующему основанию. Тумана там не было. И не было пока ничего подозрительного. Лишь неприятное ощущение, отдающее всё более гнетущим холодком в спине. Все инстинкты гида твердили о том, что игнорировать это ощущение больше невозможно. Ева права – их время почти на исходе. И если это начнётся… «Это очень плохо, – мелькнуло в голове у Хардова, и лицо гида прочертила несколько мучительная, даже болезненная складка. – Но если это всё же начнётся, главное, чтобы он не успел увидеть нас. Иначе на рейсе можно ставить крест».

За то время, что они добирались сюда, успели набежать лёгкие облачка. Но когда луна открывалась, чёткая половинка в виде буквы D, на другой стороне можно было рассмотреть точно такие же ступени, спускающиеся к воде, и вакантное основание, о которое когда-то опирался каменный исполин. Второй вождь, Сталин, он и был подлинным строителем канала. И кости тех, кого согнала сюда его непреклонная воля и кто потом сгинул при строительстве великого пути, всё ещё перешёптывались на гиблых болотах, лежащих у шлюза № 2. Их шёпот сводил с ума каждого; даже сам Тихон, не ведавший страха, остерегался проходить болота ночью, потому что как-то встретился там с кое-чем похуже шёпота.

К счастью, такое творилось не всегда. В основном днём, да и чаще всего ночью лежащие в болотах спали, и если их не тревожить, ничем не выказывали своего присутствия. Лишь в плохие, скверные ночи что-то пробуждало их. Проблема заключалась в том, что сегодняшняя ночь была как раз из таких. Хардов снова поморщился и негромко позвал:

– Павел Прокофьевич, пора. Это наша лодка.

Лишь бы старик не раскис в последний момент. Нравился ему Щедрин, чего уж тут говорить, очень нравился. Своей мягкой открытостью, доверчивостью и какой-то аристократической вежливостью старик напоминал ему о тех днях, когда мир ещё не закончился. И когда каждый мог позволить себе такие качества. Да не каждый захотел! Наверное, гниение мира уже тогда стало необратимым. Атака хищной мглы, хоть и исподволь, уже началась. Только вот такие, как Щедрин, всё ещё оставались островками света, вокруг которых, если повезёт, могли образовываться новые островки. В этом и заключалась их последняя надежда. Это всё ещё не давало вере Хардова окончательно угаснуть.

Хардов в последнее время много думал о Еве. И о том, другом, конечно, тоже. Но что, если Тихон ошибается, что если девушка всё же главное? Хардов, человек, почти растерявший веру, кроме остатков того, что когда-то все они, юноши полные надежд, гордо именовали Путём гида, да ещё, быть может, веры в своего ворона Мунира, не имел права на сомнения. И он выполнит возложенное на него Тихоном, совершит самый странный, невероятный

маршрут в своей жизни, хотя сам бы он поступил иначе. И хоть на сомнения в действиях у него права нет, его право на вопросы и эмоции никто не отбирал. Особенно на главный вопрос: Хардов поклялся защищать Еву, Тихон знает об этом. Но если для выполнения возложенного на него придётся переступить через клятву, как он поступит? Хардов без колебаний, если потребуется, отдаст жизнь за Еву, но вопрос ведь не в его жизни. «Миссия невыполнима» – кажется, так назывался старый-старый фильм, который он смотрел когда-то в доме, полном света. И самым печальным во всём этом оставался старик, ничего обнадёживающего которому Хардов сказать сейчас не сможет. Если только не соврёт.

Ева шагнула к отцу. Щедрин сразу как-то ссутулился, раскрыл объятия. Хардов деликатно отвернулся и сделал несколько шагов в сторону. Потому что голос старого учёного задрожал, а потом гид услышал исполненный невообразимой боли и нежности голос Евы:

– Папочка… Папа.

Хардов почему-то снова на миг вспомнил дом, полный света, и заставил себя ничего не слышать. Им надо попрощаться. У них нет другого выхода. У них у всех нет другого выхода. Он с трудом подавил в себе желание соврать, закричать: «Эй, да что вы?! Через пару месяцев встретитесь!» Вместо этого он даст им ещё полминуты. Невзирая на то, что их время катастрофически убывает. Невзирая на то, что сейчас, в вязкой ночной мгле на другой стороне, слишком, до густоты чёрной, чтобы быть естественной, словно её коснулись глянцевой краской, он успел различить кое-что. Там, над пустующим основанием…

Хардов подумал, что пришла пора привинтить глушитель к его девятимиллиметровому ВСК-94 – хорошему многоцелевому оружию, которое могло быть и снайперской винтовкой, и штурмовым автоматом; жаль, что патроны к нему гораздо больший дефицит, чем калибр 7.62 к «калашникову». Ещё жаль, что события могут принять такой оборот, только шуметь здесь Хардов не собирается. Но прежде всего – ещё полминуты. Им надо дать попрощаться. Отцу и дочери, которым, возможно, никогда не суждено свидеться вновь. Лишь надежда будет жить в сердце каждого. Вместо тепла и объятий друг друга будет жить эта надежда. Та самая, которой для Хардова почти не осталось.

– Пора, – сказал гид. – Лодка не сможет ждать.

Старик держится. Он будет стоять здесь и махать им, пока они не войдут в канал и не скроются за воротами. И ничего плохого отсюда, с берега, он не увидит. Другое дело с воды…

– Павел Прокофьевич, конечно, просить вас не ждать, а отправляться домой бесполезно?

– Что вы, Хардов! – отмахнулся старик. – Я уж провожу вас.

Гид вздохнул. Старик чуть потупил взор. А вот щёки Евы блестят от слёз, хотя она и накинула капюшон на половину лица.

– Тогда мне придётся попросить вас хотя бы отойти подальше от памятника, – сказал Хардов. – Возможно, мне придётся стрелять по фонарям прожекторов.

– Боже, Хардов, что за вандализм?

Рот Щедрина раскрылся в недоумении, но гид больше не мог позволить тратить драгоценное время. Ни им, ни себе. Он лишь взял Щедрину за руку, бросив ей: «Идём, Ева!», и быстро повёл девушку к лодке. По дороге она всё же обернулась к отцу, и тот было порывисто дёрнулся и прошептал что-то безмолвно, но Хардов только крепче сжал руку Евы. Затем, не оборачиваясь, он крикнул старику:

– Всё, прощайте! И… ждите вестей, – гид постарался, чтобы его голос звучал если не излишне обнадёживающе, то хотя бы бодро, – хороших вестей!

Однако когда они всходили на лодку и Кальян молча, без лишних вопросов подал Еве руку (вопросы будут потом, Хардов знал это, и его это не беспокоило), гид успел заметить кое-что. Не только как мальчишка, Фёдор пялился на Еву во все глаза, но когда их взгляды

мельком встретились, ничего более умного, чем надменное равнодушие, граничащее с презрением, изобразить на лице не смог. Впрочем, Ева, скорее всего, даже не заметила его: мысли девушки были заняты другим. Она лишь кивнула им всем, вежливо поздоровавшись, и быстро скрылась в носовой каюте.

– Всё. Уходим, – распорядился Хардов.

Он прекрасно понимал, какое смятение вызвало появление Евы в умах команды. По крайней мере, той её части, что была набрана из гребцов-контрабандистов. Никакого груза не было. А гонорар велик. Не надо быть гением, чтобы провести логический мостик и связать всё воедино: баба в ночном рейсе! Значит, всё самое ценное либо в её багаже, в её бауле, либо… она сама. Это Хардова также не беспокоило. Сейчас гораздо больше тревожило другое. То, что ещё успел заметить Хардов. Как только нога Евы коснулась борта лодки, один из лучей прожекторов, освещавших памятник, еле заметно дрогнул.

«Возможно, совпадение, – подумал гид. – Но вряд ли. Скорее всего… Скорее всего, надежда войти в канал незамеченными не оправдалась».

* * *

– Капитан, – негромко обратился Хардов к Матвею, – сейчас парням придётся поднапречь.

– Я помню, – так же тихо отозвался Кальян. Голос его был спокоен. Почти. По крайней мере он был твёрд. – Команда проинструктирована. Никто не подведёт.

Хардов кивнул. Гребцы действительно налегли на вёсла с удвоенной силой.

«Он хороший капитан, – подумал Хардов, не сводя пристального взгляда то с лучей прожекторов, то с пустующего основания на другом берегу. Теперь вокруг него сгустился туман, который подполз почти к самой воде, и Хардов прекрасно понимал, что это значит. – Такую скорость можно выдержать только на короткой дистанции. Как на соревнованиях, спринтерская гонка. Да вряд ли Тихон дал бы мне плохого».

Хардов обернулся в сторону входа в канал, куда шла лодка, – до двух каменных башенок по обоим берегам, обозначавших ворота для рукотворного русла, оставалось ещё больше трёхсот метров. «А ведь у нас и есть гонка, – подумалось гиду, – только вряд ли кто в лодке, кроме меня, да, может, ещё здоровяка-капитана знает, сколь высока цена приза и цена поражения».

Гид стоял посреди лодки, держась за мачту, ворон Мунир сидел у него на плече. Кальян занял «весло капитана», крайнее по правому борту, и молча задавал ритм. Шуметь сейчас было нельзя. Не в этом месте. Но когда Хардов вновь повернулся к пустующему основанию на другом берегу, он понял, что все самые плохие предчувствия начинают сбываться прямо на глазах. А потом он услышал голос Фёдора:

– Посмотрите, что творится со светом.

4

Ева сидела в темноте каюты, прислушиваясь к звукам снаружи, и её била мелкая дрожь. Она помнила о наставлениях Хардова не включать масляный светильник, пока лодка не войдёт в канал, да она и не собиралась ослушаться гида, только с каждой секундой ей становилось всё хуже. И девушка с трудом сдерживала себя, чтобы не закричать:

– Немедленно поворачивайте обратно! Нельзя сейчас быть на воде!

Ева всё помнила о страхе и плохих эмоциях, которые делают их уязвимыми, как сигнальный маячок, открывают тем, кому не следует, – она помнила слова Хардова. В общем, она, наверное, разделяла подобную точку зрения и пыталась сейчас дышать, как учил её гид. Да только это не особо помогало. Ведь вопрос не в дыхательной гимнастике и, по большому счёту, даже не в том, что ей сейчас стоит успокоиться. Ведь так? Неужели они не понимают, что там, снаружи, всё теперь переменилось?! Всё стало намного хуже, чем когда они только направлялись к памятнику. То, о чём она говорила, чьё приближение чувствовалось с каждым их шагом, теперь пришло. И оно там везде.

Ева не знала, что это, хищное, алчущее, пока ещё слепое, но оно ищет их. И найдёт очень скоро. Надо немедленно возвращаться на берег, на свою сторону, если ещё не поздно. Возвращаться, потому что… Там, на воде, что-то очень скверное, и с каждым мгновением становится только хуже. Даже здесь, во тьме каюты, чьё-то пока ещё бесплотное щупальце холодным ветерком коснулось её лица (или сердца?), и вслед за ним всю лодку за пределами её убогого убежища залила ослепительная вспышка света. Только было в этом ярком свечении что-то неживое, чуждое. «Это плохой свет, – успела подумать Ева. – Он ищет нас. Но не только…»

5

«Вот и мальчишка увидел то, что я вижу уже некоторое время», – мелькнуло в голове у Хардова. В этой мысли было что-то ледяное, какой-то холодный металл, эмоция, которая требовала, наверное, спокойного преодоления и которой Хардов вряд ли станет когда-нибудь гордиться. Но в сложившихся обстоятельствах у гида не осталось времени для анализа эмоций. Челюсти его плотно сомкнулись, и взгляд всё ещё оставался прикован к тому, что творилось с прожекторами. Они больше не хотели освещать самое крупное в мире скульптурное изображение Ленина, словно чья-то немыслимая воля внесла разлад в исправно работающий механизм. «А может быть, эта воля и заставила нас установить здесь прожекторы для своих целей», – безмолвно усмехнулся Хардов, извлекая из-под плаща свой ВСК с уже прикреплённым цилиндром глушителя.

– Что бы ни случилось, капитан, не прекращайте грести, – голос гида прозвучал хрипло. Он обернулся – до входа в канал оставалось не меньше двухсот пятидесяти метров. – Пока мы не пройдём ворота, не прекращайте грести. Там мы будем в безопасности.

Если некоторое время назад лучи света начали колыхаться, как будто где-то в мире существовал ветер, способный их раскачивать, то потом один из них отклонился от статуи и бесцельно устремился куда-то в тёмное небо. Потом к нему присоединились остальные, то перекрещиваясь в пустом пространстве, то столь же бессмысленно скользя по лесу, берегу и тёмной воде. Вот один из них поймал лодку, на миг ослепив всех, кто в ней находился, к нему присоединился другой, и Хардову пришло на ум, что они, как гончие псы, принюхиваются, но подлинная их цель вовсе не здесь. И вот та же невидимая рука стала разворачивать прожекторы и фокусировать их на противоположном берегу дамбы, где над пустующим прежде основанием творилось теперь много чего интересного.

«А тебе нужен свет, – несколько отстранённо подумал Хардов. – Там, в своей тьме ты без света не сможешь». Его рука передёрнула затвор, досылая патрон, а затем гид услышал, как заскрипели его собственные зубы. Там, на другой стороне, творилось и правда много интересного. Создавалось впечатление, что клочья мглы несколько проредились, словно туман теперь отодвинулся от каменного основания бывшего памятника, расползался в стороны, уступая место чему-то другому. Эти всё более набухающие в разных местах сгустки чёрного глянца, которые Хардов заприметил ещё до посадки в лодку, сейчас прорвались, и в переливах бледного скользящего света проступили, а затем скрылись очертания чего-то огромного и бесформенного.

«Ну, вот и началось», – эта мысль накатила на Хардова вместе с волной какой-то прелой усталости. Пространство вокруг них словно сгустилось.

– Быстрее, капитан, – проговорил гид, прижимая приклад наизготовку, чтобы вести огонь. – Ради всего святого, быстрее!

Его слова, казалось, застревали в неподвижном, липком, как кисель, воздухе. И следом это ощущение невидимой злой воли стало нарастать, и что-то попыталось заставить Хардова опустить вскинутое было оружие. Гид не стал ждать, пока это нечто войдёт в полную силу. Вся лодка была перед ним сейчас как на ладони. И время словно замедлилось, позволяя Хардову окинуть взглядом всё, что было перед ним.

Он видел, что гребцы начали ослаблять ритм и лодка теряет скорость, что человек на корме вот-вот бросит руль, потому что смотрит, как завороженный, на противоположный берег, и в его маслянистом взгляде ужас смешался с чем-то похожим на священный трепет; он слышал голос Кальяна, капитана, которого уже успел похвалить: «Фёдор, быстро на руль! С бородачом что-то не то… И держи крепко, парень!» Набирая дыхание, он успел заметить, что мальчишка и впрямь оказался проворным и держится не в пример лучше остальных. Это

его не удивило, лишь лёгкая печаль кольнула сердце. Прицелившись, чтобы бить по первому прожектору, Хардов понял, что увидел ещё кое-что: как на другом берегу прямо из тела ночи выступил исполинский каменный бок, как в некоторых местах камень ещё не сделался непроницаемым, и гигантская статуя словно парила над формирующимся пьедесталом. Там, на противоположном берегу, вопреки всем мыслимым прежде законам жизни, в перекрестье электрических лучей появлялся Второй.

– Он вышел прямо из темноты, – с несколько шальной усмешкой процедил Хардов.

Это было давнее воспоминание. Впервые о своей встрече со Вторым ему рассказывал человек, чьё сознание помутилось от увиденного. Он так и визжал, пока Тихон пытался бедолаге помочь: «Он вышел прямо из темноты! Огромный, каменный, но… живой! Жи-и-во-ой!» А Хардов почему-то вместо жалости испытывал что-то похожее на брезгливость. Да, это было давно…

А потом гид задержал дыхание, и весь внешний мир перестал существовать. Кроме оружия и цели, куда он сейчас пошлёт пулю. Хардов нажал на спусковой крючок. С глухим хлопком, чуть более громким, чем звук выстрела, лопнул первый прожектор. И словно в ответ в плотной стене тумана, стоявшего на том берегу, гневно полыхнуло чем-то холодным, похожим на зарницы. Только это никакие не зарницы. У Хардова дёрнулась щека. Оружие уже было готово к следующему выстрелу. Эта чёрная воля, сковывающая всех, кто был в лодке, чуть ослабила хватку. Гид выстрелил. Второй фонарь прожектора разлетелся вдребезги. Оставался последний: теперь до другого берега добивал лишь одинокий луч. Дышать стало значительно легче. Хардов прислушался и ощутил, как по лбу пробежали капельки пота. Это его озадачило – напряжение оказалось бóльшим, чем чувствовалось.

«Давайте, давайте, гребите, мои хорошие! – быстро подумал он. – Нам бы только успеть войти в канал». Хардов посмотрел на последний луч, связывавший оба берега, и он показался ему натянутым, как струна. И что-то ещё… Звук, низкий и тихий, на грани слуха, похожий на треск статического электричества или гул электропроводов. Хардов снова прислушался, но ничего больше различить не смог. А потом выстрелил ещё раз. И на несколько секунд единственным источником света вокруг них стала бледно-зелёная луна, плывущая в тревожном небе.

* * *

Фёдор почувствовал, что руль больше не вырывался из его рук: потребовалось совсем лёгкое усилие, чтобы вернуть лодку на прежний курс. О том, куда могло затянуть лодку,

(ты же знаешь, куда! В туман, из которого нет выхода)

не хотелось даже думать. Сердцебиение постепенно приходило в норму, по крайней мере, в груди юноши больше так бешено не стучало. Хардов только что произвёл выстрел, и последний луч за спиной Фёдора погас. «Второй» исчез, на его месте теперь зиял громадный, похожий на провал, бесформенный сгусток тьмы. И обруч, сдавливающий виски, ослаб.

(в туман, из которого нет…)

Фёдор крепче взялся за руль. И даже попробовал робко улыбнуться Кальяну. Капитан сидел лицом к нему и с молчаливой сосредоточенностью работал веслом. Мучительная складка, прочертившая лоб здоровяка, ещё не разгладилась.

Фёдор посмотрел на Хардова: гид по-прежнему стоял у мачты и к чему-то тревожно прислушивался. Мунир, взлетевший было, пока гид стрелял, вернулся на плечо хозяина. Сейчас ворон застыл и, забавно склонив голову, глядел на чужой берег. Фёдор глубоко вздохнул: он, наверное, с удовольствием бы посмеялся, только… Это ощущение плохого вовсе не ушло. Оно словно затаилось, притихло в темноте и теперь раздумывает.

Вот и Фёдор услышал этот низкий и какой-то пустотный звук. Мунир заволновался, расправляя крылья. И вдруг юноша отчётливо понял, что это ещё не всё, лишь короткая передышка. Там, за его спиной, где только что погасли прожекторы, снова что-то происходило. Это он почувствовал, когда мороз иголочками побежал от основания его позвоночника вверх, это увидел в отсветах взгляда Кальяна, когда тот надтреснуто прошептал:

– Не может быть… Они светятся!

А потом здоровяк не смог скрыть ноток паники, прокравшихся в его голос:

– Хардов, прожекторы снова светятся.

6

Павел Прокофьевич Щедрин видел, как лодка мирно удалялась по спокойной поверхности водохранилища в сторону входа в канал. По широкой водной глади в серебре весело переливалась лунная дорожка, а яркие фонари освещали мощными лучами памятник Ленину, о котором столько любили посудачить в городских трактирах. Напряжение, которое чувствовалось, пока они добирались сюда, с отходом лодки развеялось почти окончательно. Павлу Прокофьевичу даже показалось, что его лицо обдало лёгким ветерком. И он подумал, что, наверное, зря они беспокоились и всё с Евой будет хорошо. Поэтому старый учёный был искренне изумлён, когда Хардов исполнил своё обещание и расстрелял прожекторы.

– Бог мой, ну зачем это? – промолвил Щедрин.

В какой-то момент ему показалось, будто он различил что-то на том месте, где когда-то находился второй памятник, но именно что показалось: всё было мирно, спокойно. И совсем скоро он пойдёт домой и заварит травяного чаю, что так любили они с Евой за час до сна. Возьмёт почитать старую книгу и лишь потом ощутит, как осиротел его дом.

– Я её спасаю, – теперь уже с уверенностью прошептал Щедрин.

И, конечно, старый учёный не видел того, что творилось сейчас с уже мёртвыми прожекторами. Того, что видела его дочь и все, кто находился в лодке.

7

Если бы Хардов вошёл сейчас в носовую каюту, он бы, наверное, решил, что страх вызвал у гостьи его судна временное нервное расстройство. Хотя его вполне могла осенить и более тёмная догадка. Обняв себя руками, девушка сидела на койке с закрытыми глазами, но лицо её было повёрнуто к узкому разрезу иллюминатора.

– Я прошу тебя, прошу, спаси нас, – шептала Ева, – защити от *него* и останься жив. Я отдам тебе часть своей любви, я смогу, но останься жив.

Однако Хардов стоял у мачты, и взгляд его был прикован к самому большому в миру скульптурному изображению Ленина. Памятник оказался не только самым большим. О нет, всё не так просто. Впервые за очень много лет Хардов выглядел обескураженным. Правда, оценить этого было некому. Но не в том дело, ведь так? Есть вещи более любопытные. Например, когда только что разнесённые вами в пух и прах фонари оживают. Губы Хардова неожиданно высохли, и их пришлось облизать. От расстрелянных прожекторов исходило явное бледно-зелёное свечение, пока ещё тусклое, похожее на болотные огни. Этот низкий пустотный звук, навевающий мысли о странных опытах с электричеством, повторился, но уже громче.

– Забавно, – прошептал Хардов.

Свечение не просто усилилось. Только что прямо на глазах гида из разбитых прожекторов вырвались первые лучи, не длиннее десятка метров. Слепо обшаривая пространство вокруг себя, они иногда скрещивались, что делало их похожими на световые мечи в руках невидимых сражающихся великанов. Мертвенное тусклое свечение набирало силу, лучи уплотнялись, а потом выстроились параллельно друг дружке, как будто встали наизготовку. И вот в небо ударили мощные столбы бледно-зелёного света. Лицо Хардова застыло. «Это мёртвый свет», – пронеслась в его мозгу какая-то чужая мысль.

Лучи начали опускаться, кружа с каким-то игривым любопытством, словно их интересовала и пустота ночного неба, и далёкая линия горизонта на чужом берегу. «Там нет линии горизонта, – сказал мысленно Хардов. – И когда взойдёт солнце, на том берегу будет стоять лишь туман. – Гид с трудом подавил отчаянный, шальной смешок. – В этом мире посредником между землёй и небом является стена густого тумана».

Хардов быстро обернулся – до спасительных ворот оставалось не больше сотни метров. Но лучи уже бежали по каменным ступеням на дальнем берегу дамбы, по которым когда-то поднимались древние строители канала к своему грозному идолу, неся ему всю свою безмерную любовь, преданность и весь свой страх. Лучи переместились выше и поймали в перекрестье черноту зияющего провала над пьедесталом. Хардову снова пришлось облизать губы: картинка качнулась, дрожа, будто с тем же пустотно-электрическим звуком она обжигалась о края привычной реальности. А затем мёртвый свет выхватил из тьмы очертания исполинской статуи.

– Навались, парни! – закричал гид. Теперь необходимость соблюдать режим тишины отпала сама собой. – Гребите что есть сил!

«На голограмму – вот на что это было похоже, – вспомнил Хардов. – На чудовищную голограмму, нарисованную прямо в небе. Только ты знаешь, что это не так».

Монолитная громада памятника, охваченная бледно-зелёным светом, повисла в черноте неба, раскалывая пространство. Присутствие злой воли, всегда ощутимое в этом месте, сейчас сделалось неодолимым. Хардов подумал, что этот низкий пустотный звук становится объёмней, наполняясь глубиной и силой; только звук не был просто странным, плохим – присутствовало в нём что-то невыразимо иное, словно он нащупывал внутри каждого камертон ужаса и прекрасно резонировал с ним. Гид видел, что лодку вот-вот затопит неконтролиру-

емая животная паника. А потом Хардов услышал хлопанье крыльев: Мунир взлетел – и гид понял, что может прикусить губу до крови. «Второй… Вы не должны оказаться на линии его взгляда, – услышал на мгновение Хардов голос Тихона, – иначе всё самое скверное и мерзкое на канале будет знать о вас. Если вы, конечно, выживете». Только это было старое воспоминание, когда он учил их, ещё совсем желторотых юнцов.

– Нет, Мунир, я запрещаю тебе! – хрипло закричал гид, прекрасно понимая, что ворон никогда бы не ослушался его и что сейчас Мунир действовал, повинуясь подлинному, хоть и невысказанному приказу Хардова.

«Вот ещё одно существо, которое я люблю, готово погибнуть из-за тебя», – горько подумал он. И посмотрел на того, кого некоторое время назад, ещё в безопасной Дубне назвал Вторым. Лик каменного Сталина был обращён к луне, такой же бледно-зелёной, как и свет прожекторов, и это стало единственным маленьким подарочком, который судьба преподнесла сегодня Хардову. Если только не дразнила. Второй смотрел в другую сторону: грозный взор пустых каменных глаз был направлен на шлюз № 1, следя за теми, кто желал появиться оттуда и войти в канал без его ведома. Может, такое случилось просто потому, что луна стояла в той стороне, а может, они с Тихоном все верно рассчитали, но… Гид снова обернулся ко входу в канал – лодка продвигалась всё медленнее, да и руль стал опять вырываться из рук мальчишки.

– Давайте, давайте, парни! – Хардов скосил взгляд на памятник и с трудом заставил себя говорить дальше: – Осталось чуть-чуть. Давай…

Голос гида всё же сорвался. Может, лишь слегка запершило в горле и возникла необходимость прокашляться. Хардов видел, что творилось в перекрестье бледно-зелёных лучей. Он подумал, что судьба, скорее всего, всё же дразнила их. Камертон внутри звучал громче: леденящий кошмар прокрался в кровь, заставляя её стыть в жилах.

– Давайте, парни!..

Прямо на глазах гида каменный Сталин начал медленно поворачиваться. Он оборачивал к ним лицо. Каменный вождь искал их.

*** * ***

(в туман, из которого нет…)

Фёдор всем телом навалился на руль, который вдруг ожил, налился огромной силой, направляя лодку прочь от входа в канал. Он слышал голос Хардова, «Давайте, парни!», и ещё он слышал поскуливание бородача-рулевого, который как-то странно привстал на коленях, покачиваясь из стороны в сторону, и смотрел на чужой берег.

«Прекрати! Перестань! Это всё из-за тебя!» – хотел было закричать на него Фёдор и понял, что, наверное, уже поздно. Возможно, бородач-рулевой был действительно виноват, но только что с чужого берега пришло властное повеление бросить руль и взглянуть на Второго.

Фёдор, сопротивляясь, посмотрел на памятник. Голова каменного Сталина словно притянула его, сделалась огромной, а потом юноша почувствовал, что сон и явь соединились. Потому что пустые каменные глаза вождя стали открываться. И в них плескался холодный свет. Именно эту голову, лежащую на илистом дне под мутными слоями воды, Фёдор видел в своём страшном сне накануне бегства из дома. Именно этот мёртвый свет был в открывшихся глазах, когда они искали его в липком ночном кошмаре. Свет становился всё интенсивнее, наливаясь какой-то неведомой жуткой жизнью, и как только взгляд каменной головы упадёт на их лодку…

(уже неважно, что будет потом. Безразлично)

Вдруг Фёдор почувствовал, как будто что-то вытащило его из липкой втягивающей воронки. Какая-то сильная рука. И что-то тёплое и

(радостное?)

надёжное словно коснулось его сердца. Этот мёртвый свет, две горящие точки глаз, заметно потускнел. Словно между лодкой и чужим берегом встала лёгкая полупрозрачная пелена защиты. Фёдор поднял голову.

Над ним летел Мунир, ворон гида Хардова. Нет, не совсем так. Мунир парил в далёкой вышине над лодкой, широко распахнув крылья. Слишком широко, и, наверное, никакая другая птица в мире не смогла бы сделать такое.

(Ты ведь знаешь, что Мунир не совсем птица)

в туман, из которого нет…

«Вот кто сейчас спасает нас», – подумал Фёдор. Каким-то странным образом юноша понял, что крылья Мунира и были этой полупрозрачной защитной пеленой. Они словно истончились, вытягиваясь в разные стороны, крылья росли, пока не заслонили часть неба. Сам ворон стал уже маленькой точкой высоко над ними, а крылья растягивались и продолжали увеличиваться, превращаясь в подобие огромного зонтика, концы их уже почти коснулись воды. И этими невероятными крыльями, этой охватывающей сферой, ворон сейчас укрывал их. Мунир прятал лодку от ищущего взгляда Второго, заслонял её собой от внешней злобы реки и злобы ночи, позволяя сердцам людей передохнуть, забыть на минутку о неодолимом страхе и биться ровнее. И что-то в этой полупрозрачной пелене…

«Это любовь, я вижу её сияние!» – изумлённо проговорил внутри Фёдора восторженный и испуганный мальчик.

«Это то, что всё ещё не даёт этому миру сдохнуть», – произнёс внутри него гораздо более зрелый голос.

– Боже, я, наверное, схожу с ума от страха, – уныло и протяжно, будто находясь внутри своего собственного замедлившегося времени, пролепетал Фёдор. – Во мне спорят голоса.

«Не будь ребёнком, Тео, – одёрнул его зрелый голос. – Ты прекрасно знаешь, что не сходишь с ума. Ты прекрасно знаешь, что это».

Фёдор потряс головой. Никакие голоса внутри него не спорили. Была лишь эта странная надёжная тишина, эфемерное и давно утраченное ощущение материнской колыбели. Лодка теперь бежала по тёмной воде значительно веселее, на лицах людей читались испуг, но и благодарность; гребцы ритмично работали вёслами в такт какому-то новому звуку. Присутствовало в нём что-то очень интимное, и Фёдор вдруг сообразил, что слышит, как бьётся сердце ворона. Крылья Мунира скрыли оба берега, и единственным ориентиром в полупрозрачной пелене оставались смутные очертания башенок, выплывающих из ночи. До входа в канал было теперь не больше тридцати метров. Фёдор снова посмотрел наверх – по внешней стороне укрывшего их купола слепо скользили два бледно-зелёных смазанных пятна. «Это его взгляд, – понял юноша. – Его глаза».

– Давайте гребите! – неожиданно закричал Фёдор. – Быстрее, он ищет нас!

И тут же встретился с жарким взглядом Хардова. И сконфузился, не сразу определив, что прочитал в нём. Суровое удивление? Гнев? Возможно. Но и что-то ещё, чего юноша никогда не встречал прежде. Всё это было мимолётным, продолжалось не дольше секунды, а потом Хардов отвернулся, тревожно вглядываясь ввысь, в ту точку, которой стал его ворон.

– Гребите, гребите, – болезненно морщась, произнёс он. – Теперь уже недалеко.

А Фёдор всё ещё пытался понять, действительно ли он видел эту невероятную смесь в глазах гида, смесь ненависти, боли и… какой-то неуловимой нежности. А потом сердце его сжалось, потому что в вышине над ними прозвучал мучительный и совсем не похожий на карканье крик ворона. И тихий стон сорвался с губ гида.

– Гребите! – прохрипел Хардов. – Гребите, сукины дети, мой ворон сейчас умирает за нас.

Два бледно-зелёных пятна, блуждающих по куполу, становились всё ярче и всё более походили на прорывающиеся огни. До ближайшей по своему, левому, берегу башни, отмечающей вход в канал, было чуть больше двадцати метров. Фёдор выдохнул, сосредоточенные лица гребцов блестели от пота. Но люди старались: расстояние до невидимой линии, соединяющей по воде оба берега, ворота канала, ещё сократилось.

Девятнадцать метров – дружный взмах вёсел.

Семнадцать метров.

Не больше пятнадцати…

Мунир опять подал голос, и по телу Фёдора прошла судорожная дрожь, столько боли было в крике истязаемого существа, в крике, так похожем на плач маленького ребёнка.

– Осталось десять метров! – отчаянно заорал юноша. У него всегда был хороший глазомер, и он знал, что сейчас не ошибается. И плевать, как там на него смотрит Хардов. – Девять. Восемь…

Плевать! Фёдор не задавался вопросом, с чего это ему вздумалось кричать и таким образом подбадривать команду. И уж тем более как это выглядит со стороны. Он набрал полные лёгкие воздуха, чтобы крикнуть «семь», и…

(Скремлин сейчас умрёт. Взгляд Второго прожжёт его)

осёкся. С ним опять кто-то пытается говорить? Говорить о чём-то тёмном. Кто? И почему «скремлин»? Ворон Хардова – скремлин?!

– Шесть, – сдавленно выдавил юноша.

И увидел.

Два блуждающих пятна налились багрянцем, возможно, это всё ещё и мёртвый свет, но он больше не был холодным. В нём кипела неутомимая ярость. Два блуждающих пятна начали буквально прожигать купол, а потом двинулись по нему, оставляя оплавленные полоски, как на ткани или на горелой бумаге. Мунир захлёбывался в криках невыносимой боли.

– Пять, – сказал Фёдор и почему-то добавил: – Пожалуйста… Четыре. А ну, гребите! Не смейте бросать вёсла! Гребите…

Огни прорвались. Может быть, юноше это только показалось, но прямо перед собой он увидел стену мёртвого огня, всполохи и багряные завихрения, плескавшиеся яростной злобой, и две горящие чёрные точки в глубине, которые заглянули внутрь него, в самое сокровенное и… на миг отпрянули.

– Не смейте, – произнёс Фёдор, с трудом ворочая языком. – Три-и.

Стена огня начала заливать всё, что находилось внутри купола. Столб пламени нёсся прямо на лодку.

«Два», – промелькнуло в голове Фёдора, но он не смог бы поручиться, что сказал это вслух. С какой-то странной апатией пришла мысль: «Нет, этот пламень не сожжёт нас. И не убьёт. Возможно, просто изменит. И, возможно, настолько, что мы станем завидовать мёртвым». И одновременно в яркой вспышке юноша увидел фигуру Хардова, которая показалась ему гораздо более реальной, единственной реальной по сравнению со всем, что творилось вокруг. Гид стоял, вознеся к небу руки, и полы его плаща широко распахнулись.

– Мунир! Я здесь! – зычно прокричал Хардов, как будто происходящее не оказывало на него ни малейшего влияния. – Я здесь, старый друг.

В следующий миг то ли периферийным зрением, то ли краешком сознания Фёдор увидел Мунира, чьё пике больше походило на неконтролируемое падение, и понял, что нос лодки только что пересёк невидимую линию ворот.

«Как жаль, – отстранённо подумал юноша, – а ведь мы почти успели».

Фёдор сидел на самой корме, и поэтому ему открылось ещё многое. Он видел, что лодка движется по инерции, и видел мёртвый свет, который теперь, если ему суждено выжить, никогда не забудет, а ещё лица команды, на которых запечатлелось что-то, что он, напротив, мечтал бы забыть навсегда. Он видел смеющегося бородача-рулевого, который так и остался на коленях, и видел (неожиданно!) глаза Евы, появившейся в проёме каюты: девушка что-то кричала. А потом Фёдор успел увидеть, как Хардов подхватил своего ворона, скорее всего умирающего, судорожно бьющего крыльями об воздух, и как прижал его к сердцу. И снова глаза Евы.

«Как удивительно», – мелькнула у Фёдора какая-то неоформившаяся мысль.

И всё закончилось.

Послышался спокойный плеск воды о борт. Над ними стояла тихая звёздная ночь. Лодка вошла в канал.

Глава 5
Лодка на тёмной воде

1

Фёдор сжался в комок, не понимая, что происходит. Внезапная и оглушительная тишина и покой словно парализовали его. Юноша передёрнул плечами. Потом осторожно посмотрел по сторонам. И обернулся.

Вся поверхность Московского моря выглядела совершенно умиротворённой. Лунная дорожка теперь бежала по водной глади в сторону своего берега, будто указывая на дом, который всё ещё оставался так рядом. Фёдор ощутил необходимость сглотнуть, дабы оживить высохшее горло. И ещё протереть глаза, удостовериться в открывшейся картине: никаких обезумевших прожекторов и столбов бледно-зелёного света, ни мёртвого свечения, ни яростного пламени, и никакого «Второго», восставшего из древней тьмы, что скрывает мгла. Чужой берег тихо спал, укутанный туманом, сползшим прямо к воде.

– Тихо, – изумлённо прошептал Фёдор.

Это казалось невероятным и больше всего было похоже на внезапное пробуждение, кладущее предел ночному кошмару.

– Мы в канале, Тео. Всё осталось позади, – с какой-то будничной усталостью произнёс Кальян. Отёр испарину. И улыбнулся. – Правда, *такое* впервые… А ты молодец. Только можешь больше не вцепляться в руль, как в молоденькую невесту, сбежавшую из-под венца.

Послышались тихие и такие же усталые смешки: команда приветствовала своего капитана. Разгоняя остатки страха, что цеплялись за клочья тумана, команда одобрительными смешками приветствовала и неоплошавшего юнгу, но, наверное, больше всего этого немногословного и опасного человека, чьи глаза и уста скрывали больше, чем говорили, и его удивительную птицу, которая сейчас спасла их. О скремлинах на канале болтали много всякого, но мало кому доводилось видеть этих загадочных созданий вживую, и вот один из слухов на счастье и невиданную удачу всех, кто был в лодке, подтвердился: скремлины действительно дружили с гидами.

– Невесту… – чуть смутившись, повторил Фёдор и с недоумением уставился на свои руки.

Он всё ещё с силой сжимал руль. Левая ладонь горела, юноша поднял её к лицу и понял, что сорвал мозоль под основанием безымянного пальца.

– Ты же говоришь, что вода не пускает его, – почему-то сказал Фёдор, указывая Кальяну на туман по правой стороне.

По мере удаления от ворот туман светлел и густыми клочьями, похожими на клубы пара, стелился по поверхности воды.

– Так и есть, – подтвердил капитан. – Сползает лишь на несколько метров от берега. Да и то лишь по ночам. К утру его раздувает.

Фёдор снова бросил взгляд, наверное, прощальный, на Московское море – единственным доказательством того, что они только что прошли там, оказались расстрелянные Хардовым фонари. Памятник Ленину, лишённый своей торжественной подсветки, одиноко чернел в ночном небе за поворотом русла.

– Включить освещение, – распорядился Кальян окрепшим голосом. – Теперь уже можно.

Фёдор не особо удивился тому, как быстро и чётко был исполнен приказ капитана – двое гребцов по левому борту покинули свои места и растопили масляные фонари на носу и корме. «Они давно ходят по каналу, – подумал юноша. – Расчёты привычные, команда очень быстро становится слаженной. Лишь бедолага рулевой выпал из общего ритма».

Кальян тоже видел это и с сожалением вздохнул: бородач по-прежнему стоял на коленях, что-то бормотал себе под нос, счастливо скалясь.

– Пройдём вперёд четыре километра, – громко сказал Кальян, и Фёдору показалось, что он больше обращается не к команде, а к Хардову, который так и стоял молча у мачты, прижимая к себе ворона. – Там канал пересекает река Сестра. Это хорошее место. Там и отдохнём.

После всего пережитого команда действительно нуждалась в отдыхе, пусть и в коротком – перевести дух. Бородач-рулевой вдруг замер. С несколько нелепой неестественностью склонив голову, он подозрительно уставился на Хардова.

– Это что ж, твоя птичка, что ль, спасла нас, командир? – ядовито поинтересовался он. – Так, что ль?!

Лицо Кальяна застыло. Но Хардов лишь с сожалением посмотрел на рулевого и промолчал. «Чего испугался капитан? – подумал Фёдор. – Что Хардов поступит с рулевым так же, как он поступил с прожекторами? Но ведь это не так. Гиды они… другие. У них… вроде кодекса…» Но откуда у него эта уверенность? Что он вообще знает о гидах?

(знает)

Только то, о чём болтают в Дубне. Но там много о чём болтают. А ведь батя всегда учил его,

(батя?!)

что говорящий – не знает, знающий – не говорит.

Рулевой опять принялся раскачиваться на коленях из стороны в сторону. И тогда Хардов наконец подал голос.

– Да, река Сестра – это действительно *хорошее* место, – как-то странно произнёс он. Голос его был хриплым, и казалось, что гид вкладывает в свою фразу ещё какой-то, одному ему понятный смысл. – Нам и вправду придётся там отдохнуть. Боюсь, что нет другого выхода. – Он бережно погладил ворона и тихо прошептал: – Ничего, потерпи, старый друг, чуть-чуть осталось, только, пожалуйста, потерпи.

Мунир слабо встрепенулся, а потом его голова поникла. Фёдор увидел, что в обоих крыльях ворона зияют страшные прожженные раны.

2

Какое-то время шли на вёслах молча. Команда, в предвосхищении обещанного отдыха, работала усердно, и по мере удаления от Иваньковского водохранилища с каждым взмахом вёсел людям становилось всё спокойней. Возможно, злая воля Стража канала вновь уснула, но, скорее всего, по какой-то причине просто не дотягивалась сюда. И это был один из вопросов, множества вопросов, что терзали сейчас Фёдора. Однако он молчал, помня о своём обещании не задавать вопросов, хотя делать это становилось всё труднее. Слишком непохожим на привычные представления оказался мир всего в двух шагах от дома, слишком многие вещи явили себя с совершенно неожиданной стороны.

«Эта девчонка, что она здесь делает? – думал Фёдор. – Неужели весь этот опасный и так хорошо оплачиваемый рейс предпринят ради неё одной?»

Фёдор узнал её. Ещё там, при посадке у памятника Ленину; трудно не узнать. И ещё тогда был крайне изумлён её появлением. Дочка Щедрина, профессорская дочка. Белая кость, из другой жизни. О существовании Фёдора и ему подобных она вряд ли даже догадывалась. Просторные особняки под сенью реликтовых сосен, светские балы (говорят, подобные ей даже обучены не то что с детства есть ножом и вилкой, а непонятным и совершенно бесполезным иностранным языкам), они даже ежегодные ярмарки своим посещением не жалуют, ниже их достоинства, что ль, это всё? Правда, о её папаше в Дубне говорили с уважением, вроде как на нём всё и держится, хоть старик и не от мира сего. Что ж они при их связях и возможностях не воспользовались более безопасным способом путешествия? Что ты, Ева Щедрина, дочь одного из самых влиятельных людей в городе, делаешь на канале после заката? В обществе скитальца-гида и отчаянных контрабандистов, что явно не в ладах с законом? Что за секрет спрятан в твоём дорожном бауле? Что за секрет под покровом ночи ты унесла с собой из Дубны?

«У больших людей – большие тайны», – сказал как-то батя. Это так, всё верно. Но теперь это вроде как становится их совместной тайной, так? Или не становится? Или его это не касается? Всё запутано, и…

Вопросы, вопросы.

«Рано или поздно многие вещи прояснятся сами собой», – сказал себе Фёдор. И тут же подумал, что именно так люди себя и обманывают. И ещё подумал, что при всей интриге вовсе не Ева вызывает у него самое большое беспокойство.

Так как новой команды не поступало, Фёдор остался на руле. Он был рад, что для него нашлось дело поважнее мальчика на побегушках. Когда же, поравнявшись с переправой на Конаково, Кальян скомандовал ему:

– Юнга, правь ближе к своему берегу. У нас нет дел к паромщику. Ведь так, парни?!

А команда ответила дружным:

– Так точно, капитан!

Фёдор понял, что у лодки, хоть и на время, появился новый рулевой.

Это был невиданный взлёт карьеры. По скупым рассказам и картам бати Фёдор досконально изучил каждый бьёф, отрезок канала, знал о шлюзах и насосных станциях, знал о дамбах, и под каким углом наклона бежит на каждом участке волжская вода к Москве, взбираясь больше чем на сто шестьдесят метров, высшую точку Клинско-Дмитровской гряды, а потом спускаясь вниз, знал о коварном норове блуждающих водоворотов, о которых строители канала ничего не ведали и которые пришли вместе с туманом, знал он и о проклятом корабле у Бугай-Зерцаловских болот, полуразрушенном пассажирском пароходе с огромными трубами и гребными колёсами по бокам.

Пароход ещё застал великую эпоху строителей канала. А потом был брошен у берега многие годы назад, правда, порой загадочным образом менял место своей последней швартовки, появляясь в самых неожиданных местах. А иногда, к счастью, крайне редко, выглядел как новенький – в такие дни его стоило остерегаться особо и обходить как можно дальше. Говорили, что некоторые из гидов могут гадать по поведению проклятого корабля, как на картах, рунах или кроличьем сердце, но подтверждений тому не было. О гидах вообще наверняка известно мало, а Фёдор предпочитал не особо полагаться на слухи.

Да, вопросов было множество, но юноша понимал, что ему не оставалось другого выхода, кроме как проявить терпение. Сейчас он с какой-то наплывающей, увеличивающейся радостью вспомнил ещё один из рассказов бати. Мол, когда проходишь над рекой Сестрой, спрятанной в трубы под каналом, на душе действительно становится легко и весело. Настолько, что гребцы в этом месте обычно принимались петь, и Фёдор помнил слова их лихой песни.

Но всё это касалось дня. Сейчас же стояла ночь, тихая и звёздная, и юноша не очень представлял, чего заслуживают сейчас эти его знания. Лишь кое-какие подтверждения своим прежним догадкам он всё-таки получал. Фёдор всегда считал, что так называемые плохие дни, когда гребцы не выходят на волну, были связаны со звёздными дождями по ночам. Уж почему – неизвестно, другой вопрос, но самые элементарные наблюдения приводили его к таким выводам. Вот и сейчас луна успела скрыться, и весь открывшийся полог неба представлял собой прекрасный и неугомонный звездопад.

Это было волшебней и восхитительней, чем самый богатый ярмарочный салют: звёздочки перечёркивали небо, носились друг за дружкой под мерцающими взглядами их более уравновешенных подруг, иногда распускались гирляндами, а иногда падали совсем рядом, казалось, лишь протяни руку. Эта завораживающая картина, да ещё под мерный плеск вёсел, манила, будоражила, вселяла в сердце юноши беспечную радость, за которой стояла тихая печаль. За которой, видимо, скрывалась радость ещё большая, а за ней печаль уже просто невыразимая, не оставляющая человеку самой возможности примириться со своим местом на этой земле; а за ней всё же радость, ослепительная и оголтелая, в ней и расцветали ответами все вопросы, потому что через миг они уже становились не важны.

И как же удивительно всё получалось: за одним скрывалось другое, перетекало в него, менялось своей противоположностью, и казалось вовсе непонятным, невозможным, почему за прикосновение к такой невероятной красоте выставлена столь высокая цена. Неужели то, что желает нам погибели, может быть так прекрасно? Ведь оно очевидно прекрасно, неужели *мы* настолько плохи? Но ведь что-то в нас в состоянии восхищаться этим, что-то в нас сотворено из того же звёздного вещества…

– Ты что, никогда не видел, как они играют?

Фёдор закрыл рот. По всей вероятности, даже захлопнул с характерным звуком. Девичий голос вернул его с ночных небес в лодку. Перед ним стояла Ева, профессорская дочка, белая кость, единственная пассажирка их судна. Честно говоря, слухи о её красоте Фёдора совсем не волновали – подумаешь, ей ой как далеко до его Вероники, худовата больно, да и вообще…

– Тебе-то какое дело? – Фёдор исподлобья посмотрел на девушку. Он постарался, чтобы его голос прозвучал независимо, но, возможно, несколько с этим перегнул.

– Никакого, – девушка пожала плечами. – Просто я хотела сказать, что ты молодец. Но вовсе не предполагала, что ещё и грубиян.

Фёдор почувствовал, как его начинает заливать смущение. Он совсем не собирался её обижать, если и вышло, то случайно. Однако… Эта манерная принцесса видела сейчас, как он, словно болван, с отвисшей челюстью пялился на небо. Судя по улыбке, её это зрелище

позабавило, жаль только, что слюна с уголка рта не свисала. Конечно, чего б не поиграть с городским дурачком?!

– Прости, – промолвил Фёдор. И вдруг… Он совершенно не понял, как и почему выпалил следующую фразу: – Просто у меня уже есть девушка.

– Чего? – изумилась Ева. – Ну, ты даёшь… Вот до этого мне точно нет никакого дела.

Теперь Фёдор смотрел на неё, хлопая глазами, уши у него уже, наверное, покраснели. Ну что он за дурак?

– Я хотел сказать…

– Ты уже сказал достаточно, – остановила его Ева.

Собралась повернуться, чтобы уйти, и в этот момент лёгкий холодок коснулся лица Фёдора. И на мгновение, всего лишь короткое мгновение, но от этой спокойной радости не осталось и следа. В горле юноши что-то перевернулось с хриплым свистом, когда он поднимал руку, выставив вперёд указательный палец, и перед глазами промелькнули, смешавшись, белый кролик в дубнинском трактире, когда зверёк зашипел на него, приподняв губу и обнажая мелкие, но неестественно острые зубы, глаза Евы, когда она ему кричала что-то несколько минут назад, ищущий взор Второго и ещё что-то, чего ему очень не хотелось бы видеть, но о чём он непостижимым образом знает, и… всё прошло. Ночь снова казалась тихой, умиротворённой. Лишь этот холодок пока не развеялся окончательно, он всё ещё витал где-то там, над тёмной водой.

– Что с тобой? – Ева, склонив голову, смотрела на юношу. Она готова была предположить, что тот всё ещё издевается над ней. Если это так, то он, конечно, конченый придурок! – но даже масляного света фонарей оказалось достаточно, чтобы заметить, как юноша побледнел.

– Там, – прошептал Фёдор, указывая по курсу лодки, – впереди.

Но вот и холодок развеялся окончательно. Батя прав, и Кальян, и Хардов – река Сестра действительно хорошее место, все они правы, и по мере приближения к реке никакие ночные страхи не могли задерживаться здесь надолго. Юноша чуть отклонился в сторону, чтобы гребцы не загораживали ему то, что он заметил.

– Капитан, – ровным голосом позвал Фёдор, – по-моему, мы здесь не одни.

Теперь и Кальян присоединился к Еве, пытавшейся разглядеть, на что указывал Фёдор. Здоровяк, приподняв весло, развернулся вполоборота по ходу движения судна; какое-то время он молчал, потом покачал головой:

– Ничего не вижу.

– Может быть, какое-то бревно, – произнесла Ева. – Нет, не могу различить.

– Мальчишка прав, – услышал Фёдор. Хардов пристально глядел на него. – Там лодка на тёмной воде.

Юноша потупил взор: гид по-прежнему стоял у мачты спиной к ходу движения. Мунир на его руках успокоился, прикрытый полой плаща, и Фёдор готов был поклясться, что Хардов даже не оборачивал голову.

– Я знаю этого попрошайку, – сообщил гид. Его рука бережно коснулась головы ворона и двинулась дальше, пройдя над крыльями. – Только не вступайте с ним в разговоры, ему лучше не знать ваших голосов. Предоставьте дело вести мне.

Фёдор проследил за рукой Хардова. И вдруг понял, что гид не просто гладит птицу, движения были несколько иные. «Ты лечишь своего ворона, – подумал юноша, – так? Помогаешь ему продержаться до того места, где Муниру будет оказана настоящая помощь? Кто же ты такой на самом деле, Хардов? И если на канале есть место, способное излечивать, почему же ты не хочешь там отдохнуть? Может, ты оттуда, может, там твой дом, из которого ты когда-то ушёл, как сейчас я бросил свою милую Дубну?»

Опять вопросы. Их становится всё больше. И от них становится всё беспокойней.

– Ева, вернись в каюту, – услышал Фёдор голос Хардова. – Пока я переговорю с одним старым знакомым. – Девушка собралась что-то возразить, но Хардов, теперь уже мягко, остановил её. – Так надо, милая.

Девушка подчинилась, одарив Фёдора напоследок ещё одной похвалой:

– А у тебя хорошее зрение.

Он посмотрел ей вслед: походный мужской плащ очень шёл Еве, и Фёдор внезапно отчётливо осознал, что чем больше он пытается получить ответов, тем всё больше будет становиться вопросов. Их количество будет возрастать, пока они не утопят его. Надо отказаться от этого. Ведь вот как всё просто. Приглушить в себе этот беспокойный вопросительный знак. Это главное, первое, что он должен сделать, с чего начать. Знающий не говорит. Конечно, это так. Невозможно отвечать на каждый вопрос,

(даже про голоса, что говорят в нём?)

они будут ветвиться, как дерево, дробиться, как крупа. И лишь отступив от этого, получишь надежду увидеть всю картину в целом. И тогда многие дробные вопросы просто перестанут тебя волновать, самоустранятся. Это главное и первое, что он должен сделать,

(даже голоса?)

что он должен принять, как принимает сейчас эту звёздную ночь. И туман, окутавший правый берег. То ли хищную мглу, то ли диковинную тайну. А может, и то и другое.

3

– Суши вёсла, – распорядился Хардов.

Посреди канала, поперёк рукотворного русла покачивалась крохотная плоскодонка. Её осадка была настолько мала, что казалось, лодочка вот-вот черпнёт воды.

– О, мой старый любезный друг Хардов! – послышался визгливый голосок. – Не зря я вышел на реку в такой час. Ох, не зря.

Команда в изумлении молчала, а Фёдор с любопытством пытался разглядеть забавного взлохмаченного старикашку в замусоленном пиджачке, надетом поверх видавшего виды свитера грубой вязки. У старикашки оказались кустистые брови, причём одна выше другой, прорезанной пополам то ли шрамом, то ли отсутствием волос, и… Фёдор даже не сразу поверил своим глазам, решив, что померещилось в скупом освещении.

В уши старикашки были кокетливо вдеты аккуратные серёжки, но самым невероятным оказался множественный пирсинг в носу, бровях и губах, которыми тот решил украсить свою изрядно пропитую физиономию. Фёдор слышал о новом повальном увлечении – дмитровские модницы буквально помешались на пирсинге, – хотя до Дубны оно так и не докатилось. Но чтобы древнему деду вздумалось следовать довольно сомнительной моде – такое юноша видел впервые.

Лодки не стали пришвартовывать друг к другу, но модник-старикашка неплохо справлялся при помощи однолопастного весла, и плоскодонка встала рядом как вкопанная.

– Дай, думаю, выйду на волну в полночный час, – продолжал тараторить старикашка. – Может, удастся какая коммерция. И тут такая удача: два скремлина, и от обоих пользы с гулькин нос, гребцы и целых *два* воина. – Дед в подобострастном восхищении поднял два растопыренных пальца. – Контрабанда, словом. А у старика трубы горят. Ой, горя-я-т!

– Привет, Хароныч, – усмехнулся гид. – А я смотрю, ты всё так же слаб на язык.

– Годы уже не те, – пожаловался дед и тут же захихикал, словно выдал какую-то удачную шутку. – Ну, что, скремлинов берёшь, серебряные монеты приготовил?

– Не сейчас, – отозвался Хардов.

– У меня молоденькие скремлины, совсем ещё малыши, с незамутнёнными глазами.

– Обойдусь своим, – тихо сказал гид.

– Понимаю, понимаю, – дед участливо закивал, – но бедолага Мунир-то, гляжу, захворал. И не скоро оправится, если оправится. И как же ты шлюзы-то собираешься проходить? Без скремлинов-то как смотреть в тумане?

– С Муниром всё в порядке.

– Ой, да-да-да… И мне птичку жалко! На речную деву рассчитываешь? Понимаю. Недолюбливает меня старая ведьма, но говорю не поэтому: даже если её знахарство удастся и снимет она мёртвый сглаз, не скоро бедолага Мунир сможет тебе помочь.

– Там и поглядим.

– Тебе что, жаль серебряных монет? Деду на опохмел?

– Ты же знаешь, что это не так.

– Ой, горят трубы… Выпить-то дашь?

– Конечно. – Хардов кивнул. Затем нагнулся и осторожно, чтобы не потревожить ворона, поднял увесистые кожаные меха. – Когда разойдёмся.

– И то верно: пьянство и коммерция несовместимы. – Старикашка жадно посмотрел на флягу и принялся крутить пуговицу на пиджаке. – Не сидр-то хоть? – сглотнув, поинтересовался он, а в глазах его мелькнуло что-то от побитого пса.

– Обижаешь: неочищенный яблочный первач, как ты любишь, – заверил деда гид.

Старикашка облегчённо вздохнул, ласково погладив серьгу на правом ухе и пробубнив: «Серебряные монеты, серебряные монеты…»

– Хороший ты человек, Хардов! – громко возвестил он.

– Сомневаюсь, – усмехнулся гид.

– Человечище! Но долг твой растёт.

– Ещё не пришёл срок.

– Да я не о том, – отмахнулся старикашка. – Просто если Хардов в полночный час вышел на канал, да ещё самогону деду поднёс, то будь уверен и к доктору не ходи – долг его ещё возрастёт.

– Постараюсь этого избежать.

– Зарекалась лиса кур не есть… Хардов, они уже ищут его. Только пока не знают где.

– В курсе. Видел неделю назад, как кто-то переправлялся через канал с белым кроликом. Так, Хароныч?

– Ну-у… – замялся дед.

– А потом зверь этот всплыл в одном из трактиров Дубны. Твоя зверюга?

– Они принесли мне серебряных монет.

– Не сомневаюсь. Правда, лодки были надувные, с электродвигателями. А они у меня все сосчитаны. Две такие у гидов, но они нам ни к чему. Остальные у водной полиции. И в каждой лодке, скажу тебе, любопытные зверушки.

– Я хотел предупредить. Да запил. Коммерция, будь она неладна… А потом с ними был один из ваших.

– Шатун? Боюсь, он больше не из наших.

– Мне почём знать. Я не вмешиваюсь. И сейчас не стану. Не продажный. Понял, да?!

Хардов серьёзно кивнул.

– Хотя про твою лодку уже побольше твоего понял, – уверил старикашка.

– И в этом я не сомневаюсь, – сказал Хардов.

Оба замолчали и смотрели друг на друга, а Фёдору показалось, конечно, только показалось, что между ними происходит какой-то непонятный молчаливый диалог.

– Ну, и чего вышло с белым кроликом? – первым прервал молчание хозяин плоскодонки. – Укусил, что ль, кого? – и вновь довольно захихикал.

Создавалось впечатление, что его своеобразный юмор понятен лишь ему одному, но старикашку этот факт вполне устраивает.

– Он чуть меня не укусил, – решил объяснить Фёдор.

До этого самого момента юноша, как и все в лодке, за исключением Хардова, вообще не понимал, о чём речь. Из всего этого ненормального диалога Фёдор вынес только то, что старикашка живо интересуется серебряными деньгами и его мучает дикое похмелье, поэтому он был рад внести хоть какое-то понимание в эту бессмыслицу. – Ещё вчера, в трактире. Чуть не цапнул.

Дальше произошло нечто ещё более странное. Старикашка, как-то ловко извернувшись, мгновенно оказался перед Фёдором. И словно даже немного вырос. И глаза его словно несколько потемнели, а в нос юноше ударил запах сильнейшего перегара со смесью ещё чего-то… Чего-то незнакомого, но с чем, вы уверены, вам бы ни за что не хотелось познакомиться.

– У него есть серебряные монеты?! – завопил старикашка. – А?! Есть?! Вижу, что есть!

«Псих… – мелькнуло в голове у Фёдора. – Допился до белой горячки».

– Есть серебряные монеты?!

– Нет, – быстро сказал Хардов. – У него нет! – и встал между старикашкой и Фёдором. В скорости реакции гид не уступал безумному деду и уже протягивал тому флягу с яблочным самогоном. – На, держи, отведай-ка лучше пока труда живых.

Дед, мгновенно забыв о своей заинтересованности юношей, жадно припал к горлу фляги.

– Всё. Отходим, – велел Хардов капитану. – Быстро.

Гребцам не пришлось повторять дважды. Слаженно заработали вёсла, и лодка «Скремлин II» аккуратно отошла от плоскодонки, не потревожив увлечённо поглощающего яблочный самогон старикашку, словно все опасались, что тот выкинет ещё какой фортель.

Изумление команды уже сменялось даже не догадками, а чем-то беспокойным и неуютным, похожим на тёмное понимание, и люди, с радостью взявшиеся за вёсла, спешили сейчас от всего этого прочь. Скорость, с которой разошлись обе лодки, впечатлила и озадачила Фёдора, ведь хозяин плоскодонки даже не притронулся к веслу, а всё так же стоял и хлебал из кожаных мехов. Но в паре десятков метров от его лодочки люди снова вспомнили о приближении реки Сестры. Вот и Кальян скупо улыбнулся Фёдору, хотя в его глазах мелькнул отсвет потаённой тревоги.

– Правь на середину, – велел он чуть надтреснутым голосом.

Только теперь до Фёдора дошло, что пока они тут стояли и вели переговоры, их сносило к чужому берегу. Дыхание близкого тумана оказалось холодным, но, возможно, это лишь померещилось с испугу. Юноша приналёг на руль, взяв, наверное, слишком резкий крен, а затем быстро обернулся. Странный дед всё так же стоял посреди своей лодочки, занятый угощением Хардова, и совершенно не обращал внимания, что плоскодонку уже обступили рваные дымчатые клочья и что её сносит всё дальше в туман. А потом лодка и лодочник исчезли, мгла поглотила их.

«Это что, существо из тумана?» – промелькнуло в голове у Фёдора, а потом он услышал голос капитана, показавшийся ему ещё более надтреснутым:

– Хардов… – Здоровяк говорил тихо, словно что-то в горле мешало ему, и всё ещё пристально смотрел на то место, где скрылась плоскодонка. – Это был?..

– Т-с-с, – остановил его гид. – Не говори о нём здесь. Он ещё недалеко.

Матвей как-то зябко передёрнул плечами, став на миг похожим на огромного младенца, а Хардов перевёл взгляд на Фёдора и ровным голосом, в котором почти не чувствовалось напряжения, сообщил:

– Юнга, если ты ещё раз ослушаешься моего слова, я ссажу тебя с лодки вместе с рулевым, как только мы окажемся в безопасном месте.

Фёдор закусил губу, а Кальян быстрым, который вот-вот мог бы стать тяжёлым, взглядом одарил Хардова. Но гид вовсе не собирался нарушать права капитана и тихо пояснил:

– Я не осуждаю его за то, что произошло. И не осуждаю тебя, Матвей. Я знаю, на что способен канал. – Хардов сделал паузу, а Фёдор подумал, что тот впервые обратился к капитану по имени. – Наверное, он хороший рулевой. Но я ссажу его при первом же удобном случае. Дальше он опасен и для себя, и для нас.

И словно в подтверждение его слов до них из тумана долетел хмельной голосок:

– Хардов, хорош твой самогон, бли-и-н. Подлечил ты деда. Но западло этого мира заключается в том, что в нём не обойтись без старой доброй коммерции. Ты знаешь, где и как меня искать.

Видимо, правота слов гида заключалась не только в том, что хозяин плоскодонки ещё недалеко. Потому что голос старикашки неожиданно окреп и будто стал объёмней. И в тот момент, когда в серой дымчатой глубине полыхнуло холодным светом и стали различимы тени, таящиеся в тумане, в том числе и неизмеримо возросшая тень странного деда, потерявшего все атрибуты забавности, они услышали его прощальное напутствие:

– Хардов, не тяни с этим. Тебе не справиться без серебряных монет. Многие мечтали, но никому не удавалось.

Глава 6
В гостях у Сестры

1

Далее шли на вёслах молча. Но молчание не было тягостным, напротив, тихая спокойная радость стала наполнять сердца людей, и им всё труднее стало сдерживать улыбки. Даже бородач-рулевой затих, и огонёк безумия, пусть и на время, покинул его глаза. Туман по правому берегу всё светлел, хотя над головами стояла ясная звёздная ночь. Только сейчас до Фёдора дошло, что Кальян так и не познакомил его с командой, слишком спешно они покинули Дубну, слишком много всего успело произойти. Но сейчас время словно возвращалось к своему привычному течению. Юноша оставался на руле и с удовольствием вытянул уставшие ноги.

– Правильно, пацан, отдохни, – услышал он.

Второй по левому борту гребец приветливо смотрел на Фёдора:

– Мы теперь и без тебя справимся, а ты отдохни.

Был он крепким рослым альбиносом, и Фёдору показалось, что Хардов обменивался с ним короткими понимающими взглядами чаще, чем с остальной командой. Наверное, они были знакомы прежде, да только это всё не важно. Потому что присутствовала в тоне альбиноса какая-то тёплая забота, так разговаривал с юношей даже не батя, а милая матушка, и Фёдор лишь смущённо улыбнулся в ответ.

«Это река Сестра, – понял он. – До неё теперь совсем рукой подать».

Вдруг с носа кто-то тихонечко затянул:

На лианах чуть колышутся колибри,
И раскатисто гудит индийский гонг…

Альбинос поддержал певца:

В этих джунглях мне так странно
Целовать тебя, гитана,
Ожидая нападенья анаконд…

И вот уже вся команда с неожиданной удалью подхватила припев песни, отбивая себе такт взмахами вёсел:

Дай мне свои губы цвета бронзы,
Цвета окровавленного солнца!

Фёдор знал слова этой песни, хотя не понимал половины того, что они значат.

Ты тоскуешь по коктейлям и проспектам,
Но к чему тебе убожеский уют?
Здесь опасно, здесь прекрасно, и совсем ещё не ясно,
Нас отравят, четвертуют иль сожрут.
Дай мне свои губы цвета бронзы,

Цвета окровавленного солнца!

Даже на губах Хардова появилась еле заметная улыбка, когда команда дружно подхватила припев. Лишь бородач-рулевой, морщась, вслушивался в слова старинной песни, словно пытался вспомнить что-то ускользающее.

Здесь тревожно завывают обезьяны,
И покоя нет от мух и дикарей.
Я ласкаю твоё тело, и отравленные стрелы
Отклоняют завитки твоих кудрей.

Фёдор подозревал, что и гребцам невдомёк многое из того, о чём они поют. Эта песня, наверное, была как артефакт великой ушедшей эпохи, как и другие артефакты, которые иногда привозили купцы, чьё предназначение стёрлось из памяти людей. И потом батя рассказывал, что нигде больше – ни в Дубне, ни в других местах – гребцы не пели этой песни, – застольными-то были другие! – лишь здесь, проходя реку Сестру.

Крокодилы неподвижны, словно бархат,
И устало, и уныло стонет лес.
Но признайся, что ты рада, что любовь на Рио-Гранде
Элегантней, чем последний «мерседес».

Слова были странными, ускользающими от понимания, может быть, даже тёмными, но прекрасными. Они напоминали Фёдору то, что он пережил недавно, глядя на звездопад. Возможно, эта песня – и артефакт ушедшей эпохи, но что-то говорило Фёдору, что она намного больше, что она часть той тайны, которая вот-вот откроется юноше.

Дай мне свои губы цвета бронзы,
Цвета окровавленного солнца!

«Боже! Как же прекрасен мир, в который есть возможность возвращения», – мелькнула в голове у юноши совсем уж шальная мысль. Словно в полузабытье восторга Фёдор увидел, как Хардов поднёс к губам какой-то манок и беззвучно подул в него. И тут же к голосам команды присоединилось множество других голосов. Целый радостный хор в ожившей ночи пел теперь:

Дай мне свои губы цвета бронзы,
Цвета окровавленного солнца…

А Фёдор и сам не понял, почему он стал править лодку к правому берегу. В туман,
(дай мне свои губы цвета бронзы)
который теперь не был просто туманом. В нём появились цвета, яркие и чистые, он забурлил колоритом, как будто лодка шла через хвост радуги. И стало светло, куда-то подевалась ночь, и Фёдор увидел, что игривый туман, заблестевший, как утренний морозный снег, сложился в женское лицо невообразимой красоты. Это огромное лицо не испугало юношу, скорее наоборот, что-то в его сердце потянулось к нему, и ощущение открывающейся тайны стало ещё острее, а лицо уже растаяло. Лодка скользила по чистой прозрачной воде, а потом туман закончился. И приглушённый хор, певший про «губы цвета бронзы», остался где-

то позади. Люди молчали, поражённые в самое сердце радостью, которую никто из них не переживал прежде. И красотой открывшейся картины.

Вокруг были зелёные холмы, покрытые сочной травой, и с них ниспадали пенные водопады. Воздух звенел такой дивной прозрачностью, что, казалось, можно было задохнуться и сейчас заложит уши. «Вот почему я подумал про радугу, – решил Фёдор, глядя на весело падающую воду, в брызгах которой и вправду застряли кусочки радуги. – Какая красота!»

Река вела к тихой заводи между холмами, и юноше показалось, что впереди, на далёком берегу он различил облачённую в белое женскую фигурку.

– Хардов, где мы? – тихо и изумлённо произнёс Кальян. – Куда делась ночь? Что это за место?

– Река Сестра, – сказал гид. В его голосе был покой, который нарушал лишь лёгкий оттенок мечтательности. – Это самое светлое место на канале.

Кальян помолчал. Потом всё же спросил:

– Но как? Река Сестра убрана в трубы. Я ведь много раз проходил здесь. И потом… всего в двух шагах от… Второго. Совсем рядом.

– Именно так. И хоть визит сюда нарушает все мои планы, смотри, капитан Кальян, на это диво. Смотри и запоминай.

Кальян, казалось, раздумывает, глядя по сторонам. Наконец, он страстно проговорил:

– Как же может нарушать что-либо такая благодать?

– Благодать, говоришь? – улыбнулся Хардов, и снова непривычным оттенком мечтательности полоснуло из его глаз. – Ты прав. Но время здесь течёт по-другому. И я не знаю, сколько его пройдёт – минуты, дни, недели, – прежде чем мы снова окажемся на канале. Это сбивает все мои расчёты. Но только здесь Муниру окажут помощь. Я думаю, он это заслужил.

– Конечно, конечно, – с готовностью согласился Матвей.

– А вы все сможете отдохнуть сердцем. И телом, раз уж в нашем рейсе вышла заминка.

– А? – негромко произнёс Кальян, скосив взгляд на бородача-рулевого.

– Ему здесь станет лучше. Наверное, он бы излечился полностью, если бы пожил здесь. Но столь долгим отпуском я не располагаю, капитан.

Фёдор слушал их беседу, жадно впитывая каждое слово. Только что голос, внутренний голос, порой так похожий на батин, произнёс: «Хардов не совсем прав. Визит сюда намного важнее». Только звучал он сейчас не насмешливо. Были в нём спокойствие, сила и какая-то восхитительная радость от… чего? Тайны? Понимания? До которых остался один только шаг?

«Самое светлое место на канале, – подумал Фёдор, – и ведь действительно всего в двух шагах от Второго. Но почему батя никогда о нём не рассказывал, об этом месте? Не был здесь? Конечно. О таком невозможно умолчать. Не был. Как и Кальян. И никто из гребцов. Только Хардов. Так кто же ты на самом деле, гид Хардов? Кто?! Если тебе открыта *такая* благодать? И почему предпочитаешь вести лодку сквозь тьму, если здесь столько света, а ты здесь желанный гость?»

Далёкий берег стал ближе, и Фёдор убедился, что их действительно ждали – женщина в белом приветливо помахала рукой.

– Там женщина, – восхищённо проговорил Кальян. – Прекрасна, как утренняя заря.

Хардов кивнул, и Фёдору показалось, что гид чуть смутился.

– Я никогда не говорил таких вещей, – удивлённо пролепетал здоровяк. – Но это так – как утренняя заря! – и Матвей вдруг расхохотался.

Хардов улыбнулся, глядя на капитана, и тихо сказал:

– Ты ещё не видел и половины.

Весёлые морщинки сошли с лица здоровяка. Он словно что-то вспомнил:

– Но это она? Да?! О ней говорил…

Кальян сбился, на миг тёмный отсвет мелькнул в его глазах, но вот уже всё прошло.

– Говори, – поддержал его гид. – Здесь вещи можно называть своими именами. Слова здесь чисты и не замутнены иными смыслами. Да, паромщик говорил о ней. Но речная дева вовсе не ведьма.

– Конечно же нет! – горячо откликнулся Кальян.

Женщина была одета в простую белую тунику, как на старинных картинах, что показывал дядя Сливень. Фёдор вглядывался в юное лицо прелестной хозяйки, ожидавшей на берегу.

«Вот почему заря, – радостно думал юноша, даже перестав удивляться своему новому, незнакомому прежде строю мысли. – У неё нет возраста. Утренняя заря существует с начала времён, но она всегда юна».

А вглядевшись в лицо хозяйки пристальней, Фёдор понял, что уже видел эти черты. Именно в них недавно складывался туман, блестевший как морозный снег.

А потом лодка коснулась носом берега.

* * *

– Приветствую тебя, хозяйка Сестра! – веско произнёс Хардов.

– И я приветствую тебя, воин, – в тон ему откликнулась речная дева, а потом в весёлом укоре Фёдору почудилось чуть больше мягкости, чем требует официальное приветствие, – хотя ты почти и позабыл пути, ведущие сюда.

– Нет, не позабыл, – серьёзно сказал Хардов. – Это не в моих силах.

Дева на миг замолчала и стала ещё более юной. Но вот уже весело улыбнулась:

– Я приветствую вас всех. – Она обвела взглядом спутников гида, и каждому было подарено мгновение её внимания. – Будьте желанными гостями.

– Прекрасная хозяйка! – вдруг произнёс Кальян. – Это место полно благодати, но ты его подлинное украшение. Я не мастер пышных слов, но говорю от чистого сердца, в котором теперь запечатлелось настоящее сокровище – твой образ. Я так считаю. И как капитан говорю это от всей команды.

Хардов потупил взор и с трудом сдержал улыбку, а Фёдору потребовалось немалое усилие, чтобы его нижняя челюсть на глазах у всех вновь не отвисла. Казалось, все были не то смущены, не то сбиты с толку, а потом хозяйка извлекла белую лилию из своих волос и протянула её капитану.

– Прошу вас, продолжайте так считать, – засмеялась дева.

– Как мне обращаться к тебе? – Кальян, наконец смущённый своим красноречием, посмотрел на хозяйку.

– Сестра, – коротко отозвалась она.

Когда все оказались на берегу, причём Фёдор с неуклюжей галантностью подал руку Еве, что не укрылось от Хардова, так и прижимавшего к себе ворона, взор хозяйки упал на Мунира.

– Я знала, что ты идёшь сюда и несёшь ко мне своего скремлина, но… Хорошо, что ты не передумал, – озабоченно проговорила она, и всем показалось, что даже сюда проник тёмный холод, ветерком повеявший на лицах. – Помощь нужна немедленно. Мёртвый сглаз почти коснулся его сердца.

Хардов посмотрел на своего ворона, плотно сжав губы, тот попытался откликнуться и приподнять голову, но лишь приоткрыл клюв, выдавив звук, очень похожий на стон, и голова его бессильно поникла. Зрачки гида сузились, однако когда он перевёл взгляд на хозяйку, в нём промелькнуло что-то очень похожее на отблеск мольбы.

– Дай мне его, – попросила Сестра.

Гид, не раздумывая, передал ей ворона, и дева тут же прижала его к сердцу. И тогда произошло что-то странное. Фёдор готов был поклясться, что хозяйка даже не раскрывала рта, но он услышал её, словно обладал даром чтения мыслей.

«Вот оно в чём дело, – это было внезапно и быстро, а потом чуть более монотонно, будто она повторяла за кем-то. – Я прошу тебя, прошу, спаси нас. Защити от *него* и останься жив. Я отдам тебе часть своей любви, я смогу, но останься жив».

Сестра с изумлением посмотрела на Еву, потом на Хардова, снова на Еву, взгляд её сделался задумчивым, а ресницы чуть задрожали.

«Бедная ты моя», – услышал Фёдор.

Но Сестра уже нежно коснулась головы ворона и посмотрела на него с такой чистой любовью и состраданием, что от холодного ветерка не осталось и следа.

– Мне надо идти, – проговорила хозяйка. – Я присоединюсь к вам позже. Там, в дубовой роще, раскинут просторный шатёр. – Она указала в сторону холмов. – Там вас ждут отдых и угощение. Мои дочери сопроводят и развлекут вас. Они уже взрослые, и если кто-то из мужчин захочет взять себе жену…

Она улыбнулась, и никто из команды не видел прежде такой улыбки, никто не смог бы сказать, чего в ней было больше – зрелой мудрости или невинной юности. А Фёдору показалось, что из пенных водопадов вышли семь девушек в таких же белых туниках и с цветами в волосах и остановились у границ леса. Наверное, только показалось, возможно, они прошли рядом с водопадами, так и играющими радугой, но юноша почему-то посмотрел на Еву и впервые пожалел, что его сердце отдано другой.

– Не беспокойся, – тихо сказала Сестра Хардову.

Он единственный не смотрел на границу леса, где ждали семь дочерей. Его взгляд был прикован к ворону и лицу хозяйки.

– Я помогу ему. – Потом она обратилась к остальным: – Мои дочери проводят вас. Ешьте и отдыхайте, и ни о чём не тревожьтесь. Сегодня ваш покой будет охранять Сестра.

Она быстро повернулась, собираясь уйти. Хардов хотел было последовать за ней, но Сестра остановила гида:

– Нет, воин. Ты пойдёшь с остальными.

2

Примерно в то же время в Дубне раздался громкий стук в дверь, и пьяный голос прокричал с улицы:

– Ева! Ева, открой. Знаю, что не спишь. Открывай, Ева!

Так как стучали в парадное Щедриных, а Павел Прокофьевич в этот поздний, или уже ранний, час не спал, старый учёный недоумённо пробормотал:

– Господи, кого это посреди ночи?

Стук повторился, причём с такой силой, будто дверь пытались снести с петель, и тот же голос потребовал:

– Выходи, Ева! Я тебя ждал. Почему не пришла на ярмарку?

Последовала пауза. В течение которой можно было различить невнятные переговоры и икание, а потом снова, но чуть игриво:

– Ева, ку-ку… Это твой муж…

– Будущий, – глубокомысленно поправил кто-то из собутыльников.

– Неважно. Законный. Не заставляй ждать, Ева. Немедленно выходи! Ну!

И в дверь опять стали молотить.

– Юрий, – сконфуженно произнёс Павел Прокофьевич. – Явился… – И старый учёный тяжело вздохнул. – Представляю, что нас ждало.

Щедрин собирался было включить электричество над парадным, затем взглянул на накрытый чайный столик и передумал. Лишь добавил огоньку в масляный светильник.

С Юрием заявилась целая компания, были даже две девицы – все навеселе. Щедрин приоткрыл дверь, оставив щеколду на цепочке, и посветил на улицу.

– Что это за выходки, молодой человек? – с академической сдержанностью поинтересовался он. – Вам известно, который час?

– О! Тестёк! – обрадовался Юрий. – Давай! Давай выпьем, тестёк.

– Послушайте…

– Чё-ё? Если у тебя нет, мы с собой принесли. Не парься, тестёк.

Компания довольно лыбилась, однако в тоне происходящего сквозило что-то странное, словно всем этим людям долгое время приходилось сдерживать себя, а теперь что-то изменилось и такая необходимость стала отпадать.

– Не выставляйте себя дураком, Юрий, – попросил Павел Прокофьевич. – И ступайте лучше проспитесь.

– Не-а, только с твоей дочерью! Папа.

– Перестаньте пороть чушь, за которую вам потом будет стыдно, – возмутился старый учёный. – И никакой я вам не «папа».

– Я присылал сватов.

– И что ж, получили ответ?

– Так жду-у… Ждём-с. Папа, лучше б выпил с зятьком, для своего же блага.

– И вы полагаете, что подобное поведение поможет с положительным ответом?

– Па-па. – Теперь Юрий усмехнулся, возможно, чуть более злобно, чем позволил бы себе на трезвую голову. – А вы с дочурой считаете, что кто-то на свете поможет вам отказать? Мне?! Вы, э-э… Ладно, тестёк, я ведь пока хочу по-хорошему. Мы просто идём на танцы. А осенью по-любому сыграем свадьбу. Я приглашение, между прочим, писал собстве-на-нэ… р-ручно… Давай, давай зови дочь, тестёк.

И невзирая на приоткрытую дверь, Юрий принялся молотить в косяк.

– Ева! Ну-ка немедленно спускайся, Ева! Танцы в самом разгаре. Пора тебе в нормальное общество. Нечего прятаться от людей.

– Не-е. Не выйдет. Чураются нас, – подначила Юрия одна из девиц.

– А жена обязана следовать за мужем, – поддержала её подруга и икнула, подняв к небу указательный палец, словно делясь великим откровением, повторила: – Следовать *за мужем.*

– Будущим… – внёс свою лепту собутыльник, которого, видимо, всерьёз волновали проблемы времени.

– Ниже их достоинства будем, – произнесла первая девица. – Рожей не вышли!

– Молодые люди, если вы сейчас же не покинете мой дом, – запротестовал Щедрин, – боюсь, у вас завтра будут серьёзные неприятности…

– Не, папа, – протянул Юрий, – боюсь, ты не понимаешь. Мышей больше не ловишь, старичок. Неприятности будут у тебя. Не хочешь по-хорошему – не надо. – Он угрожающе шагнул к Щедрину. – А ну, зови дочь, старый пердун! Не заставляй меня применять силу.

– Боюсь, неприятностей им завтра так и так не избежать, – послышался из-за спины Щедрина весёлый голос. – Их головы, или что там у них вместо, завтра треснут с похмелья.

Кто-то бесшумный появился за плечом Щедрина, словно вырос из-под земли. Юрий всмотрелся в лицо в отблесках света масляного фонаря, и его самодовольная улыбка поблекла.

– Тихон? – смущённо пролепетал Юрий.

– Точно, Тихон, – прошептал кто-то, когда гид отворил щеколду и шагнул на улицу.

Компания тут же испуганно попятилась. Юрий остался в одиночестве, всю спесь с него как рукой стёрло. Однако пьяная гордыня всё еще не позволяла ему поступить благоразумно.

– Послушайте совета, – предложил Тихон, – ступайте своей дорогой.

Юрий стоял, затравленно озираясь. Наконец он решился и выпалил:

– Я сын главы водной полиции. И если отец…

– Нет, – хладнокровно усмехнулся Тихон. – Ты кучка пьяного дерьма. А я глава ордена гидов, и этот дом находится под моей охраной.

– Но…

– И если вы ещё хоть раз заявитесь сюда подобным образом, то самое мягкое, что я вам обещаю, – Тихон говорил спокойным ровным голосом, словно делал приятное сообщение, – это увечья до конца жизни. И то только из уважения к вашему батюшке.

– Батюшке? Но… просто отец знает… Я присылал сватов. Это вообще он, со свадьбой… – Юрий замолчал, словно сболтнул лишнего, хотя происходящее ни для кого не было секретом.

– Хорошо, – кивнул Тихон. – А теперь вон отсюда. И право, не заставляйте меня применять силу. Хорошие новости здесь для вас закончены.

*** * ***

Когда они ушли, Павел Прокофьевич озадаченно посмотрел на своего гостя:

– Вернёмся к чаю?

– Разумеется, – беззаботно откликнулся тот.

– Ну, и как долго мы продержимся? – негромко спросил учёный, когда Тихон принял у него чашку настоящего чёрного чаю – подарок Хардова Еве.

– Боюсь, что не очень долго, – отозвался гид. – Их нажим становится всё сильнее. Новиков – глава полиции, и вы, возможно, будущий глава учёных. Положение обязывает.

Но Тихон по-прежнему говорил весёлым ровным голосом; казалось, ничто на свете не в силах его смутить.

– Понимаете, Тихон, подковёрная игра в противовесы, политика – это всё не для меня. Я учёный и могу делать только то, что умею.

«Даже на войне?» – не меняясь в лице, подумал Тихон.

– Конечно, – кивнул гид, мешая ложечкой в чашке и словно продолжая свою мысль. – Разумеется, Юрий исполняет волю отца. Великовозрастный бугай, шалопай и повеса не нагулялся ещё, куда ему жениться? – Потом он посмотрел прямо на Щедрина. – Но породниться с учёными – давняя их мечта. И они сумели убедить в этом весь канал. За вами уважение. За ними деньги и власть.

– И ещё страх, – вдруг сказал Щедрин.

Тихон усмехнулся, но вполне добродушно:

– Пустое…

– Но ведь… Тихон, скажите, ведь совместное решение гильдии учёных и гидов в состоянии сместить человека с любой должности и в любом департаменте. В том числе и главу полиции… Чего улыбаетесь, разве я не прав?

– А говорите, политика не для вас, – мягко произнёс Тихон. – Только это была бы крайняя мера. А нам всё же следует избегать открытого конфликта.

– Вы верите в равновесие, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал Щедрин.

– Верю, что ж скрывать. По-моему, в этом главный смысл моей работы. – Тихон скромно пожал плечами, но взгляд его оставался весёлым. – Мы ещё очень многого не знаем. И как бы действуем по умолчанию, – пояснил он, – по обоюдному согласию, хотя стоит признать, что они становятся всё наглей. Давайте лучше пить чай, мой дорогой, бог с ними со всеми.

– Но даже этот брак, даже если бы речь не шла о моей дочери, – горячо возразил Щедрин, – неужели вы не понимаете, Тихон, что это в противовес вам? Вам, гидам, и всему, что вы пытаетесь сберечь.

– Да, – спокойно согласился гид. – Но вы сами вспомнили о страхе. Это так, люди живут в постоянном стрессе, к которому привыкли. Боюсь, что слишком много всего придётся предъявить, и боюсь, что очень немногие к этому готовы.

– Что вы имеете в виду?

– Многое, Павел Прокофьевич. – Впервые за весь разговор гид вздохнул. – Очень многое. Прессинг полиции понятней и привычней, например, того, что находится в тумане. Многое…

Щедрин помолчал, затем горькая складка скривила уголки его губ.

– Только речь всё же о моей дочери, – сдавленно произнёс учёный. – А если они перекроют весь канал?

– Это их право, – отмахнулся Тихон. – Но на открытый конфликт они тоже не решатся – всё же Ева не беглый преступник. Будут действовать исподтишка. Никто не хочет расставлять все точки над «i». Возможно, самих точек-то и не осталось.

– Речь ведь о моём ребёнке! – горько воскликнул Щедрин. – А не о шахматной партии.

– Да. Но у нас не было выбора. И потом, – гид подбадривающе кивнул, и прежняя улыбка расцвела на его лице, и морщины тяжких странствий и раздумий стали весёлыми морщинками, – вы плохо знаете Хардова. Большей безопасности даже я бы не смог предложить Еве.

– Вы мне говорили. Вы… в общем-то, простите старика, просто беспокойство… Мы ведь ещё ни разу не разлучались с ней.

Тихон посмотрел на учёного и подумал: «Интересно, как он считает, сколько мне лет?» Вслух же он сказал совсем другое:

– Понимаю. Понимаю ваши чувства. Мы делаем единственно возможное. И знаете что, Павел Прокофьевич, – в глазах гида сверкнули озорные искорки, – пока у нас это очень неплохо получается. В каком-то смысле нам это даже на руку.

– Что на руку?

– Юрий своей пьяной выходкой сделал фальшстарт. Думаю, ему прилично за это достанется от собственного папаши. У вас ведь сестра в Яхроме?

– Ну да, Мария. Хотя я давно прошу её перебраться сюда.

– Отлично! – Глаза Тихона заблестели. – Пустим слух, что Ева гостит у своей тётки.

– Тётки? Но ведь… им действительно придётся проследовать через Яхрому. Может, тогда лучше в другую сторону? Вниз по Волге? Пусть там ищут.

– Павел Прокофьевич, – улыбнулся гид. – Если хочешь что-то по-настоящему спрятать, оставь на видном месте. Хардов не подведёт.

Щедрин промолчал. Потом спросил:

– Честертон? – И тоже наконец улыбнулся.

– А? Вы про цитату? Да, он. К счастью, Хардову об этом известно. И к счастью, ему известно многое другое. Сила и время пока на нашей стороне.

Тихон улыбался. Однако что-то белое и холодное прошло через его сердце, когда, не меняясь в лице, он подумал: «А ещё Хардову известно, что стоит на кону. Что мы поставили всё, что было. И это не шахматная партия, потому что правил больше не существует».

Но ничего такого Тихон не стал говорить Павлу Прокофьевичу Щедрину, потомственному учёному, которому на заре карьеры удалось восстановить нормальную работу реактора, что в свою очередь позволило возродить Иваньковскую ГЭС и дать электричество уже в промышленных масштабах. Этим он заслужил бесконечную людскую благодарность (у которой, как показал визит Юрия, короткая память), а потом ещё и стал отцом самого удивительного и прекрасного создания из всех, что довелось встречать Тихону.

Старый гид улыбался. Но это белое и холодное занозой застряло у него в сердце. Возможно, у них в руках ключи от будущего. Возможно, они жестоко ошибаются. Только Тихон никак не мог отделаться от ощущения, что что-то во тьме за окнами знает о его подлинных сомнениях. И оно тоже замерло в ожидании. Оно прислушивается, раздумывает и пока ждёт.

Пока ещё ждёт.

3

«Я в чём-то провинился перед тобой?» – услышал Фёдор.

«Ты всё знаешь. И знаешь, что я могу всё понять, стерпеть и простить».

Юноша смутился и заставил себя отвести мысленный взор и больше не *слышать* разговор Хардова с их чудесной хозяйкой. Разговор, который его удивил и привёл в замешательство. Фёдор не собирался подслушивать, но беседа гида с Сестрой началась с Мунира, а его очень волновала судьба ворона, загадочной птицы Хардова, которая спасла их. И он хотел побольше узнать, что они вообще такое – скремлины.

«Твой ворон поправляется. Скоро ты сможешь уйти».

«Спасибо тебе. Хотя уходить отсюда ещё тяжелее, чем возвращаться сюда».

Сестра помолчала, но когда она начала говорить, то её голос прозвучал, как переливный шёпот ручейка, который знает о приближении осени:

«Я знаю, что ты торопишься. И мне ведомо отчего. Но запомни: ты не скоро сможешь воспользоваться помощью Мунира».

«Почему?»

«Это его убьёт. Ворон ещё очень слаб. Пройдёт немало времени, прежде чем он снова сможет стать твоими глазами в тумане».

«Как же мне быть?» – спросил Хардов после паузы.

«Ты знаешь, как тебе быть».

На сей раз гид молчал дольше. Наконец, хрипло, с почти физически ощущаемой болью он произнёс: «Серебряные монеты?»

«Да. Тебе придётся взять скремлинов у него. Купить. Это твоё право».

«Которым я предпочёл бы не воспользоваться», – горько усмехнулся Хардов.

Теперь они замолчали оба. А когда беседа возобновилась, Фёдор понял, что подслушивает уже личный разговор.

Юноша не знал, сколько дней они провели у Сестры. Хардов говорил правду – время здесь текло по-другому. Только для юноши всё оно оказалось прекрасным. Насыщенным, с одной стороны, безмятежным покоем, в котором, однако, не было и следа праздности или лени, а с другой – наиболее полным переживанием каждого момента, что проявлялось даже в ощущении собственного тела. Фёдор настолько свыкся с чувством мышечной и душевной радости, что даже перестал их замечать.

А ещё происходили странные дела.

Фёдор с удивлением обнаружил, что у него обострились зрение и слух. Вот и сейчас до Сестры с Хардовым было не меньше двухсот метров, и говорили они тихо, но если б Фёдор захотел, он расслышал бы каждое их слово. Юноша подозревал, что смог бы запустить свои слуховые и зрительные «удочки» ещё дальше, но что-то подсказывало ему, что пока этим не стоит злоупотреблять.

Обострением слуха и зрения дело не ограничилось. Фёдор стал обретать и не свойственную ему прежде ловкость. В Дубне многие считали юношу смышленым, возможно, спорым на руку, но вот природная грация явно не входила в число его достоинств. А здесь… Это странно, но от былой неуклюжести почти ничего не осталось и вроде бы даже несколько наросли мышцы. Фёдор гулял по окрестным холмам, лазил по скалам и плавал в заводи, прозрачной, как утреннее небо в мае, и убедился, что задержка дыхания «апноэ», о которой ему рассказывал Хардов, для него не проблема – он спокойно выдерживал под водой больше трёх минут. Иногда Фёдор задавался вопросом, останутся ли при нём приобретённые качества или это всё действует только здесь, в этом благостном месте, но столь же неожиданное благоразумие заставляло его не торопить события.

А однажды он услышал ещё более странный разговор о скремлинах. На вершине одного из холмов, образуя почти правильное полукружье, стояло несколько крупных валунов. Фёдору нравилось бывать здесь. Отсюда были видны далёкие леса и извивающаяся лента реки, и очень странные мысли приходили в голову, и грезились удивительные картины. В основном это был сумбур, никакой стройности не прослеживалось, но единственное, что постоянно мелькало перед мысленным взором юноши, – это полёт странного снаряда, бумеранга, оружия, которое может возвращаться.

Из рассказов болтливого дяди Сливня Фёдор знал о таком. Им вроде бы пользовались туземцы, но не те, что заселили границы пустых земель, а другие, тоже чуть ли не людоеды, которые жили, однако, в ушедшую эпоху на другом конце мира. Полёт бумеранга являлся как бы пиком мысленных картин, казалось, ещё чуть-чуть, и всё это обретёт стройность, но такого не происходило. Хотя с каждым визитом сюда становилось всё интересней.

– Что, Тео, нашёл своё место силы? – как-то спросил его альбинос.

Из всей команды Фёдор сблизился с ним больше всего, если не считать Кальяна. Альбинос, как и Хардов, был не гребцом, а гидом из города Икши, с границы пустых земель. Звали его Иваном Ивановичем, но все почему-то предпочитали обращаться к нему «Подарок». Глядя на могучий торс Вани-Подарка, – он был, пожалуй, самым мощным человеком в лодке, – Фёдор догадывался об истоках столь необычного прозвища.

– Да, – сказал Фёдор и мечтательно посмотрел на вершину холма. – Там здорово.

Альбинос с улыбкой кивнул, но ничего не сказал. Фёдор немножечко подумал и решился:

– Вань, скажи, а почему у вас с Хардовым одинаковые… ну, бусы? – Юноша спрашивал тихо, словно делился секретом. – Как маленький бумеранг? Это что-то значит или просто украшение?

В бесцветных глазах альбиноса на мгновение зажглась какая-то прозрачная искра, но вот он уже ухмыльнулся:

– Просто украшение. – Он дружелюбно подмигнул Фёдору, а потом, словно сжалившись, добавил: – Ладно, пацан… бумеранг – очень удобное оружие. Особенно в тумане. Возвращается. Всегда при тебе.

– А-а, – непонимающе покивал Фёдор.

– А ты проницательный, – похвалил Ваня-Подарок. – Многие думают, что это клык. Спрашивают, что за зверь.

Фёдор подозрительно взглянул на альбиноса. Скорее всего, его продолжают разыгрывать: как какие-то бусы могут сравниться с мощным нарезным оружием, которое всегда при себе у гидов.

– Когда-нибудь научу тебя швырять, – неожиданно пообещал Подарок.

– Что?

– Бумеранг. Если захочешь, конечно. – Альбинос снова ухмыльнулся и хлопнул юношу по плечу. – Ладно, пацан, ступай на своё место силы.

В тот день пригрезившийся среди валунов полёт диковинного оружия был даже чуть дольше, и хотя мысленная картинка сразу же распалась, Фёдор почувствовал, что не всё ещё закончено. Он снова вспомнил слова чудной песни, которую пели гребцы, ощутил на лице дуновение свежего ветерка, которого не было на канале… А потом его позвали:

– Тео!

Фёдор вздрогнул. И оглянулся. Это был шёпот. Да только юноша находился один среди валунов. Фёдор чуть наморщился, пристально вглядываясь в листву. Но никто там не прятался, никто его не разыгрывал. Просто шёпот, тихий и какой-то радостный, словно его узнали и теперь поприветствовали, как старого друга.

– Тео! – снова шелестом листвы пронеслось над холмами.

Казалось, его звало само это место. Только теперь с оттенком лёгкой, тут же развеявшейся тревоги в зове прозвучало предупреждение. И мелькнула смутная и знакомая картинка: неприятно, неестественно раскормленный белый кролик в трактире дяди Сливня, налившийся темнотой глаз, волнистое покачивание губы зверька и шипение, так похожее на змеиное… А потом все смутные картинки развеялись, потому что юноша услышал:

– Значит, это правда?

Это был голос Матвея Кальяна, капитана их лодки. Фёдор посмотрел вниз на заводь у подножия холма. Вдоль берега прогуливались Хардов с Кальяном и вроде бы мирно беседовали, только отсюда, с вершины, до них было очень далеко. Ещё ни разу то, что Фёдор прозвал его «слуховыми удочками», не протягивались на столь приличное расстояние.

– Это правда, – голос здоровяка звучал негромко, хотя в нём и присутствовала внутренняя страсть, однако Фёдор отчётливо мог разобрать каждое слово, – что… укус скремлина может возвратить сюда? Вернуть молодость?

– Укус скремлина тебя убьет, – жёстко ответил Хардов, и что-то царственное мелькнуло в интонации его голоса. – Причём умрёшь ты мучительной смертью. Стоит ли полагаться на байки, Матвей, – добавил он значительно мягче, – доверять разным бредовым слухам.

– Ты, извини, братишка, – смутился здоровяк, – не хотел показаться назойливым… Я видел, что сделал для нас твой ворон, но люди их боятся и чего только не говорят.

– Не всему стоит верить, капитан.

– Я-то понимаю, что они поумней обычной зверушки будут. А то, что они и не зверушки вовсе, а только так выглядят… Выходит, они вам, гидам, вроде друзей, скремлины-то? А то и верных слуг?

– Большей глупости я в жизни не слышал! – усмехнулся Хардов. Затем вздохнул и добавил ровным голосом: – Матвей, запомни для своего же блага: скремлины – независимые, свободные и очень опасные существа. Не следует испытывать судьбу.

– Но как же…

– Их можно принудить делать какую-то работу, однако они сами выбирают, с кем иметь дело. Но уж если повезёт заслужить дружбу скремлина, то он будет верен тебе до последнего вздоха.

Ещё не закончив этой фразы, Хардов совершил нечто странное. Он обернулся и посмотрел на вершину холма. Именно на то место, где сидел Фёдор. Юноша тут же испуганно отстранился, укрываясь за выступом большого камня.

«Я попался, – подумал Фёдор. – Он меня заметил. Ещё решит, что подслушиваю, и теперь точно ссадит с лодки вместе с рулевым».

– Мне, например, Мунир очень дорог, – все так же продолжая разглядывать вершину холма, признался гид. – Однако по большей части для меня его пути неведомы. Правда, я могу призвать его в трудную минуту, – пояснил Хардов, склонив голову и чуть сощурив глаза, – и ворон откликнется. Но только если он мне *по-настоящему* нужен.

– А правда ли?.. Не отвечай, если не захочешь, я пойму.

Теперь Хардов повернулся к своему собеседнику и вопросительно посмотрел на него.

– Правда, что у вас со скремлинами, ну… как бы… – голос здоровяка упал, словно он наконец решился спросить нечто сокровенное, но в последнюю минуту забыл, как это сделать, – привязанность на всю жизнь? И если с кем-то из вас что-то произойдёт, ну… плохое, то вы это чувствуете? И что вас связывает что-то большее, чем родных людей?

Хардов какое-то время молча смотрел на собеседника, вот холодный отсвет в его глазах сменился весёлой искоркой, он прыснул и неожиданно расхохотался.

– Матвей Кальян, капитан моей лодки, – сквозь смех проговорил гид, – ходячий кладезь баек и легенд канала. Матвей, дружище, у всех по-разному!

Кальян смутился, а Хардов, казалось, развеселился ещё больше:

– Смотрю, пропитанное негой гостеприимство Сестры одарило нас всех чрезмерной мечтательностью.

Здоровяк потупил взор:

– Прости, братишка, я задал тебе слишком много вопросов.

– Да нет, нормально. Просто пора уходить. Пора готовить лодку. Идём, Сестра ждёт нас. Я не могу отправиться в путь без Мунира, но, может, мне удастся уговорить её оставить здесь рулевого.

Матвей попытался что-то возразить, но Хардов остановил его:

– Боюсь, что на канале для него хорошие новости закончены.

И увлекая за собой Кальяна, гид снова бросил взгляд на вершину холма. Фёдор сидел, боясь пошевелиться. Конечно, расстояние до них было очень приличным. Только Фёдору отчего-то показалось, будто Хардов знает, что он находится в полукружье валунов. И что смотрел гид именно на него.

4

Даже угроза того, что его высадят на берег вместе с рулевым или без оного, не омрачила последних дней пребывания Фёдора у Сестры. Это было бы очень обидно, юноша начал привязываться к команде, ко всем, даже к Хардову, но ведь есть и другие лодки! Возможно, тому виной была разлитая в воздухе благодать, возможно, что-то другое, но Фёдор вдруг понял, что *ничего* плохого с ним просто не может случиться. И единственным, что порой выбивало юношу из равновесия, оказались его неожиданно меняющиеся взаимоотношения с Евой.

Большую часть времени девушка проводила с дочерьми Сестры. И младшая, Адель, вызвалась обучить её искусству ткачества. Иногда к ним присоединялись остальные, за исключением средней, Алекто, которая была занята врачеванием рулевого. Девушки шушукались, хихикали и посмеивались Фёдору вслед. А иногда их с Евой взгляды случайно встречались. Именно в такие минуты к юноше возвращалась его привычная неуклюжесть, тогда он злился то ли на Еву, то ли на себя, что вызывало у девушек дополнительные приливы веселья.

«Ну и смейтесь себе на здоровье! – думал Фёдор. – Скоро всё это закончится. Мы уйдём по каналу чуть ли не до самой таинственной Москвы, где не бывал никто, кроме разве что Хардова, а потом я вернусь из рейса настоящим гребцом и женюсь на своей Веронике».

Но думая так и поднимаясь на вершину холма к полукружью валунов, Фёдор уже не мог с уверенностью сказать, по-прежнему ли ему этого так сильно хочется.

* * *

А потом он увидел в небе парящего Мунира. Ворон кричал, только это были крики не боли, а, скорее, восторга; порой он терял высоту, крылья его оказались ещё слабы, но птица отыскивала поток и вновь взлетала ввысь.

– Видишь, как он радуется, – произнёс Хардов, указывая на ворона, – он вспоминает. И к нему возвращается птичья природа. Он снова может летать.

Фёдор помедлил какое-то время, потом посмотрел на гида и вдруг признался:

– Я слышал ваш разговор. С капитаном. Про Мунира и про скремлинов. Я не специально.

– Я знаю, – ответил Хардов. – И надеюсь, ты его запомнил.

– Я?.. Да.

– Сегодня мы уходим. Для каждого из нас у Сестры найдётся несколько слов. Напутствие в дорогу. И возможно, какой-нибудь дар. Иди, она ждёт.

– Вы… Значит, вы не сердитесь?

Юноша взглянул гиду прямо в глаза. Но в них больше не было льдинок, лишь снова мелькнул этот непонятный отсвет нежности и какой-то давней боли. Но почему?! Что всё это значит? И если в первый раз могло показаться, то…

– Наверное, это было бы непозволительной роскошью для меня, – непонятно отозвался гид.

* * *

– Входи, Тео, я тебя жду, – снова голос Сестры показался Фёдору похожим на переливы ручейка. Она стояла в глубине шатра под пологом из живых веток. – Сегодня вы уходите, а мы так и не поговорили с тобой. Ты, наверное, хотел бы что-то спросить?

– Я не знаю, хозяйка, – признался Фёдор. – Здесь столько света… Я хотел бы задать тебе столько вопросов, что даже не знаю, с чего начать.

– Попробуй по порядку, – с улыбкой предложила Сестра.

Фёдор задумался. И ощущал он себя несколько неловко, но вот произнёс:

– Я сейчас только что на берегу… слышал, как наш рулевой, ну, бородатый… он в шутку гонялся за твоими дочерьми, они ухаживают за ним… – Фёдор почувствовал, что сбивается, но Сестра кивнула, подбадривая, и юноша продолжил: – А потом он закричал: «Я понял, кто они! Они речные нимфы! Речные нимфы!» Про твоих дочерей. Что это значит?

– Что ему нужна моя помощь, – рассмеялась Сестра. – И я окажу ему всю, что возможна. Хардов просил пока позаботиться о нём. А названия не важны, Тео. Ты сам ещё всё решишь, какие и чему стоит давать определения. Но ведь не это тебя волнует?

Фёдор согласно кивнул, посмотрел на свои ноги, поднял взгляд на Сестру и решился:

– Я хотел бы знать, что это за место, – выпалил Фёдор.

– Ты сам всё видишь, – мягко улыбнулась Сестра. – Таков мой дом.

– Но у меня столько «почему». – Фёдор вдруг вспомнил, как его звали на вершине холма, и о своих приобретённых навыках, и… о Еве… – Это похоже на сон, о котором знаешь, что проснёшься. Только это не сон. Объясни. А ещё этот сон кажется знакомым, как счастливые сны в детстве. Где же мы, хозяйка? Вся эта благодать…

– По-другому всё равно не поймёшь. – Сестра взглянула юноше прямо в глаза. – Вернее, поймёшь в конце пути. А может, ещё до окончания рейса. Причём в прямом смысле, никаких метафор! Но ты опять пытаешься давать определения, мой мальчик, а ведь не это для тебя главное? Что тебя беспокоит?

Фёдор подумал, затем нахмурился.

– Да, – признался он, – мне кажется, в этом весь ключ. Всё сходится, я чувствую, но… не знаю, как это объяснить.

– Вот как? А ты попробуй.

– Хардов. Кто он?

– Гид.

– Но… кто он на самом деле?

– Именно так – гид. Не смущайся, говори. Говори сейчас, другого времени может не быть.

Сестра взглянула на Фёдора с открытым и нежным пониманием, и юноша произнёс:

– Хардов… Он иногда так странно смотрит на меня. Кто он такой на самом деле, хозяйка? У него ворон. И он дружит с тобой. И как я понял, мог бы жить среди этой благодати. А он избрал путь скитальца.

– Хардов – великий воин, – произнесла Сестра, и теперь в её ясном и сильном взоре мелькнул то ли оттенок смущения, то ли печали.

– Конечно! Но я не пойму… Мне показалось что-то странное… То ли он что-то знает про меня, чего я и сам не знаю, то ли… Запутался я, хозяйка. – Фёдор с надеждой взглянул на Сестру. – Рассказала бы ты мне про Хардова.

– Мой рассказ о нём будет рассказом Сестры о воине и вряд ли тебе поможет. Но не жди от Хардова плохого. Что ты знаешь о гидах?

– Ну-у… – Фёдор вдруг замялся. – Они… ходят в туман, водят с собой учёных. У них скремлины. – Фёдор, заметив на лице Сестры весёлую улыбку, сам начал смущаться. – Они прекрасные стрелки. Они что-то ищут. Люди их боятся.

– А ты?

– Я? Не знаю. Мне кажется… Наверное, я смог бы больше доверять Хардову, если бы… По-моему, на самом деле я ничего не знаю о гидах, хозяйка.

– Но ты можешь учиться. И не только. А от Хардова не жди плохого, – повторила Сестра. – Путь его труден, но для всего, что он делает, есть свои основания. Скажу лишь, что ты неспроста в его лодке.

– Но как? – Юноша с сомнением покачал головой. – Может, ты не знаешь… ведь мы случайно столкнулись после… после одного события.

– Драки в трактире? – рассмеялась Сестра, а Фёдор почувствовал, что вот-вот начнёт краснеть.

– Скажи, ты всё ещё веришь в случайности? – поинтересовалась она.

– Я не знаю, – искренне признался Фёдор.

– Вот, например, твоё имя. Как думаешь, откуда оно?

– Фёдор?

– Нет, другое. Подлинное имя.

Фёдор помялся. И удивлённо обронил:

– Тео?!

– Именно.

Теперь юноша окончательно смутился. В общем-то, хвастаться было нечем. История была старая и почти позорная. Ещё в ненавистной гимназии. Учебник по «Критической теологии» достался Фёдору от предшественника в ужасном состоянии. Весь растрёпанный, с вырванными страницами, да ещё вдобавок обложку залили чернилами, так что оставалась возможность прочитать лишь три буквы «ТЕО». И когда Фёдор извлёк этот учебник из своего школьного вещмешка, тут и началось. Пошло-поехало. Над Фёдором даже пробовали издеваться, а о покупке новых учебников, стоивших баснословно дорого, для таких мальчиков, как он («…нет, они тоже живут у реки, только… ну, понимаете, он… не из семьи учёных, они там живут, потому что его отец… ну, словом, из простых гребцов» – и характерно закатываются глаза), не могло быть и речи.

Фёдор не держал зла на сынков и дочек зажиточных горожан, что сплетничали за его спиной. Ему-то нравилось, что батя «из простых гребцов», хоть его старик и бился из последних сил, мечтая дать сыну другое будущее. А тогда на помощь неожиданно пришла Вероника. Дураки, заявила она обидчикам, забирая у Фёдора учебник: Тео – сокращённое от Теодор, смотрите в книгу, а видите фигу: Фёдор, Феодор, Теодор – это всё одно и то же древнегреческое имя, означающее «дар божий». Так что если кому угодно звать Фёдора на античный манер, то милости просим. Вот такая она была, Вероника, – умница и верный друг. Почему-то столь нехитрое заявление возымело действие. В общем-то Фёдора в основном любили за отзывчивость и весёлый нрав, и задиристым обидчикам, наверное, просто требовалось веское основание, чтобы снять свои претензии. Видимо, «дар божий» вполне для этого сгодился. Нападки прошли, а имя «Тео» осталось.

Вот такая она была, Вероника. Фёдор и сам не заметил, как вздохнул: где-то глубоко всё ещё жила надежда отыскать *ту* девочку, ведь, возможно, время ещё не утрачено безвозвратно. Но что из этого он мог сказать Сестре?

Юноша смущённо поднял глаза. И встретился с прямым, открытым и каким-то обнадёживающе-радостным взглядом хозяйки.

«Она сама и есть благодать этого места», – вдруг подумал Фёдор. И почувствовал, что вот-вот начнёт краснеть. Но Сестра только улыбнулась ему:

– Ты что ж думаешь, всё из-за этого старого учебника?

– Учебника?! Но… как ты узнала, хозяйка?

Сестра пожала плечами:

– Ты мне рассказал. Только что.

Фёдор совсем сконфузился – он что, вдобавок ещё и говорил вслух?

– Не беспокойся о своих секретах, – рассмеялась Сестра. – Скажу тебе, что не только волей слепого случая появились на твоей книжке эти три буквы – «Тео». Можешь считать, что твоё имя отыскало тебя. А каким путём и как это выглядело со стороны – не важно. Так же и с Хардовым.

– Прекрасная хозяйка! – решил возразить Фёдор. – Мне дали имя батя с матушкой.

– Конечно, – согласилась Сестра. – И они тоже не ошиблись с выбором. Как и говорила твоя детская подружка. Но не печалься по тому, что кануло безвозвратно.

Сестра вдруг замолчала, хотя Фёдор почувствовал, что ей есть что ещё сказать ему. Он отчётливо почувствовал лёгкое усилие хозяйки, как будто кто-то стёр ластиком уже произнесённую фразу. И тогда он вздрогнул.

«Вы пойдёте в места, где, возможно, безумие подкрадётся вплотную».

Фёдор в изумлении уставился на Сестру. Это было как в их первую встречу, когда он слышал её, будто умел читать мысли. Сестра улыбалась, но глаза смотрели испытующе, и в них тихой рябью плескалось предупреждение.

«Доверься Хардову. Даже когда всё будет твердить об обратном. Его выбор непрост и ноша тяжела. Он думает, что почти утратил надежду, но это не так».

Фёдор облизал губы. Его зрачки расширились. Дотронулся до виска и глухо проговорил:

– Ты что-то сделала со мной. – Он кивнул. – Я слышал тебя, – и ещё раз коснулся головы, – вот тут.

Сестра не утратила улыбки, когда произнесла вслух:

– Я знаю. Не пугайся. Здесь это не страшно.

Фёдор захлопал глазами, а Сестра пояснила:

– Твой гид об этом не знает, но… Мёртвый свет коснулся не только Мунира. И не только рулевого. – Она чуть склонила голову и добавила: – Он видел и тебя.

Какой-то холодный ветерок прошелестел по шатру, серой тенью омрачив лицо Сестры, и словно бы на мгновение сделалось темнее.

– Мёртвый свет? – Фёдор вдруг обнаружил, что с трудом ворочает языком, произнося эту фразу. – Ты говоришь о… Втором?

Но вот складка на лбу Сестры выровнялась, а от глаз снова разбежались весёлые морщинки.

– Надеюсь, что всё позади, – мягко улыбнулась она. И Фёдор опять услышал её безмолвное: «Я постараюсь, чтобы частичка этого места пребывала с тобой. Это мой дар тебе. Мой крохотный дар».

Юноша чуть дёрнул головой, но Сестра тут же заговорила успокаивающе:

– Он будет с тобой не всегда. И не везде. Но когда очень понадобится, позови что есть сил. Я постараюсь помочь.

Фёдор, всё ещё справляясь с изумлением, наконец захлопнул рот. Попытался прокашляться:

– Я теперь смогу читать мысли?

– Конечно, нет, – рассмеялась Сестра. – Только если это будет предназначено тебе. Мысли… Скорее, я оставлю маленькую дорожку, открытую дверцу, по которой постараюсь прийти или послать весточку, когда… Я почувствую, когда станет необходимо.

Она замолчала. А потом Фёдор снова услышал то, что принял за чтение мыслей: «Очень многое меняется. Искорка мёртвого света может дать разные всходы. Это пугает, но и оставляет надежду».

– Я не понимаю, – прошептал Федор. Он вдруг почувствовал, как руки стягивает гусиная кожа.

Сестра какое-то время молча смотрела на него и произнесла:

– Обычно я не вмешиваюсь в дела мужчин. Но ты очень необычный. Правда, особенный. Чего-то и я не могу понять. Пусть дверца будет приоткрытой. А пока доверься Хардову. Возможно, тебе предстоит испытать его гнев и даже ненависть, а может, что и похуже, и вот тогда доверься своему сердцу. Большего я не скажу. А многое сокрыто и для меня.

– Слова твои туманны, прекрасная хозяйка, от них становится как-то не по себе, – глухо признался Фёдор.

– Знаю. Но они тебе в помощь. И очень скоро ты это поймёшь.

Сестра вдруг взяла юношу за руку, приблизила к нему лицо и посмотрела прямо в глаза, а может, ещё глубже. Потому что перед мысленным взором Фёдора мелькнули залитые солнцем тростники на Волге, лодка. И в ней они с батей… Это было его самое раннее воспоминание: Фёдору пять лет, скупая улыбка отца, радостный смех ребёнка, шелест тростника, рассекаемого лодкой… И от этой картинки по телу Фёдора разлилось ощущение надёжной защиты и покоя. «Они тебе в помощь. Как и мой маленький дар, – услышал Фёдор. – Постарайся правильно этим воспользоваться».

– Не знаю, что и сказать, – прошептал юноша. – Мне…

Но Сестра уже отстранилась от него, и Фёдор смог закончить более или менее ровным голосом:

– Мне не хватает слов… Спасибо. Спасибо тебе, хозяйка.

В первый раз улыбка, появившаяся на губах Сестры, выглядела чуть печальной.

– Не благодари, – возразила она. – Подобные дары не делают счастливыми. Но, возможно, помогут в несчастье. Как и то, что я собираюсь тебе дать.

Она протянула руку, и Фёдору показалось, что в раскрытой ладони он увидел нежную белую лилию, такую же, как в их первую встречу Сестра подарила капитану Кальяну. Но нет, это оказался совсем небольшой мешочек с вышитым инициалом «С».

– Не вскрывай его до поры. То, что внутри, пока чисто. Не загрязнено действием. Пусть так остаётся как можно дольше.

– До поры? О какой поре ты говоришь, хозяйка?

– Возможно, что тебе и не понадобится вовсе, – произнесла Сестра, задумчиво глядя на Фёдора. И опять он почувствовал, что какую-то часть её мыслефразы словно стёрли ластиком. – Знаешь-ка что, лучше пока забудь о нём, – посоветовала она, протягивая Фёдору мешочек. – Держи. Брось его в карман и забудь. Он не потеряется. Но когда в нём возникнет нужда, твои пальцы сами отыщут его. А теперь идём, Тео, лодка ждёт только тебя.

Фёдор вскинул на неё взгляд, а Сестра кивнула:

– Вся команда уже получила от меня напутствие и небольшие дары. Видишь, как быстро проходит время, которого много. Идём, вы возвращаетесь на канал прямо сейчас.

Когда они покинули шатёр, Фёдор увидел на берегу лодку, действительно уже снаряженную и готовую выйти на волну. Как велела хозяйка, он опустил мешочек в карман. Под тканью его пальцы нащупали что-то твёрдое и круглое. Глядя на лодку, Фёдор почему-то подумал, что этим плоским кругляком вполне могла быть крупная монета.

* * *

Когда лодка отчалила, рулевой, остающийся на берегу, встрепенулся и хотел последовать за ней, сделав шаг в воду. Но Алекто лишь крепче сжала его ладонь в своей, и бедняга начал успокаиваться. Он даже рассмеялся, подняв свободную руку и указывая пальцем вслед уходящему судну.

– Ему опять хуже, – горько обронил Матвей Кальян.

– Это потому, что мы уходим, – сказал Хардов. – Он чувствует. Скоро всё успокоится. Не грусти, на обратном пути мы заберём его.

– Если он будет, этот обратный путь.

– Матвей, на канале он стал бы опасен. И для себя, и для нас. Ты не знаешь, на что способен мёртвый свет. Мне всё равно пришлось бы его ссадить. И лучшее, что его там ждёт, – это помешательство.

– Я всё понимаю…

– Матвей, я даю тебе слово: кто-то из нас обязательно вернётся сюда. И заберёт твоего друга.

Матвей посмотрел на Хардова, и что-то горькое мелькнуло в его взгляде, но здоровяк ничего не сказал. Лодка шла по заводи, залитой закатным светом. И Фёдор, по праву занявший место на руле, решил бросить прощальный взгляд на свой холм. Теперь он видел его со стороны, и это место нравилось ему ещё больше.

«Было бы неплохо когда-нибудь вновь вернуться сюда», – подумал юноша. А потом Фёдор заметил, как в полукружье валунов мелькнули очертания знакомой фигурки. Он даже не сразу сообразил, как это Сестре удалось так быстро туда подняться.

– Смотри, хозяйка! – восторженно произнёс Кальян. – Она машет нам на прощанье!

– Да, – Хардов кивнул. – Она всегда там провожает… уходящие лодки.

«Ты хотел сказать “провожает меня”, – подумал Фёдор, – вместо “лодки”. И вот мы покидаем самое светлое место на канале, а я так про тебя ничего и не понял, гид Хардов».

– Она, конечно, самое диво дивное из всего, что мне довелось встречать в жизни! – Кальян, приподняв весло и укрепив его в уключине, махал ей в ответ. – Ты, конечно, прав, здесь ему будет лучше.

– По крайней мере, это время пройдёт для него гораздо спокойней, – повторил Хардов и усмехнулся, – он его и не заметит.

– Конечно, в обществе-то Алекто, – подмигнул Фёдору Ваня-Подарок.

Раздались тихие одинокие смешки, никому не хотелось уходить отсюда. Все знали, что пора, но словно тянули, и капитан это почувствовал.

– Ладно, мужики! Давайте, приналегли на вёсла, – скомандовал он. – Чего уж теперь…

Внезапно впереди появились пока ещё редкие клочья тумана. Вот только что вроде бы ничего не было, русло здесь выпрямилось, и до следующего изгиба реки открывалась широкая даль, перспектива, но с каждым взмахом вёсел линия тумана становилась плотнее. Причём пролегла она между лодкой и прежде чистым изгибом реки. Фёдор отклонился назад как можно дальше, только чтоб не выпасть за борт, – тумана перед глазами стало меньше. Сделал резкий наклон вперёд – туман сгустился. И Фёдор вспомнил, что много раз смотрел с вершины своего холма в эту даль, и никакого тумана там отродясь не было.

«Как странно, – удивился юноша. – Издалека и вблизи разные картинки. Но как такое может быть?» А следом пришла ещё более диковинная, если не чудовищная мысль: «Мы что, несём туман с собой?»

И тут Фёдор вздрогнул. Его позвали. С вершины холма, из полукружья валунов.

«Тео, – прозвучал в нём голос Сестры, – будь осторожен. Выбор между “правильно” и “легко” очень непрост. Не ошибись с тем, что любишь».

Фёдор обернулся. Сестра всё ещё стояла на вершине. Но рука хозяйки больше не была вскинута в прощальном жесте. Её удаляющаяся фигурка показалась сейчас хрупкой и беззащитной. И вновь его кольнуло это острое чувство, вновь юноша оказался на грани какого-то понимания, то ли тёмного, то ли очень важного,

(он должен о чём-то вспомнить?)

ещё на шаг придвинулся, почти встал на эту грань…

– Фёдор, держи руль крепче! – прозвучал голос Кальяна. – Ты что это, парень? Ну-ка, не раскисай мне тут.

Юноша в растерянности уставился на капитана. И на туман, что придвигался прямо по курсу лодки. Канал ждал их. Свободная рука сама нащупала в кармане мешочек – подарок хозяйки был на месте, он действительно увозил с собой частицу этого места. Всё развеялось, осталась лишь свербящая и тупая заноза сожаления. Но Фёдор крепче сжал мешочек, и ему стало легче. И тогда юноша услышал последние слова Сестры: «Тео! Мой милый мальчик. Верни мне его, как я вернула…»

Фёдор коснулся пальцами виска – опять какой-то непостижимый ластик стёр завершение фразы. Юноша не знал, каким было конечное слово или слова. Но что-то подсказывало ему, что Сестра сама позаботилась об этом. Как и тогда, в шатре, сама не захотела отпускать это последнее слово на волю.

Он почему-то быстро и робко решил помахать ей на прощание. Но когда Фёдор обернулся, Сестру уже невозможно было различить.

Лодка вошла в туман.

Глава 7
Шатун

1

Новиков Юрий, сын главы Дмитровской водной полиции, а заодно несостоявшийся жених Евы, был уверен, что своей первой встречи с Шатуном он никогда не забудет. Это произошло где-то с полгода назад, когда на канал неожиданно пришли заморозки и вся трава по берегам оделась хрупким инеем, что, по мнению многих, означало постепенное восстановление погоды.

Конечно, стоило признать, и первую встречу с Раз-Два-Сникерс ему удастся позабыть с трудом. Такие вещи не забываются. Как первый сексуальный опыт, первый страх смерти и первый публичный позор. Но Юрий не злился, как говорится, на его век хватит и он ещё отыграется. Эта черноволосая женщина с холодными и пронзительными глазами цвета пасмурного неба всё ещё манила его, хотя он и боялся её как огня. Смесь получалась любопытная, гремучая, но тем интересней ожидаемый впереди реванш, даром что он сын самого могущественного человека на канале.

Правда, Юрий не спешил. Пусть все и считают его пустышкой и обалдуем, Юрий не так прост, он дождётся своего часа и тогда очень всех удивит. И прежде всего дорогого батюшку, который на единственном родном сыне Юрии давно поставил крест. Нет, его по-своему любят и даже ценят, сынке можно всё, пусть развлекается, и должность, когда придёт срок, ему какую приличную подберут, но похоже, что в преемники под носом у купеческой республики дорогой и почитаемый батюшка готовит своего воспитанника Трофима. Он бы его и на профессорской дочке политическим браком поженил, если б Трофим был родным. Юрий не подавал виду, и дело не столько в искусстве притворства, по большому счёту, его даже больше устраивала беззаботная жизнь, но обиду затаил. И честно говоря, вряд ли бы он начал действовать, если бы не внезапное бегство Евы. Такого уже спускать было нельзя.

Свидание с Евой здорово его изменило. Её неожиданная строптивость, боязнь превратиться в посмешище – это само собой, но и стоит признать, чем-то она зацепила его. Чем-то она здорово отличалась от всех этих дмитровских кулём, с которыми Новиков-младший привык проводить время. Раз-Два-Сникерс, конечно, тоже от всех отличалась. Это мягко говоря. Та была охотницей, возможно, убийцей (Юрий слышал, что её попёрли из гидов за жестокость, и теперь она не брезгует разными деликатными поручениями полиции), Ева – профессорской дочкой.

Оба мира были для Юрия далеки, как другие планеты. И он даже не знал, какого реванша желал больше. Это возбуждало, наполняло жизнь смыслом. Правда, вроде как выходило, что Раз-Два-Сникерс – женщина Шатуна, если у него вообще могла быть постоянная женщина. Это возбуждало ещё больше.

Юрий хотел на обеих отыграться за причинённые унижения. И Юрий желал их обеих, хотел до боли в паху.

Во как может быть любопытно! Смесь, правда, гремучая. Смертельно опасная. Юрий считал, что его жизнь наконец становится всё более интересной и можно с этим поиграть. Здесь он сильно ошибался. Как и по поводу первой встречи с Шатуном. Вторая оказалась куда как любопытней.

* * *

Полгода назад Юрий высадился у верхних ворот шлюза № 2, что у бывшего посёлка Темпы, и как только его ноги коснулись берега, он почувствовал, что это нехорошее место. Заброшенное Дмитровское шоссе бежало здесь параллельно каналу через ряд древних болот, о которых порой доходили довольно-таки зловещие слухи. По крайней мере, приближаться к пустынной старой дороге, в обоих концах которой сгущалась неприветливая серая дымка, у Юрия не возникло никакого желания. Отсюда и до третьего шлюза в Яхроме начинался самый длинный бьёф канала протяжённостью сорок семь километров. Его так и называли – Длинный бьёф.

Неприветливое начало постепенно сменялось всё более обнадёживающей картинкой, а в конце бьёфа, собственно, и находился господин великий Дмитров. Уже от северных предместий города и на юг по каналу, практически до бывшей железнодорожной станции Турист напротив шлюза № 4 с его загадочной насосной станцией «Комсомольская», располагались самые обширные земли, не тронутые туманом. Во всяком случае, от Дмитрова до Яхромы в хорошие дни можно было добраться посуху, да и до Туриста тоже, если бы не рухнувший железнодорожный мост через канал. Конечно, по кромке обжитых земель, по речушкам и системе обводных каналов мгла стояла плотной стеной, и вот поговаривали, что кое-где опять пришла в движение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.